

ТУРКМЕНСКИЕ СКАЗКИ

ТУРКМЕНСКИЕ СКАЗКИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МАГАРЫФ»
АШХАБАД 1980

Туркменские сказки. Для детей младшего школьного возраста.
А., «Магарыф», 1978
256 стр. 100 000 экз. 1 р. 05 к.

В сборник вошли основные виды сказок, характеризующие устное творчество трудового народа.

Разнообразные по содержанию, они дают яркое представление о жизни и быте туркменского народа в прошлом. Угнетенный, он мечтал о лучшей доле, и эти надежды, полные оптимизма, вкладывал в сказки и анекдоты, легенды и небылицы. Большое место в книге занимают сказки, высмеивающие паразитизм падишахов и ханов, жадность и лживость баев, лицемерие и ханжество духовенства.

Оформление художника А. М. Салина.

Т 2
Т 88

№ 176 27.21.
Книжная палата ТССР, 1978

ТУРКМЕНСКИЕ СКАЗКИ

Издательство «Магарыф»

Для детей младшего школьного возраста

Редактор Агапова Г. И.
Худ. редактор Почай Г. Я.
Техн. редактор Ерофеева И. П.
Корректор Соколова В. И.

Сдано в набор 16.06.78. Подписано в печать 26.10.78.
Формат бумаги 70X100/16. ИМ 388. Физ. печ. листов 16,0+0,75 вкл. Привед. печ. листов 21,64+0,968 вкл.
Учет. изд. лист 17,9+1,12 вкл. Тираж 100 000 экз. Заказ № 765. Цена 1 р. 05 к.

Издательство «Магарыф»
Ашхабад, ул. Новая, 18-а..

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

Т 70802 307 99—78
М 552(15)—80

© Перевод с туркменского
Издательство «Магарыф», 1978

ПРЕДИСЛОВИЕ

Туркменский народ — творец богатого и разнообразного по жанрам фольклора. Образцы устных произведений, передаваемые из уст в уста, на протяжении многих веков и в наши дни имеют огромное воспитательное, эстетическое и познавательное значение. В народе, наряду с повседневно исполняемыми песнями разной тематики, девичьими «ляле», колыбельными, детскими игровыми песнями, пословицами, большой любовью пользуются эпические произведения — как сказки, так и более крупные дестаны героического, любовно-лирического и приключенческого содержания.

Одним из широко распространенных и богатых тематикой жанров туркменского фольклора считаются сказки. Сюжеты их очень разнообразны. Помимо оригинальных туркменских сказок имеется очень много сюжетов, заимствованных у других народов. Такие сказочные сюжеты, попадая в народную среду, обрабатывались, приспособлялись к нравам и быту туркмен.

Сказки создавались издавна, и более ранними, по мнению исследователей, считаются сказки о животных. В композиционном отношении они примитивны, развитие действия в них несложно — сюжетом является какой-нибудь случай.

Однако, отражая древние верования, понятия человека, сказки о животных с течением времени стали выражать социальные отношения, превратились в остро сатирические произведения, где высмеиваются нравы, чуждые простому народу.

В числе туркменских сказок огромное место занимают более сложные в композиционном отношении сказки волшебного или фантастического содержания. В этих сказках развитие действия проходит более сложно, герою или героине обязательно препятствуют злые и помогают добрые сверхъестественные силы. Эти сказки изобилуют чудесами, народная фантазия в них воскрешает умершего, превращает человека в птицу, в зверя, в камень, позволяет летать по воздуху, спускаться в недра земли и т. д. В этом заключается своеобразие фантастических сказок, в основе повествования которых лежит чудесный, волшебный вымысел.

В волшебных сказках, как и вообще в сказках, герой побеждает своих врагов и, как правило, занимает трон свергнутого или убитого народом несправедливого властелина-падишаха.

Почти во всех сказках конец бывает счастливым. «Пастух забрал свою скатерть и осла и отправился домой. С этих пор он счастливо зажил со своей женой, а народ был благодарен ему за то, что он избавил бедняков от жестокого падишаха и его жадных придворных» (сказка «Кривой ворон»). Или: «Гульджахан с большими почестями проводила падишаха Ширванадыла и его визирей. Сама же она много, много лет оставалась мудрым, справедливым и щедрым падишахом, самым мудрым, справедливым и щедрым на земле» (сказка «Гюльджахан»).

В народе большой любовью пользуются бытовые — новеллистические сказки. Сюжеты их обычно строятся на повседневно встречающихся бытовых сценках. В сюжетную канву вплетаются такие подробности описания, что не исключаются даже грубые, уродливые моменты. Обращение же сказок к бытовым подробностям и их описание служит средством социальных оценок и многочисленных разоблачений.

В новеллистических сказках одинаково занимательно повествуется и о роли труда в воспитании характера человека, и о взаимном уважении друг друга, и о согласованной семейной жизни, как о залоге общего благополучия, счастья.

Многие сказки новеллистического бытового содержания посвящены вы-

смеиванию, разоблачению алчности, лживости баев, купцов, ишанов, кази — исполнителей воли падишаха и духовенства. В сказке «Бай и батраки» во всех ее вариантах, — а их очень много, — высмеивается жадность бая, который, желая обмануть батраков, умирает сам, а жена его — такая же жадная — лишается своего богатства и в конце сказки умирает от разрыва сердца. Тут выражено отношение народа к баю, его жене в сатирической форме. Это выражение обобщенных жизненным опытом народа наблюдений. В сказке умело использован прием многозначности слов, на чем часто строятся остро сатирические произведения фольклора.

«Как-то она (хозяйка) испекла чапади и сказала:

— Я пойду помолюсь, а ты смотри, чтобы все в доме блестело, чтобы быки не высовывали свои головы из стойла, а куры — из птичника...

Приходит и видит: по полу разлито масло, в хлеву лежат зарезанные быки, а в птичнике — убитые куры».

По идейному содержанию очень ярки сказки, рассказывающие о жадности и распутности представителей духовенства, особенно ишанов.

В сказке «Бедняк и жадный ишан» ишан показан беспредельно жадным, он готов ради золота идти на обман, лесть, даже на черную работу, которой никогда не занимался. У него при виде золота дрожат руки. Это истинный представитель духовенства, который ради наживы, богатства готов на все. Таким видит народ ишанов и мулл, таким он и показал их в своем творчестве. Если в этой сказке повествуется об одной стороне характера ишана — о жадности, то в сказке «Бай стоит ишана» — о распутности ишана и лживости бая. Слепо веря в добродетельность ишана, есаулы не решаются его арестовать, однако, убедившись в его распутности, его казнят.

Выраженная в этих сказках сатира не усматривает никакой разницы между баем и муллой, между кази и ишаном. Они все — угнетатели народа, все они хотят обмануть, обобрать народ и за счет народа умножить свои богатства. Поэтому народ, вводя их в сказки, не разделяет в образах социальную природу и одинаково острой сатирой разоблачает их недостойное поведение и нравы.

К бытовым сказкам относится и цикл сказок о Ярты-гулаке, которого народ наделил острым умом, находчивостью и сообразительностью. В цикле этих сказок на примере конкретных бытовых событий высмеивается жадность бая, глупость ишана. Эту мысль ярко выражает сказка «Заколдованные волю» из цикла сказок о любимом герое народных сказок Ярты-гулаке.

Новеллистические сказки являются наиболее популярными и пользуются большой любовью у слушателей. К этой группе сказок относятся также сказки-анекдоты о Мирали и Солтан Союне (Султан Хусейн Бай-Кара). В сказке «Подарок» говорится о мудрости, наблюдательности и находчивости Мирали.

Новеллистические сказки обычно бывают небольшими по объему, в них народ, используя приемы условного изображения жизни, показывает внутреннюю ложь, социальную неправду имущих слоев населения — баев, купцов, кази и представителей религии — духовенства.

Эта группа сказок, как и сказки о животных, обычно не имеет традиционных для волшебных сказок концовок. Они кончаются пословицей, афоризмом, подытоживающими всё содержание сказки. В них очень много поучительного, так как события, изображаемые в этих коротких сказках, имеют свою жизненную основу.

Туркменские сказки, созданные в далеком прошлом, являвшиеся духовной пищей наших предков и дошедшие до нас в их устной передаче, являются драгоценным культурным наследием. Они и в наши дни имеют огромное воспитательное и познавательное значение.

С. Аннанурова,
кандидат филологических наук

«САМ НИЖЕ ГОРШКА, БОРОДА — ДВА ВЕРШКА»

У одного старика было три сына. Старший и средний выросли высокими и сильными, младший же уродился крохотным: ростом с вершок, а борода — в два вершка. За это его и прозвали: «Сам ниже горшка, борода — два вершка».

Однажды отец сказал сыновьям:

— Возлюбленные сыновья мои, дэв, что живет за горами, задолжал мне два гроша. На них можно купить гвоздей, чтобы подковать осла. Кто из вас отважится пойти к дэву и потребовать с него долг?

— Я пойду, — ответил старший сын.

Отец отпустил его. Старший сын пришел к дэву и сказал:

— Эй, почтенный дэв, ты почему не возвращаешь моему отцу два гроша, взятые в долг?

— Пусть твой отец подождет немного, — ответил дэв. — Я посадил эти гроши у себя в огороде, но из них пока ничего не выросло.

— Негодный обманщик, — сказал старший сын, — возвращай сейчас же два гроша: отец хочет купить гвоздей, чтобы поскорее подковать осла.

Дэв рассердился на обидные слова, схватил старшего сына за бороду, бросил его в колодец и прикрыл колодец большим и тяжелым мельничным жерновом.

Узнал об этом средний брат и сказал отцу:

— Отец, отпусти меня к дэву. Я освобожу старшего брата и заберу у дэва твои два гроша.

Отец отпустил среднего брата и на прощание сказал ему:

— Возлюбленный сын мой, поскорее возвращайся: нужно подковать осла, а гвоздей нет!

Пришел средний сын к дэву и сказал:

— Эй, проклятый дэв, где мой старший брат, говори? И сейчас же давай сюда два гроша, что ты задолжал отцу!

— Твой старший брат сидит в колодце,— ответил дэв.— Он там считает два гроша и никак не может их сосчитать. Помоги ему! Вдвоем вы быстрее справитесь.

С этими словами дэв схватил среднего брата за бороду и бросил его в тот же колодец, где сидел старший.

Весть об этом дошла до младшего брата. Он сразу же пришел к отцу и сказал:

— Отец, отпусти меня к дэву. Я хочу освободить братьев, забрать у дэва твои два гроша и вытряхнуть из него душу.

— Что ты, сынок,— испугался отец.— Твои два брата-силача не смогли справиться с дэвом, как же ты—«Сам ниже горшка, борода—два вершка»—справишься с ним.

Но младший сын не послушался отца, кликнул свою собаку ростом с полвершка и пошел к дэву.

В пути ему повстречался шакал. «Сам ниже горшка, борода—два вершка» приказал своей собаке Полвершка проглотить его.

Собака проглотила шакала, и они пошли дальше.

Им встретился волк.

«Сам ниже горшка, борода—два вершка» крикнул собаке:

— Эй, Полвершка, хватай волка!

Собака мигом проглотила и волка.

Потом они подошли к быстрой речке. Не перейти ее, не переплыть «Сам ниже горшка, борода—два вершка» не мог. Думал он думал, но ничего придумать не смог.

Тогда он приказал собаке:

— Эй, Полвершка, выпей речку!

Собака принялась лакать воду и вылакала всю речку.

«Сам ниже горшка, борода—два вершка» перешел речку по сухому дну.

Наконец дошли они до жилища дэва. «Сам ниже горшка, борода—два вершка» постучал в ворота и крикнул:

— Эй, поганный дэв, открывай ворота, пока я не разнес их!

Дэв поглядел в щелку и увидел человечка ростом не больше вершка и с бородой в два вершка. Тогда дэв рассердился, распахнул ворота и гневно заревел:

— Так вот кто пришел устрашить меня! А я думал, что это воробыиный птенец пищит! Чего тебе надо?

— Отдавай моих братьев, пока цел!—закричал «Сам ниже горшка, борода—два вершка».— И неси сейчас же два гроша! Да поворачивайся живей!

— У тебя борода для того и выросла, чтобы я схватил ее

двумя пальцами,— ответил дэв.— А в моем курятнике есть петух да курица: они давно не клевали человеческого мяса.

Сказав это, дэв двумя пальцами схватил младшего брата за бороду и бросил его в курятник. А собака Полвершка кинулась за хозяином и через щель пролезла в курятник.

Петух увидел человека ростом с вершок, захлопал крыльями и стал подзывать курицу, чтобы угостить ее лакомым кусочком.

«Сам ниже горшка, борода— два вершка» крикнул собаке: — Эй, Полвершка, выпусти-ка поскорее шакала, которого ты проглотила!

Собака выплюнула шакала, а когда шакал задушил петуха и курицу, снова проглотила его.

Наутро дэв заглянул в курятник и увидел, что маленький человек сладко спит, целый и невредимый. Стал дэв звать петуха и курицу, а они куда-то исчезли.

— Эй, бородатая ящерица,— крикнул дэв,— куда девались петух и курица?!

«Сам ниже горшка, борода— два вершка» проснулся, потер глаза и ответил:

— Откуда мне знать? Должно быть, испугались меня и убежали из курятника.

— Ах, так!— рассвирепел дэв.— Тогда тебя не испугается мой баран! Он живо съест тебя вместе с соломой!

Он схватил храбреца за бороду в два вершка, кинул его в овчарню и запер дверь.

А собака Полвершка побежала за своим хозяином и пролезла в овчарню.

Очнулся «Сам ниже горшка, борода— два вершка» в овечьей кормушке и увидел перед собой морды барана и овцы. Баран уже раскрыл свой зев, но маленький храбрец позвал собаку:

— Эй, Полвершка, выпусти скорей волка, которого ты проглотила!

Собака выплюнула волка, и волк загрыз барана и овцу.

Потом «Сам ниже горшка, борода— два вершка» немедля приказал своей собаке снова проглотить волка, и Полвершка в один миг проглотила его.

Наутро дэв заглянул в овчарню. И что бы вы подумали!

Маленький храбрец, зарывшись в солому, крепко спал.

— Эй, негодный!— закричал дэв.— Куда девались мои баран и овца?!

— Откуда мне знать!— ответил «Сам ниже горшка, борода— два вершка».— Должно быть, испугались меня и убежали.

— Ах, так!— еще яростней закричал дэв.— Тогда я сам съем тебя!— и протянул лапу, чтобы схватить его за бороду.

Но «Сам ниже горшка, борода — два вершка» выпрыгнул из овечьей кормушки и спрятался в мешке с соломой.

— Эй, дэв! — крикнул он оттуда. — Я знаю, где спрятались баран и овца!

— Где, говори сейчас же!

— Они прыгнули в тот колодец, где ты живешь, — ответил «Сам ниже горшка, борода — два вершка». — Спустишь поскорее туда и проверь сам.

Дэв полез в колодец, а «Сам ниже горшка, борода — два вершка» кликнул собаку, подбежал к колодцу и приказал:

— Эй, Полвершка, выпусти на волю ту речку, что ты выпила, затопи колодец.

Собака затопила колодец, а дэв утонул, да так и остался на дне колодца.

Потом «Сам ниже горшка, борода — два вершка» подошел к другому колодцу, где томились братья. Он сдвинул жернов, прикрывавший колодец, и выпустил братьев на свободу.

— От дэва мы избавились, — сказал «Сам ниже горшка, борода — два вершка». — Теперь нужно поискать, где он спрятал два гроша, которые задолжал отцу.

— Я знаю, где дэв спрятал два гроша, — сказал старший брат. — Он закопал их на своем огороде.

Взяли братья заступы, начали перекапывать огород. И нашли они там семь огромных кувшинов, наполненных золотом, и семь таких же кувшинов с серебром.

— Как же мы все эти кувшины перенесем домой? — спросил средний брат. — Ведь не поднять нам такой тяжести!

Тогда «Сам ниже горшка, борода — два вершка» приказал своей собаке:

— Эй, Полвершка, давай проглоти все кувшины с золотом и серебром!

Собака мигом проглотила их и резво побежала впереди трех братьев.

Отец очень обрадовался, когда увидел своих сыновей. А «Сам ниже горшка, борода — два вершка» позвал собаку и приказал ей выплюнуть все кувшины.

Увидел отец золото и серебро и спросил:

— Откуда вы раздобыли эти сокровища?

Старший сын ответил:

— Это золото и серебро выросло из твоих двух грошей, которые дэв посадил у себя на огороде.

А «Сам ниже горшка, борода — два вершка» добавил:

— Теперь, отец, ты сможешь купить гвоздей, чтобы подковать нашего единственного осла.

СТО ЗОЛОТЫХ

В давние времена в одном городе жил седельщик по имени Сарай. У него был сын, которого звали Мамед.

Однажды седельщик сказал:

— Я уже состарился, сынок, и не могу трудиться, как раньше. За всю жизнь мне удалось скопить триста золотых, а так как жить осталось недолго, то я должен позаботиться о твоей судьбе. Скажи, кем бы ты хотел стать: купцом, музыкантом или муллой?

Мамед ответил:

— Не хочу быть муллой, потому что учиться тяжело. Не хочу также быть музыкантом, потому что мне лень щипать струны и драть глотку. Я хотел бы стать купцом, потому что купцы сидят у себя в лавках и ничего не делают.

— Ладно,— согласился седельщик,— вот тебе сто золотых, поезжай в соседнее царство. Купив на эти деньги черного перцу, ты привезешь его сюда и сможешь с выгодой распродать.

Мамед спрятал деньги в переметную суму и пустился в путь.

Долго ли он шел, коротко ли, наконец достиг столицы соседнего царства. Здесь на базаре он увидел лавку, в которой продавался черный перец. Мамед попросил лавочника отпустить перцу на сто золотых. Пока тот отвешивал товар, Мамед огляделся и заметил, что народ торопливо идет в одном направлении. Мамед позабыл о перце и пошел за толпой. Люди привели его в сад, и он увидел двух нарядно одетых мужчин, игравших на дутарах. Это были известные музыканты, и толпа с наслаждением их слушала.

«Вот кем бы мне хотелось стать»,— подумал Мамед и, подойдя к музыкантам, обратился к ним:

— Веселые люди, сколько вы возьмете, чтобы за семь дней научить меня играть на дутаре?

— Если за семь дней,— ответил один из них,— то меньше чем за сто золотых обучать не возьмемся.

Мамед согласился заплатить сто золотых. Музыканты отвели его в свой дом и за семь дней научили играть на дутаре. Мамед отдал им сто золотых и пустился в обратный путь.

Долго ли он шел, коротко ли, наконец дошел до родного города.

Седельщик, увидев сына, обрадовался:

— Ну, сынок, много ли ты перцу привез?

Мамед не стал скрывать, что за сто золотых он только выучился играть на дутаре.

Тогда отец дал ему еще сто золотых и приказал непременно привезти черного перцу.

Мамед снова пришел в тот город, где его обучали музыканты. Лавочник, торговавший черным перцем, увидев его, с досадой окликнул.

— Эй, купец, куда же ты сгинул, когда я отвечивал тебе товар?

— А ты мне что за указчик?—сердито ответил Мамед.— Я в сотне мест торгую и всюду мне не поспеть. Не теряй же времени на праздные разговоры, а лучше поскорей отвесь мне перцу на сто золотых.

Лавочник стал проворно отвечивать черный перец, но Мамеда несколько не занимал товар, и он все время глазел по сторонам. Вдруг он увидел, как мимо с книгами и тетрадями пробежали юноши. Мамеду захотелось узнать, куда они так торопятся, и он, позабыв о перце, побежал за ними.

Юноши добрались до больших ворот и вошли во двор. Здесь их ждал седобородый мулла. Они поспешно расселись вокруг муллы, и тот начал им что-то объяснять.

Мамед подошел к мулле и спросил, что он делает.

— Учю юношей грамоте, чтобы в будущем они могли решать государственные дела.

— А сколько ты возьмешь, чтобы и меня за семь дней обучить всему этому?

— Если за семь дней,—ответил мулла,— то меньше чем за сто золотых обучать не возьмусь.

— Ладно,—согласился Мамед,— бери сто золотых!

Через семь дней Мамед выучился грамоте и отправился домой.

Долго ли он шел, коротко ли, но, наконец, пришел в родной город и рассказал отцу, на что истратил деньги.

Отец не стал бранить Мамеда, а отдал ему последние сто золотых и в третий раз послал за черным перцем.

Мамед опять пришел в тот же город, где оставил двести золотых, и направился к той же самой лавке, но она оказалась запертой. Мамед поглядел по сторонам и вдруг услышал из соседней лавки возгласы: «Коня возьми. Слона передвинь! Пешкой ходи! Шаха бей!»

Он заглянул в соседнюю лавку и увидел людей, игравших в шахматы. Среди них выделялся один особенно искусный игрок.

Мамед посмотрел на него и спросил:

— Сколько возьмешь, чтобы за семь дней научить меня этой игре?

— Если за семь дней,—ответил игрок,— то меньше чем за сто золотых не соглашусь.

— Бери деньги и много не разговаривай!— сказал Мамед.

Через семь дней, когда Мамед научился играть в шахматы, он написал отцу, на что ушли последние сто золотых. Он также звал отца приехать, чтобы тот на старости лет не побирался в родном городе и не срамился перед людьми, которые его давно знают.

Когда отец приехал, Мамед сказал:

— Выведи меня на базар и продай купцам, которым нужны погонщики каравана. На эти деньги ты будешь жить, пока я не разбогатею.

Отец заплакал, потому что ему жаль было продавать сына в рабство. Но Мамед стал упрашивать, и отец в конце концов согласился: взял сына за руку и отвел на базар.

Как раз в это время купцы собирали большой караван и им нужны были погонщики верблюдов. Один из купцов, по имени Иомуд-бек, купил Мамеда за один золотой, и юноша тут же пошел с караваном в далекий путь.

Долго ли шел караван, коротко ли, но, наконец дошел до глубокого и почти пересохшего колодца.

Иомуд-бек приказал погонщикам обвязать веревкой Мамеда и опустить его в колодец, чтобы он наполнил водой хотя бы один кувшин.

Очутившись на дне колодца, Мамед увидел там кучи серебра, золота и драгоценных камней. Он крикнул купцам о своей находке, и купцы кинули ему несколько порожних мешков.

После того как все сокровища были подняты наверх, караван тронулся в путь, а Мамеда оставили в колодце. Иомуд-бек боялся, что Мамед будет требовать своей доли, и вероломно решил избавиться от него.

Оставшись на дне колодца, Мамед осмотрелся и заметил низкую дверь. Он открыл ее и вошел в комнату. В ней спал дэв, а над ним висел на стене дутар. Мамед снял дутар и начал играть с тем искусством, которое за сто золотых передали ему известные музыканты.

Дэв тотчас же проснулся и, увидев человека, закричал:

— Эй, парень, как ты попал сюда?!

Мамед рассказал дэву, как обошлись с ним купцы.

— Я бы съел тебя,— сказал дэв,— если бы ты не играл так искусно. К тому же ты сыграл любимую песню моего сына.

При этих словах дэв заплакал.

— О чем ты плачешь?— спросил Мамед.

— Я вспомнил о моем сыне, таком же молодым, как ты,— ответил дэв.— Как-то раз, забавляясь с ним, я нечаянно раздавил стеклянный пузырек, где хранилась его душа, и он умер. Мой сын любил играть на этом дутаре. Чем же тебя, паренек,

отблагодарить за твою игру? Хочешь, я верну сюда караван и расправляюсь с купцами?

Мамед ответил:

— Нет, почтенный дэв, караван сюда не возвращай, а лучше перенеси меня к каравану.

Дэв исполнил просьбу Мамеда, он так быстро перенес его к каравану, что человек за это время не успел бы выпить и глотка воды.

— Мир вам,— сказал Мамед изумленным купцам.— Прошу извинить, что я уснул в колодце и отстал от каравана.

— Что с ними делать?— спросил дэв.— Хочешь, я всех их растерзаю?

— Нет, почтенный дэв,— ответил Мамед,— этого делать не надо. Я получу от них свою долю сокровищ, выкуплюсь из рабства и вернусь с деньгами к отцу. А тебя я благодарю и отпускаю.

Дэв тотчас же исчез, а купцы перепугались и стали потихоньку шептаться, советуясь, как им избавиться от раба, имеющего власть над дэвом: Иомуд-бек надумал послать Мамеда с письмом к своим сыновьям, чтобы они убили его.

Написав письмо, Иомуд-бек приказал Мамеду:

— Поезжай вперед на моем коне и Расскажи дома, что в караване все обстоит благополучно. А письмо отдай старшему сыну.

Мамед взял письмо и поскакал.

Долго ли ехал, коротко ли, но, наконец, доехал до одного ручья и тут решил передохнуть. Он развел костер и начал кипятить воду для чая. Ожидая, пока закипит вода, он стал рассматривать письмо, и ему захотелось прочитать его.

«Дай-ка проверю,— подумал он,— не позабыл ли я грамоту, которой за сто золотых научил меня мулла».

Мамед вскрыл письмо и прочел его. Письмо начиналось словами: «Сыновьям моим, каждому в отдельности, привет»,— и кончалось: «Податель этого письма— мой раб. Он замышляет недоброе против нас, поэтому убейте его немедленно».

Мамед разорвал письмо и написал другое: «Податель письма нашел в одном колодце много золота и драгоценных камней. Половину сокровищ он подарил мне. Потому примите гостя достойно и устройте в честь его большой пир».

Вода тем временем закипела. Мамед напился чаю с лепешками и снова пустился в путь.

Приехав в город, в котором жил Иомуд-бек, он расспросил у людей, где находится его дом, и вручил письмо старшему сыну купца.

Сыновья очень обрадовались, узнав о неожиданном обогащении, и приняли Мамеда с большим почетом. В тот же вечер

они устроили пир и созвали гостей. Пир продолжался всю ночь, а наутро Мамед спросил старшего сына Иомуда-бека:

— Что занятого в вашем городе?

— Ровно ничего,— ответил тот.

— А кто управляет вашей страной?

— Девушка-падишах. Она недавно объявила народу, что выйдет замуж за того, кто обыграет ее в шахматы.

— А как пройти во дворец?— спросил Мамед.

— Не ходи туда, приятель,— сказал старший сын купца.— Многие уже пробовали обыграть ее в шахматы и поплатились жизнью, потому что всякого, кто проигрывает, она велит казнить.

Мамед не послушался, напился чаю и немедленно отправился во дворец. У дворцовых ворот его остановил есаул.

— Что тебе здесь нужно?— спросил он.

— Пришел жениться на вашем падишахе,— ответил Мамед.

Есаул пошел докладывать девушке-падишаху и, вернувшись, сказал:

— Падишах спрашивает, хорошо ли ты играешь в шахматы?

— Скажи, что хорошо.

— Кто твой учитель?

— Мастер, которому я заплатил за обучение сто золотых.

— Ты должен четыре раза сыграть с нашим падишахом.

Проиграть тебе разрешается только один раз.

— Согласен,— ответил Мамед.

— А знаешь ли ты, что тебя ждет, если не выполнишь эти условия?

— Знаю,— ответил Мамед.

— А не жаль тебе расставаться со своей жизнью?

— Жаль, потому что я обязательно женюсь на вашем падишахе, а после этого мне не захочется умирать,— ответил Мамед.

Тогда есаул повел юношу в покои девушки-падишаха.

Увидев его, девушка-падишах воскликнула:

— Юноша, мне будет жаль, если палач отрубит тебе голову!

Лучше откажись от своей затеи.

— Не затем я сюда пришел, чтобы вести праздные разговоры,— ответил Мамед.

Девушка-падишах приказала принести шахматы и начала с ним играть. Их обступили визири и придворные, следившие за каждым ходом состязавшихся.

На первый раз Мамед проиграл.

Девушка-падишах сказала:

— Юноша, откажись лучше от состязания, потому что ты не выиграешь у меня ни одного раза!

— Не докучай праздными разговорами,— ответил Мамед.— Первый раз я проиграл из уважения к тебе. В моей стране есть

такой обычай: гость, играя в шахматы с хозяином, должен уступить ему первую партию.

Они стали продолжать игру, и Мамед три раза подряд выиграл.

Народ, узнав об этом, очень обрадовался, потому что не одна мать оплакивала уже смерть своего сына.

Девушка-падишах сказала Мамеду:

— Ты еще не совсем победил меня. Сыграем в последний раз. Если проиграешь, я не казню тебя, а отпущу домой. Если же выиграешь, устрою свадебный пир.

Мамед выиграл и на этот раз. Девушке-падишаху ничего не осталось, как устроить свадебный пир и угостить пловом всех жителей столицы.

На следующее утро подписали брачный договор, и девушка-падишах посадила юношу на золотой трон. Так Мамед стал падишахом.

Начав царствовать, он прежде всего послал верховых навстречу вероломным купцам, приказав привести их прямо во дворец.

Когда купцов во главе с Иомуд-беком пригнали во дворец, Мамед приказал забрать у них все сокровища, которые он нашел на дне колодца, и раздать их неимущим жителям царства. А Иомуд-беку дал один золотой и сказал:

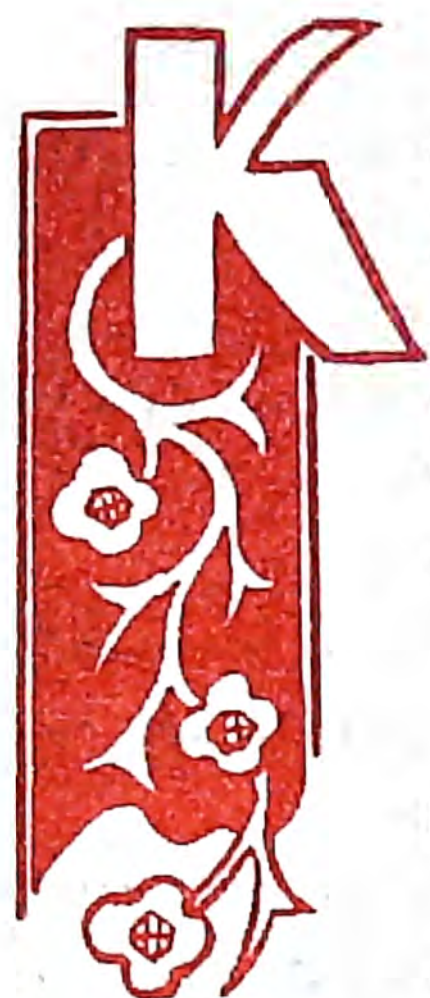
— Вот тебе деньги, которые ты заплатил моему отцу. С этого дня я откупил себе свободу. Теперь знай, что я твой падишах, и если ты с кем-нибудь поступишь так же вероломно, как со мной, то жестоко заплатишься за это.

С этими словами он отпустил Иомуд-бека и всех купцов.

Затем Мамед написал своему отцу письмо и приказал гонцам привезти старика к нему во дворец.

Старый седельщик приехал к сыну и зажил с ним счастливо. Говорят, они до сих пор живут и наслаждаются жизнью.

ГЮЛЬНАР-ДЖАН

Когда-то давным-давно жили муж с женой. Жили они в ладу, но сильно горевали о том, что у них нет детей.

Однажды в жаркий день муж, пригорюнившись, сидел у своей кибитки. В это время проходил дервиш. Остановившись у кибитки, чтобы передохнуть немного в ее тени, он спросил:

— О чем горюешь, добрый человек?

— Горе у меня большое,— ответил муж и тяжело вздохнул.— Бог не посылает мне детей.

— Твоему горю легко помочь,— сказал дервиш и протянул ему яблоко.— Возьми это яблоко, разрежь пополам, одну половину дай жене, а другую съешь сам. Когда у вас родится дочь, назовите ее Гюльнар-джан.

Сказав это, дервиш ушел.

Муж разрезал яблоко пополам, одну половину съел сам, а другую отдал жене.

Через год у них родилась дочь, и они назвали ее Гюльнар-джан.

Девочка росла и с каждым днем хорошела. Когда она входила в темную кибитку, там становилось светло, как от сияния луны.

Отец и мать наглядеться не могли на дочку.

Но вот случилась беда: умерла мать.

Отец погоревал несколько лет и женился на другой, очень красивой женщине. Гюльнар-джан к тому времени стала уже взрослой девушкой.

Мачеха невлюбила свою падчерицу, потому что Гюльнар-джан была красивей ее.

Завидуя падчерице, она однажды спросила у луны:

— Скажи мне, кто красивей: я или Гюльнар-джан?

Луна ответила:

— Мы обе не можем сравниться с ней. Когда Гюльнар-джан ночью выходит из кибитки, сияя своей красотой, мне волею-неволей приходится покидать небо.

Мачеха сильно разгневалась на эти слова и спросила у солнца:

— Скажи мне, кто красивей: я или моя падчерица?

Солнце ответило:

— Красавица, мы не можем сравниться с Гюльнар-джан. Когда на закате она доит коз, я меркну и краснею от стыда, потому что знаю, не мне, а ей надо сиять на небе.

Тогда мачеха еще пуще разгневалась и подступила к мужу:
— Не хочу больше жить в одной кибитке с Гюльнар-джан!
Напечем лепешек и уведем ее в такое место, откуда она не сможет вернуться домой.

Отец Гюльнар-джан сначала противился, но жена ни одного дня не оставляла его в покое, и в конце концов ему пришлось согласиться.

Рано утром мачеха напекла лепешек. Отец, оседлав верблюдов, посадил на них дочь, мачеху, сел сам, и все вместе поехали в пустыню. Ехали до захода солнца и, наконец, приехали в такое место, где глаза ничего не видят, а уши ничего не слышат.

Здесь они остановились на ночлег.

Гюльнар-джан, предчувствуя недоброе, долго не могла уснуть. Только в полночь, положив голову на отцовский халат, она крепко уснула. Мачеха растолкала спавшего мужа и, чтобы не разбудить Гюльнар-джан, отрезала от халата ту полу, на которой лежала голова падчерицы. Потом оба стали собираться в обратный путь. Они забрали всех верблюдов и поспешно уехали, а Гюльнар-джан осталась одна.

Утром проснулась Гюльнар-джан и видит, что возле нее нет ни отца, ни мачехи, ни верблюдов. Горько заплакала она, встала и пошла куда глаза глядят.

Долго ли шла, коротко ли, но, наконец, дошла до трех кибиток. В тех кибитках жили дэвы.

Подойдя к первой кибитке, Гюльнар-джан увидела стоявшую у входа жену дэва и поприветствовала ее.

Жена дэва сказала:

— Красавица, если сюда птица залетит, она крылья потеряет, если джейран забежит — копыта обломает. Уходи отсюда, пока цела!

Гюльнар-джан подошла ко второй кибитке и увидела жену второго дэва. Девушка поприветствовала и ее, и жена второго дэва тоже сказала:

— Красавица, если сюда птица залетит, она крылья потеряет, если кулан забежит — копыта обломает. Уходи отсюда, пока цела!

Тогда Гюльнар-джан подошла к третьей кибитке и поприветствовала вышедшую ей навстречу жену третьего дэва.

— Заходи в кибитку, красавица моя! — сказала приветливо жена третьего дэва.

Гюльнар-джан зашла, и жена дэва напоила ее чаем, накормила лепешками, а потом сказала:

— Красавица, мужья наши — страшные дэвы. Сейчас они охотятся, но скоро вернутся. Если муж застанет тебя здесь, будет беда. Нужно тебе поскорее спрятаться.

Жена дэва выкопала в кибитке яму, спрятала в ней Гюльнар-джан, а сверху прикрыла кошмой.

Вскоре вернулся с охоты дэв. Войдя в кибитку, он повел носом и зарычал:

— Человеческим духом пахнет! Говори, жена, где спрятался человек?

Жена ответила:

— Клянусь богом, сюда и нога человеческая не ступала! Это, наверное, ты летал среди людей и запах их остался.

Дэв успокоился и сел за еду. Он съел целого джейрана и снова отправился на охоту.

После его ухода жена вывела из ямы Гюльнар-джан и стала с ней играть и веселиться.

Так прошло несколько дней, и всякий раз перед возвращением дэва жена прятала Гюльнар-джан.

Однажды проходила мимо старуха и увидела красавицу, резвившуюся вместе с женой дэва. Она пожалела девушку и решила во что бы то ни стало спасти ее.

Подозвав к себе Гюльнар-джан, старуха попросила:

— Красавица, расчеши-ка мне волосы!

Гюльнар-джан опустилась на землю, осторожно положила голову старухи к себе на колени и стала расчесывать ее волосы. В это время старуха вонзила в колено девушки иглу.

Гюльнар-джан, не вскрикнув, лишилась чувств. Старуха сказала жене дэва, что девушка уснула и ее нужно положить в постель.

Затем старуха ушла.

Жена дэва отнесла Гюльнар-джан в кибитку и уложила в мягкую постель, а когда перед приходом мужа стала ее будить, то увидела, что девушка мертва. Жена дэва испугалась и заплакала.

Возвратясь с охоты, дэв еще с порога кибитки зарычал:

— Человеческим духом пахнет! Говори, жена, где спрятался человек?

— У нас в кибитке лежит мертвая девушка,— ответила жена дэва, зная, что дэв не станет трогать мертвеца.— Мы с ней вот уже несколько дней играли и приятно проводили время. А сегодня пришла какая-то старуха и попросила девушку расчесать ей волосы. Девушка начала расчесывать старухе волосы, но сразу же уснула, а когда я стала будить ее, она оказалась мертвой.

— Стоит ли тужить о ней?— сказал дэв.

Потом он приказал жене:

— Положи тело этой девушки на верблюда, и пусть он идет, куда пожелает. Люди увидят верблюда, идущего без хозяина, и кто-нибудь захочет прибрать его к своим рукам.

Жена дэва пустила верблюда в степь, но разукрасила его так, будто он вез невесту.

Верблюд шел до тех пор, пока его не заметили двое крестьян, собиравших топливо.

Один из них радостно воскликнул:

— Верблюд без хозяина будет моим!

А другой поспешно добавил:

— А то, что навьючено на нем, будет мое!

Они подошли к верблюду и увидели на нем мертвую девушку. Крестьяне привели верблюда в свое селение, и тот, кто хотел завладеть вьюком верблюда, получил мертвую девушку и понес хоронить ее.

По дороге ему встретилась старуха. Она спросила:

— Почему ты несешь на кладбище живую девушку? Неси ее к себе домой и созывай гостей на свадьбу.

Крестьянин послушался старуху и понес Гюльнар-джан в свою кибитку. Старуха зашагала следом. Когда они вошли в кибитку, старуха вытащила из колена девушки иглу, и девушка ожила.

Крестьянин тотчас же созвал гостей, устроил свадебный пир и женился на Гюльнар-джан.

ДЭВ И ТРИ ДЕВУШКИ

У одного купца было три дочери.

Однажды он, собираясь на базар, сказал:

— Дочери мои, я уезжаю по торговым делам. Если удачно обману покупателей и получу большую прибыль, то привезу вам подарки. Что бы желали вы получить?

Старшая дочь ответила:

— Привези мне туфли из телячьей кожи.

Средняя сказала:

— Привези мне платье из верблюжьего пуха.

Младшая попросила:

— Привези мне бисер для вышивания.

Купец поехал в город, удачно обманул покупателей, получил большие барыши и перед тем как поехать домой вспомнил о подарках. Старшей дочери он купил туфли из телячьей кожи, средней — платье из верблюжьего пуха, а младшей ничего не купил, потому что нигде не мог найти бисера.

Откуда ни возьмись, к купцу подошел какой-то человек.

— Что ищешь, купец?— спросил он.

— Бисер,— ответил тот.

— Тогда поезжай домой,— услужливо посоветовал незнакомый.— По дороге увидишь «Чертов холм». За тем холмом стоит большой дом, в нем все стены унизаны бисером. Вот уже много лет как в этом доме никто не живет. Заходи и набирай этого добра сколько захочешь.

Купец поблагодарил незнакомого человека и поехал домой.

Доехав до «Чертова холма», он свернул с дороги и увидел большой дом. Двери его были отворены. Купец вошел в дом и убедился, что все стены внутри были унизаны бисером.

Вдруг купец услышал громкое рычание:

— Человеческим духом пахнет!

И в тот же миг он увидел перед собой страшного дэва.

Купец не растерялся и сказал:

— Привет тебе, почтенный дэв!

— Ты как сюда забрел?— спросил дэв.— Какое у тебя дело ко мне?

Купец ответил:

— Я обещал привезти подарки дочерям. Для двух купил на базаре то, что они просили, а для третьей дочери нигде не мог найти бисера. Какой-то человек посоветовал мне пойти в этот дом и сказал, что здесь его очень много.

— Тебе посоветовали правильно,— сказал дэв.— Подставляй подол.

С этими словами дэв насыпал в подол купцу немного тлеющего пепла, а сверху — мельчайший бисер.

Получив полный подол бисера, купец начал охаивать товар, чтобы поменьше за него заплатить, но дэв сказал:

— Мне ничего не надо. Я требую только одного: поезжай домой и не оглядывайся.

Обрадованный купец пустился в путь.

Тлеющий пепел тотчас же прожег в подоле крохотную дырочку, и бисер по зернышку стал сыпаться на дорогу, а купец не оглядывался и не замечал этого.

Так он доехал до дому, оставив позади след из мелких зернышек бисера, и в подоле у него осталось еще много бисера.

На другой день, когда купец сидел со своими дочерьми и рассказывал им, как ему достался бисер, на улице слышался конский топот.

— Это, наверное, сваты едут,— сказал купец.— Тебя, моя старшая доченька, будут сватать.

Старшая дочь начала плакать, а средняя и младшая — радоваться.

Купец выбежал встречать сватов и вдруг увидел,— в ворота на огромном коне въезжает дэв.

Не слезая с коня, дэв зарычал:

— Выводи свою старшую дочь, пока цел! Я возьму ее в жены!

Купцу пришлось отдать дэву старшую дочь.

Дэв привез девушку домой и сказал:

— Я отправляюсь на охоту и до вечера не вернусь. Когда проголодаешься, скушай вот это.— Он протянул ей блюдо, на котором лежал отрезанный человеческий нос.— Если съешь нос, будешь хозяйкой в доме, а если не съешь, то я тебя повешу за косы.

Сказав это, дэв отправился на охоту.

Целый день старшая дочь купца ничего не ела и горько плакала. Ее слезы скатывались со щек, падали на пол и мгновенно превращались в разноцветные бусинки. Под вечер, страшась угрозы дэва, девушка позвала со двора кошку и бросила ей с блюда нос.

Кошка тотчас же съела его.

Дэв вернулся с охоты и спросил девушку:

— Жена, съела ты нос?

Она ответила:

— Съела.

Тогда дэв грозно крикнул:

— Эй, нос! Где ты, отзовись?!

Нос тотчас же ответил:

— Я в животе у кошки!

— Ты, значит, не съела носа!— заорал на девушку дэв и потащил ее в потайную комнату.

Там он связал ее и повесил за косы на крюк.

На следующий день дэв опять явился в дом купца.

— Эй, купец!— зарычал он.— Выводи свою среднюю дочь! Я возьму ее в жены!

Купцу ничего не оставалось, как исполнить приказание дэва.

Привез ее дэв к себе, вынес блюдо с отрезанным человеческим носом и сказал:

— Я отправляюсь на охоту и до вечера не вернусь. Когда проголодаешься, съешь этот нос. Если не съешь, я тебя повешу за косы, как твою старшую сестру.

Дэв отправился на охоту, а средняя дочь стала плакать, и слезы ее превращались в разноцветный бисер.

Под вечер, перед приходом дэва девушка, дрожа от страха, бросила кошке нос.

Кошка тотчас же съела его.

Вернувшись с охоты, дэв спросил:

— Жена, съела ты нос?

Она ответила:

— Съела.

Дэв, не поверив ей, грозно крикнул:

— Эй, нос! Где ты, отзовись?!

Нос тотчас же ответил:

— Я в животе у кошки!

— Так ты ослушалась меня!— заорал дэв и потащил бедную девушку в потайную комнату и повесил ее за косы на крюк, рядом со старшей сестрой.

Наутро дэв в третий раз появился во дворе купца и, не слезая с коня, зарычал:

— Эй, купец, выводи свою младшую дочь!

Купец выбежал во двор и сказал:

— Почтенный дэв! Я двух дочерей отдал даром и понес большой убыток. А за младшую хочу получить выкуп.

— А разве я не насыпал тебе даром полный подол бисера?— заорал дэв.— Это все слезы моих прежних жен. Теперь пусть и младшая твоя дочь поплачет, чтобы возместить мои убытки!

Бедному купцу ничего не оставалось, как отдать дэву свою младшую дочь.

Дэв привез девушку домой, вынес блюдо с отрезанным носом и приказал ей съесть этот нос до своего возвращения с охоты.

— А если ты ослушаешься меня,— пригрозил он,— то я расправлюсь с тобой, как с твоими сестрами.

Младшая дочь купца ответила:

— Я—твоя жена, и все, что ты мне прикажешь, исполню немедленно и в точности, но так как ты мой муж, у тебя не должно быть от меня никаких тайн.

— Это ты говоришь дельно,— сказал дэв.— Спрашивай у меня, что хочешь.

Девушка сказала:

— Мне очень дорога твоя жизнь, и я должна знать, где находится твоя душа, чтобы хранить ее в надежном месте.

— Правильно говоришь,— согласился дэв.— Так должна поступать каждая верная жена. Но прежде тебе следует самой открыть место, где спрятана твоя душа.

— Моя душа хранится в моем теле,— ответила девушка.

— А моя,— признался дэв,— хранится в стеклянном пузырьке.

Он протянул ей пузырек и попросил девушку:

— Спрячь его в надежное место.

— Будь спокоен,— ответила девушка,— и принеси с охоты побольше дичи, так как один нос меня не насытит.

Дэв отправился на охоту, а младшая дочь весь день весело распевала.

Вечером пришла со двора кошка и стала мяукать, прося, чтобы ей бросили нос. Девушка прогнала ее прочь. Тогда нос приподнялся на блюде и стал принюхиваться.

— Чую приближение дэва,—предупредил он девушку.— Если ты меня не съешь, дэв повесит тебя за косы в потайной комнате, где уже висят твои сестры.

Но девушка не обратила никакого внимания на его предупреждение.

Когда стемнело, вернулся с охоты дэв и зарычал:

— Эй, нос! Где ты, отзовись?!

— Я здесь, я здесь!—отозвался нос.

— Где?—грозно спросил дэв.— В животе у кошки?

— Нет, нет, я лежу цел на блюде!

Тогда разъяренный дэв подступил к девушке:

— Как ты смела ослушаться меня?!

Он хотел ее схватить за косы, но девушка вынула стеклянный пузырек с душой дэва и ударила его оземь. Пузырек разбился, и душа дэва тотчас же провалилась в ад.

Дэв упал, не успев даже охнуть, а нос мгновенно исчез с блюда.

Девушка отыскала потайную комнату, сняла с крюков двух своих сестер и освободила других девушек, под ногами которых лежали кучи бисера. Это были пролитые ими слезы.

Забрав сокровища дэва, счастливые сестры возвратились домой.

КРИВОЙ ВОРОН

Было это или не было, но жил, говорят, некогда чабан. У него была жена. Все их имущество составляла кибитка с рваной кошмой да корова.

Жена доила корову, а чабан пас чужое стадо и приготавливал сыр на зиму.

Однажды взглянул пастух на крышу кибитки, где был разложен сыр, и заметил, что кто-то расхитил добрую его половину.

«Надо подкараулить вора»,—решил чабан.

Всю ночь он не спал. На рассвете видит—прилетел кривой ворон и начал клевать сыр. Пастух подкрался и поймал вора. Он хотел тут же убить его, но ворон заговорил человеческим голосом:

— Отпусти меня, добрый чабан, а завтра приходи ко мне в гости. Я тебя одарю.

Послушался чабан и отпустил вора. Тот взлетел и сказал:

— Пойдешь по этой дороге и спрашивай, где кибитка кривого ворона. Всякий покажет.

Назавтра чабан пошел к ворону.

Идет он и встречает большую отару овец.

— Чьи это овцы?—спросил чабан.

— Кривого ворона,—ответили ему.

— А где его кибитка?

— Пойдешь по этой дороге, увидишь табун лошадей. Спроси у табунщика,—он тебе покажет.

Пошел чабан дальше и увидел табун лошадей. Чабан подошел к табунщику и спрашивает:

— Чьи это лошади?

— Кривого ворона,—ответил тот.

— А где его кибитка?

— Если пойдешь по этой дороге, увидишь стадо верблюдов. Спроси у пастуха,—он тебе покажет, где его кибитка.

Пошел чабан дальше и увидел большое стадо верблюдов.

— Чьи это верблюды?—спросил он у пастуха.

— Кривого ворона.

— А где его кибитка?

Пастух показал на черную кибитку, одиноко стоявшую на вершине высокой горы.

Взобрался пастух на гору, навстречу ему одноглазый ворон.

— Заходи, заходи, гость,—пригласил хозяин.

Ворон посадил пастуха на почетное место и угостил чаем и лепешками, а когда чабан собрался идти домой, подарил ему скатерть-сачак и сказал:

— Это не простой сачак. Если скажешь: «Сачак, сачак, в ширь расти и на славу угости!»—он тотчас же раскинется и на нем появятся всевозможные яства, какие ты только пожелаешь! Когда кончишь трапезу, скажи: «Сачак, свернись!»

Чабан взял сачак и пошел домой, где его с нетерпением поджидала жена.

— Эй, жена,—сказал чабан,—неси воды, помоем руки и сядем ужинать.

— У нас, кроме молока, ничего нет,—ответила жена.

Чабан вытащил из-за пазухи сачак и проговорил:

— Сачак, сачак, в ширь расти и на славу угости!

Сачак тотчас развернулся, и на нем сразу появились всевозможные яства.

Чабан с женой на славу поели.

— Сачак, свернись!—сказал пастух. Все исчезло, а сачак свернулся.

— Позови падишаха и угости его,— сказала жена.— Может, он возьмет тебя на службу.

Чабан послушался жену и позвал на обед падишаха, его визирей и векилей.

Когда они пришли и с трудом расселись в тесной кибитке, чабан положил перед ними сачак. Все удивились такому угощению, а падишах даже разгневался.

Тогда чабан сказал:

— Сачак, сачак, в ширь расти и на славу угости!

Сачак широко развернулся, и на нем появились такие кушанья, каких никогда еще не ел ни падишах, ни его придворные.

Гости пообедали и возвратились во дворец.

— Иди к чабану и отними у него сачак!— приказал визирю падишах.

Визирь тотчас же вернулся к чабану, отнял сачак и принес его во дворец.

Чабан пошел к кривому ворону и пожаловался на падишаха.

— Не горюй,— сказал тот.— Я подарю тебе осла. Осел этот непростой. Стоит только сказать «хых», как из него вместо помета посыплется золотые монеты.

Чабан поблагодарил ворона, сел на осла и поехал.

Проезжая мимо дворца падишаха, чабан испугался стражи и чтобы быстрее проехать, стал понукать осла:

— Хых, хых!

Из осла тотчас же посыпались золотые монеты.

Падишах увидел это из окна дворца и приказал страже отнять у чабана осла.

Чабан снова пошел к ворону.

— Падишах отнял у меня осла,— пожаловался он.

— Не горюй,— сказал ворон.— Я тебе подарю сундук. В нем сидит человек-колотушка. Стоит только открыть крышку, как он выпрыгнет оттуда и начнет избивать колотушкой всех, кто подвернется ему под руку. А для того, чтобы человека-колотушку запрятать обратно в сундук, стоит только сказать:

— Тебе нужна передышка,
Садись в сундук под крышку!

Пастух поблагодарил ворона, взвалил на спину подаренный сундук и ушел.

Сундук был легким. Однако, проходя мимо окон дворца, пастух нарочно согнулся, как будто тяжесть сундука придавила его.

Увидел его падишах и подумал, что в сундуке, наверное, находятся сокровища, потому что у пастуха все вещи непростые. И он приказал страже отнять сундук.

Чабан отдал страже сундук, а сам побежал домой.

Принесли сундук к падишаху. Собрались все придворные, надеясь, что им тоже что-нибудь перепадет из отнятых у чабана сокровищ.

Падишах приказал визирю открыть сундук.

Как только приоткрылась крышка, оттуда выпрыгнул человек-колотушка и начал бить падишаха, визиря и всех придворных.

На крики сбежалась стража, но никто не знал, как загнать человека-колотушку в сундук.

Человек-колотушка забил до смерти падишаха, визиря и придворных и стал разбивать стены дворца. Пришел чабан наутро, а от дворцовых стен остались одни развалины. Человек-колотушка продолжал дробить их на мелкий щебень.

Тогда пастух сказал:

— Тебе нужна передышка,
Садись в сундук под крышку!

Человек-колотушка скрылся в сундуке, и крышка захлопнулась.

Пастух забрал свою скатерь и осла и отправился домой. С этих пор он счастливо зажил со своей женой, а народ был благодарен ему за то, что он избавил бедняков от жестокого падишаха и его жадных придворных.

ЮНОША И РАЗБОЙНИКИ

или-были отец с сыном. За долгую жизнь отец скопил сорок золотых монет, и однажды, когда в дальний путь собрался караван купцов, он позвал сына, зашил монеты ему в воротник халата и сказал:

— Сынок, я вручаю тебе все наше состояние, езжай, будь честным, справедливым и правдивым.

Долго ли, коротко ли шел караван, но вдруг на него напали разбойники. Купцы испугались и всё отдали без сопротивления. Даже карманы свои сами вывернули.

Пока разбойники делили добычу, юноша стоял в стороне и смотрел во все глаза, что делается.

— Давайте дадим кое-что из вещей вон тому бедному пареньку,— предложил один из разбойников.

— Эй, ты, в рваном халате!— крикнул другой разбойник.— Иди сюда.

Юноша подошел.

— Ну,— насмешливо подмигнул разбойник,— что мы у тебя можем взять?

— Сорок золотых монет,— ответил юноша.

— Сорок?!

— Ха-ха-ха!— схватившись за животы, захохотали разбойники и, не переставая смеяться, продолжали подшучивать:

— А ты вообще-то их когда-нибудь видел?

— Покажите ему какие они бывают!

Юноша снял халат, распорол ворот и оттуда высыпались деньги. Смех мгновенно замер.

— Зачем ты их показал?..

— Мы хотели тебе кое-что дать из добычи!..

— А теперь возьмем и твои деньги,— наперебой стали смеяться и говорить они.

— Посылая меня в дорогу,— сказал юноша,— отец наказывал мне быть честным и правдивым, а я привык всегда и во всем слушаться его.

Разбойники переглянулись. Кто-то подвел своего коня. Другой помог юноше сесть в седло. Третий подал ему свой хурджун с пищей и деньгами. Юноша поблагодарил за подарки и поехал домой.

ШАЗАДА И ЖЕРЕБЕНОК

В далекие времена у падишаха родился сын. Когда мальчику исполнилось девять лет, его мать умерла. Мачеха невзлюбила пасынка и однажды говорит мужу:

— Какой же из шазада вырастет падишах, если он ничего не умеет делать. Пошли его хоть лошадей пасти.— А сама подумала: «Пусть его кони затопчут».

Послушался падишах жену и сказал сыну:

— Поведи лошадей к реке, да смотри, чтобы они не потерялись.

Пасет шазада лошадей и видит, как из воды выскочил морской конь и облюбывал одну кобылицу.

Прошло сколько-то времени и кобылица принесла жеребенка. Шазада всей душой привязался к нему. Он кормил его и холил.

— Найми чабана,— сказала как-то жена падишаху,— а шазада пусть учится.

— Ну, сынок,— сказал падишах,— тебе пора браться за ум. С завтрашнего дня будешь ходить к мулле учиться. А за то, что ты был хорошим чабаном, выбирай любого жеребенка.

Поблагодарив отца, шазада взял жеребенка, отцом которого был морской конь.

— Что ж ты выбрал такого заморыша,— сказал отец,— возьми получше, сынок.

— Нет, мне этот больше всех нравится,— ответил шазада.

— Ну, дело твое,— сказал отец.

Привел шазада жеребенка домой, накормил, напоил его, а сам пошел к мулле. В это время мачеха родила сына. Падишах на радостях устроил большой той: семь дней и семь ночей веселились люди.

Вернулся как-то шазада с учебы и пошел к своему жеребенку. Смотрит, а у него на глазах слезы.

— Ты чего плачешь, мой красавец?— спросил растроганно жеребенка шазада.

— Как же мне не плакать,— отвечает жеребенок,— мачеха напекла чапади с ядом — хочет тебя отравить. А когда ты умрешь, кто будет ухаживать за мной?

— Не беспокойся, мой красавец,— сказал шазада,— я не буду есть эти ее чапади.

Зайдя домой, он сказал мачехе:

— Есть хочу.

— Я испекла сегодня такие хорошие чапади: бери, ешь...

Но шазада не взял чапади. Он стал с аппетитом уплетать чурек.

Назавтра, когда пасынок ушел на учебу, мачеха вырыла у сачака, где хранился чурек, яму, во дно воткнула три пики остриями вверх, а сверху прикрыла ее кошмой.

Пришел шазада от муллы и — к жеребенку. Смотрит, а у него опять на глазах слезы.

— Ты чего плачешь, мой красавец?— спросил растроганно жеребенка шазада.

— Как же мне не плакать,— отвечает жеребенок,— мачеха вырыла яму, а во дно воткнула три острых пики. Ты пойдешь за чуреком, провалишься и погибнешь.

— Не беспокойся, мой красавец,— сказал шазада,— я сам не буду брать чурек.

Зайдя домой, он сказал мачехе:

— Есть хочу.

— Возьми чурек. Я сегодня напекла. Свежий.

Мачеха вышла, а шазада послал за чуреком ее сына. Он пошел, упал в яму и умер.

Очень разозлилась мачеха, когда увидела, что ее хитрость пошла ей же во вред.

«Как же мне избавиться от этого мальчишки»,— думала она, когда тот наутро ушел на учебу, но так ничего и не придумала. Тогда она пошла к старой колдунье.

— Это во всем виноват жеребенок,— сказала старуха.— Надо вначале от него избавиться.— И она посоветовала:— Когда будешь стелить постель, вниз положи камыш, а сверху закрой его кошмой. Потом опять положи камыш и закрой его кошмой и ложись спать. Когда будешь ворочаться— камыш затрещит. Ты тогда возьми и закричи:

«Ой, мои косточки!». Падишах испугается и будет спрашивать: «Что с тобой?». Ты пошли за мной.

Мачеха постелила камыш, покрыла его кошмой. Еще постелила камыш и снова покрыла его кошмой, легла и закричала: «Ой, мои косточки!»

— Что с тобой?— испугался падишах.

— Ой, не знаю,— стонала жена.— Позови старуху, пусть она меня полечит.

Позвал падишах старуху. Она и говорит:

— О великий падишах,— ваша супруга очень сильно заболела и вылечить ее можно только сердцем жеребенка с черным языком.

— А где мы найдем такого жеребенка?— спросил падишах.

— Ой, не знаю,— продолжала притворяться мачеха.— Посмотри, может у жеребенка твоего сына язык черный, а нет — то может в табуне найдется.

Раскрыл падишах рот жеребенку и точно — язык у него черный.

— Пусть шазада придет,— сказал падишах есаулу.

Вернувшись с учебы, шазада пошел к жеребенку и снова увидел у него на глазах слезы.

— Ты чего плачешь, мой дорогой красавец?— спросил расстроганно шазада.

— В моем сердце — твоя жизнь,— сказал жеребенок.— Мачеха узнала, что ее козни против тебя не удалась по моей воле и теперь решила убить меня, а потом известить и тебя. И жеребенок рассказал обо всем: как мачеха советовалась со старухой, как она обманула отца, и что отец его ищет, хочет просить согласия на то, чтобы убить своего жеребенка:

— Ты не перечь отцу,— сказал жеребенок.— Но помни, когда меня возьмут под уздцы, чтобы вести на убой — я заржу первый раз; когда будут связывать меня — заржу второй раз, а когда поднесут нож к горлу — заржу третий раз. Если ты к этому времени не появишься около меня — прощай навеки. А сейчас иди.

— Сынок, я хотел с тобой посоветоваться,— сказал падишах,

когда шазада вошел. И он рассказал обо всем, что ему сказали жена и старуха.

— Если для матери нужно,— сказал шазада,— я ничего не пожалею.

Наутро он ушел на учебу. Вдруг—слышит ржание жеребенка.

— Мулла-ага,— взмолился шазада,— отпусти меня домой.

— Не могу, мой шах!— сказал мулла.— Что обо мне может подумать твой отец?

Жеребенок заржал второй раз.

Шазада выскочил из кибитки муллы и со всех ног бросился домой. Видит, к горлу жеребенка поднесли нож.

— О отец, подожди!— попросил шазада.— Я еще ни разу не садился верхом на своего жеребенка. Позволь мне хоть раз прокатиться на нем.

— Ну, что ж,— сказал падишах,— прокатись.

Оседлал шазада коня, приторочил хурджун с едой и вскочил в седло.

— Как я выгляжу на своем коне?— спросил шазада отца.

— Хорошо!— восхищенно сказал падишах.— Ну, пора, слезай.

— Ладно,— сказал шазада и взмахнул камчой.

Жеребенок птицей взвился в небо, и всадник в мгновение ока скрылся с глаз. Когда им по пути встретился город, они в нем остановились и стали жить-поживать.

А мачеха от огорчения, что ее хитрость не удалась и на этот раз, слегла в постель и умерла.

АХМЕД

В одном городе жил бедняк по имени Ахмед. Все его считали глупцом, потому что он постоянно твердил: «Вот если бы у меня были деньги, я бы знал, что с ними делать».

Один купец услышал эти слова и предложил Ахмеду:

— Я дам тебе денег, а ты поезжай торговать.

Купец дал Ахмеду немного денег и отвел его в караван-сарай, где находились купцы, собравшиеся ехать в другой город.

На все деньги Ахмед купил старого тряпья, набил им несколько тюков и нагрузил на верблюдов.

Когда караван вышел в путь и купцы узнали, какой товар везет с собою Ахмед, они начали смеяться:

— Ого, Ахмед, ума у тебя много!

— Будем смеяться после, как подсчитаем прибыль и убытки,— отвечал им Ахмед.

Через несколько дней купеческий караван прибыл в большой город, стоявший на берегу большой реки.

Купцы вошли в город и остановились в караван-сараях, а Ахмед остался на пустынном берегу реки.

Он снял со своих верблюдов вьюки со старым тряпьем, сложил их в кучу и поджег, а когда тряпье сгорело, рассыпал пепел по берегу.

Ночью к берегу подплыла стая рыб. Они приплывали сюда, чтобы порезвиться. Из рта они выкладывали крупные жемчужины, поднятые со дна реки, на берег и затем начинали играть ими. На рассвете они снова собирали жемчужины и уплывали домой.

На этот раз рыбы не смогли собрать жемчужин, потому что они не видны были в пепле.

Утром Ахмед смел в огромную кучу пепел, провеял его, как пшеницу на току, и собрал жемчуга несколько мешков.

Затем он пошел на караванную дорогу, собрал верблюжий навоз, замесил его на воде, приготовил кизяки и в каждом из них спрятал по несколько горстей жемчужин. Когда он высушил кизяк, у него получилось несколько вьюков навоза.

На следующий день его спутники-купцы, распродав на базаре все свои товары, пришли к реке за Ахмедом. А тот сидит на своих вьюках и дожидается спутников.

Увидев вьюки Ахмеда, купцы начали смеяться.

— Вот так умница Ахмед!— говорил один купец.

— Выгодно выменял старое тряпье на навоз!— потешался другой.

— А теперь хочет доставить эту поклажу в родной город на расстоянии семи дней пути!— посмеивался третий.

— Каждый поступает по своему уму-разуму!— спокойно отвечал им Ахмед.

— Ну и молодец, ума-разума у тебя хватает!— сказали купцы и, посмеявшись, отправились в путь.

На седьмой день караван приблизился к родному городу, и купцы послали вперед вестника, чтобы он предупредил близких о благополучном их возвращении и об удачной торговле.

Верховой прискакал в город, сообщил радостную весть, а затем рассказал, что Ахмед выменял старое тряпье на навоз и теперь везет его, чтобы продать на базаре. Это развеселило всех купцов города, кроме того купца, который дал Ахмеду деньги.

«Теперь надо мной все будут смеяться», — с досадой укорял он себя и не пошел встречать Ахмеда.

Когда караван вступил в город, купцы встретили своих возвратившихся друзей и поздравили их с благополучным прибытием, и только Ахмеда никто не поздравил. Все смеялись над ним, а вечером купцы устроили пир. Ахмед пришел на этот пир и начал разгружать своих верблюдов. Купец, который доверил ему деньги, сидел мрачный и от стыда не поднимал глаз. В это время другие купцы, сидя на коврах, вели разговоры о своей удачной торговле и о том, кто ловче обманул покупателей. Каждый по очереди похвалялся выдумками, стараясь перещеголять друг друга.

Когда очередь дошла до Ахмеда, купцы со смехом спросили:

— А что ты умудрился сделать? Чем тебе помог твой великий ум-разум?

Ахмед ответил:

— Что было, то было, а больше того, что было, мне и не нужно.

С этими словами он начал высыпать из верблюжьих вьюков кизяки.

Купцы пуще прежнего стали смеяться, а купец, который доверил ему свои деньги, заорал во всю глотку:

— Пошел прочь отсюда, бездельник!

Тогда Ахмед начал один за другим разбивать кизяки, и из них посыпались сверкающие жемчужины. Купцы, разинув рты, смотрели на это богатство, а купец, который доверил Ахмеду деньги, стал, как ящерица, ползать по коврам, сгребая жемчужины.

После того как на ковре выросла целая куча жемчуга, Ахмед сказал купцам, сидевшим в безмолвии:

— Торговать я не буду и вам не завидую.

Затем он обратился к купцу, который доверил ему деньги, и сказал:

— Забирай этот жемчуг! Я не обманывал народ, как обманываете вы, купцы, а ты еще постыдился меня встретить.

Сказав это, Ахмед покинул пирующих.

СЧАСТЬЕ И ГЕЛИН

одной семье было три гелин — невестки. Жили они зажиточно и дружно. Но вот однажды их общее счастье пришло к старшей гелин и сказало:

— Моя дорогая, проси у меня всё, что пожелаешь, а то я уйду отсюда.

— Хорошо, — согласилась старшая гелин, — дай мне побольше богатства, а тогда уж иди куда хочешь.

Счастье наградило ее всем, что та просила, и отправилось к средней гелин.

— Моя милая, — сказало оно ей, — я должна перебраться на новое место, поэтому на прощанье проси у меня всего, чего пожелаешь.

— Ладно, — согласилась та, — коль уходишь, подари мне побольше денег.

— Хорошо, — сказало счастье, полностью удовлетворило желание средней и пошло к младшей невестке.

— Моя добрая, я должна покинуть вашу страну, — сообщило оно ей. — Перед разлукой я дам тебе всё, чего захочешь: хоть золота, хоть серебра.

— Жаль, что ты покидаешь нас, — искренне огорчилась младшая гелин. — Но ни золота, ни серебра, ни богатства мне не надо. Если можешь, дай нам здоровье и дружбу, а остальное мы сами найдем.

— Если ты просишь только это, — сказало счастье, — то куда же мне уходить? Я, пожалуй, останусь навсегда в твоей кибитке.

Старшие невестки прожили свое богатство и вынуждены были часто обращаться за помощью к младшей гелин. И она им никогда не отказывала.

УМНЫЙ ЮНОША

Из одной страны вышел караван купцов. С ними пошло много слуг. По пути им встретилась большая-пребольшая река, через которую нужно было переправиться. Все погрузились в ладью и поплыли. Внезапно поднялась буря, ладью закружило, ударило о камень, и она раскололась.

Люди утонули. Уцелел только один из молодых слуг. Зацепившись за обломок, он долго барахтался в воде, пока волны не вынесли его на берег. Бедняга поднялся и отправился куда глаза глядят.

Вдалеке показался город. Юноша пошел к нему. Когда он приблизился, из ворот выбежала толпа

людей, схватила его и понесла в город. «Что они хотят со мной сделать?» — перепугался он.

Юношу богато одели и посадили на падишахский трон.

— Что это значит? Как это надо понимать? — стал спрашивать он у столпившихся около него людей.

— У нас в стране такой обычай, — ответил седобородый яшули. — Когда кончается срок царствования падишаха, а он у нас установлен в один год, мы отводим падишаха к горе, где кишат змеи и скорпионы, и бросаем им на съедение. А на его место сажаем того, кто первый встретится нам у ворот города. На этот раз попался ты, вот мы и сделали тебя падишахом.

— Значит, пока я буду падишахом, — спросил успокоенный юноша, — я могу делать все что захочу?

— Конечно, — сказал яшули, — целый год всё в твоих руках.

Свое правление юноша начал с похода к страшной горе. Он собрал большое войско и уничтожил не только змей и скорпионов, но и всех хищных зверей. Потом приказал провести там арыки, посадить сады и стал строить город. Когда кончился срок правления, от страшного места не осталось даже воспоминания. Народ посмотрел на дела своего падишаха и выбрал его снова. Так он прожил много лет и сделал много добра.

ВИЗИРЬ И ДЕТИ

авным-давно жил падишах, и у него был визирь. Как-то падишах рассердился на своего визиря, отнял у него весь скот, который тот приобрел, будучи у него на службе, и прогнал его.

Долго ходил визирь без дела, сетуя на то, что не сумел оправдаться в глазах своего повелителя.

Как-то он шел, и его внимание привлекли дети. Они играли в падишаха и визиря.

— Ты плохой визирь, — сказал мальчик-падишах, — я у тебя отберу скот и прогоню.

— О мой падишах, — сказал мальчик-визирь, — если ты тиран, то можешь делать со мной любую несправедливость.

— Нет, — ответил мальчик-падишах, — я не тиран, а справедливый.

— Тогда возьми мой скот, — сказал мальчик-визирь, — но верни мне здоровье, которое я потерял, будучи у тебя на службе...

Услышав такие слова, визирь подумал: «И мне так надо было сказать своему падишаху. Видимо, у детей ума больше, чем у меня».

Придя домой, визирь сел и написал падишаху письмо: «Мой повелитель, до того как я был назначен визирем, у меня ничего не было — я был бедняк-бедняком. За долгие годы я приобрел скот, но потерял здоровье. Я не сетую на то, что ты лишил меня скота. Но, если ты справедлив — оставь скот себе, а верни мне мое здоровье».

Письмо визиря понравилось падишаху своим остроумием, и он послал своего есаула сказать, чтобы визирь явился во дворец и приступил к исполнению своих обязанностей.

АК-ПАМЫК

Когда-то давным-давно жил человек, у которого было семь сыновей и не было ни одной дочери. Однажды жене его пришло время рожать. Сыновья собрались на охоту и сказали отцу:

— Если родится сестра, повесь над воротами тряпичную куклу, а если родится брат, тогда повесь лук и стрелы.

Родилась девочка, и отец повесил над воротами куклу. Но злые соседи, которые подслушали разговор между сыновьями и отцом, тайком сняли куклу и вместо нее повесили лук и стрелы.

Вернулись братья с охоты и еще издали увидели над воротами лук и стрелы. Возроптали они на бога и решили никогда больше не возвращаться домой. Ушли они в горы, поселились в пещере и продолжали заниматься охотой.

Пусть они пока охотятся, а вы послушайте о новорожденной.

Отец и мать назвали дочку Ак-Памык. Ждали они ждали, когда придут с охоты сыновья, но так и не дождались. Не вернулись сыновья ни через месяц, ни через год.

Так прошло немало лет. Отец и мать скрывали от дочери, что у нее есть братья. Боялись, как бы дочь не пошла разыскивать их да не заблудилась.

Однажды к ним зашла соседка.

— У меня в доме, — сказала она, — собираются женщины и девушки, чтобы помочь мне, старухе, в работе. Отпусти свою дочь.

Мать согласилась:

— Пусть идет.

Ак-Памык пошла к соседке.

Когда собрались женщины и девушки, старуха сказала:

— У кого есть хоть один брат, пусть садится на почетное место, у кого нет — пусть сядет на золу.

Ак-Памык села на золу, в стороне от других девушек.

Тогда старуха сказала:

— Поднимись с золы, моя козочка, и займи самое почетное место.

— Почему, бабушка? — спросила Ак-Памык. — У меня ведь нет ни одного брата.

— Как же у тебя от стыда не почернеет лицо? — укорила ее старуха. — На почетное место уселись те, у кого по одному или по два брата, а у тебя их столько, сколько голов у дракона.

Ак-Памык удивилась и сказала:

— Я этого не слыхала ни от отца, ни от матери.

— Ах ты, моя козочка! — засмеялась старуха. — Твои отец и мать боятся, что ты пойдешь искать братьев, да и не вернешься, поэтому и не рассказывают. А живут твои братья в горной пещере.

Ак-Памык окончила работу, вернулась домой и сразу начала расспрашивать:

— Скажи, матушка, есть ли у меня братья?

— Есть, доченька. Но они ушли из дому в тот день, когда ты родилась.

Тогда Ак-Памык сказала:

— Я пойду разыскивать братьев.

— Тебе самой не найти их, — возразила мать. — Я испеку лепешку, она будет катиться впереди и показывать дорогу. Где лепешка остановится, там и живут твои братья. Повидаешься с ними — и сейчас же домой возвращайся.

Мать испекла лепешку и дала дочери.

Ак-Памык взяла с собой любимого кота и пустилась в путь. Впереди катилась лепешка, а позади бежал кот. Так втроем они двигались по горной дороге, пока Ак-Памык не устала и не присела отдохнуть.

Кот подкрался к лепешке и потихоньку отгрыз у нее край.

Ак-Памык отдохнула и хотела пойти дальше, но лепешка с отъеденным краем не покатилась. Ак-Памык заплакала и вдруг догадалась, как помочь горю. Смочила она слезами комок глины, замесила ее и залепила отъеденный край. И лепешка опять покатилась.

Долго ли она катилась, коротко ли, но, наконец, остановилась возле пещеры.

Ак-Памык осторожно вошла в нее. Там никого не было,

только на стене висели освежаванные туши горного козла и барана да в углу была сложена грязная одежда охотников.

Ак-Памык не стала отдыхать и сразу принялась за стирку, а затем начала варить мясо. Едва она кончила работу, как к пещере подошли братья. Ак-Памык спряталась: она хотела привыкнуть к братьям, прежде чем показаться им.

Вошли братья в пещеру и очень удивились, когда увидели, что обед приготовлен, а одежда выстирана. Они переоделись, сытно пообедали и легли спать, а наутро опять ушли на охоту.

Ак-Памык опять выстирала одежду братьев, приготовила обед вкуснее вчерашнего и спряталась в прежнем месте.

Под вечер братья вернулись и еще больше удивились. Они порешили, что на следующий день на охоту пойдут шестеро, а один останется и узнает, кто же у них хозяйничает. Так и сделали: утром шесть братьев ушли на охоту, а старший остался в пещере. Однако сон быстро одолел его, и он крепко уснул.

Тогда Ак-Памык вышла из укрытия, сделала всю работу и снова спряталась.

Пришли братья и спрашивают старшего:

— Узнал, кто у нас хозяйничает?

Старший брат сразу признался, что весь день проспал и поэтому ничего не видел.

На другой день охотники оставили в пещере другого брата, а сами ушли на охоту. Но и с этим братом случилось то же самое: он крепко проспал весь день и ничего не узнал.

Так было со всеми братьями, пока очередь не дошла до самого младшего, которого звали Байрам.

Остался Байрам в пещере, порезал себе палец и посыпал ранку солью, чтобы не уснуть. Потом он растянулся на козлиной шкуре и притворился спящим.

Через некоторое время появилась красивая, стройная девушка и принялась стирать одежду и стряпать обед. Байрам поднялся со шкуры и воскликнул:

— Кто ты такая, джин или человек?

— Я не джин, я — ваша родная сестра! — ответила Ак-Памык.

Байрам очень обрадовался сестре. Он помог ей приготовить обед и пошел встречать братьев.

Братья возликовали, когда узнали, что у них есть сестра. Они оставили жить ее у себя, стали заботиться о ней и кормить лучшими кусками дичи и мозговыми косточками.

Однажды Ак-Памык подметала пещеру и нашла сушеную виноградинку. Она вспомнила про своего кота, который очень любил виноград, и позвала его. Но кот не явился на зов, и она сама съела виноградинку.

Спустя немного времени, пришел кот и стал спрашивать.

— Зачем ты звала меня?

— Я хотела угостить тебя виноградкой,— ответила Ак-Памык.

— Где же эта виноградка?— спросил кот.— Дай мне ее поскорей.

— Ты не приходил, когда я звала тебя,— ответила Ак-Памык.— Я сама съела ее.

Кот рассердился и начал фыркать на очаг.

— Не гаси очаг, добрый кот,— стала просить его Ак-Памык,— как же я разожгу его?

С трудом удалось ей упросить кота.

На другой день Ак-Памык нашла в пещере сушеную ягоду джиды. Она хотела отдать ягоду коту и позвала его. Но кот не пришел. Тогда она не удержалась и сама съела ягоду.

Спустя немного времени, явился кот и спросил.

— Зачем ты звала меня?

Ак-Памык ответила:

— Я хотела угостить тебя ягодой джиды.

— Где же эта ягода? Дай мне ее поскорей.

— Я съела ее,— с раскаянием ответила Ак-Памык. Кот рассердился и с такой силой фыркнул на очаг, что сразу погас огонь.

Ак-Памык хотела высечь огонь из кремня, но не смогла, а обед еще не был сварен.

Она вышла из пещеры и увидела на дальнем склоне гор дым, который вился над чьим-то жилищем. Туда и решила пойти Ак-Памык.

Она дошла до жилища, остановилась у порога и произнесла приветствие. Когда же она вошла, то увидела страшного седого дэва.

Дэв ей сказал:

— Если бы ты не сказала приветствия у порога моего дома, я бы растерзал тебя, но теперь не трону. Подойди, дочка, и скажи, зачем пришла.

— Я пришла просить огня.

— Ладно, дочка,— ответил дэв,— держи свой подол. С этими словами он положил ей в подол крохотный тлеющий уголек, потом стал сыпать золу. Наполнив подол девушки золой, дэв вытащил из очага горящую головешку и положил сверху.

— Теперь можешь идти, дочка,— сказал дэв и отпустил Ак-Памык.

Ак-Памык шла по горной тропинке и не замечала, что уголек ей прожег в подоле дырочку, а через нее стала сыпаться зола.

Пришла Ак-Памык домой, тут же развела в очаге огонь и принялась стряпать.

Вернулись братья, принесли дичь, пообедали и уснули, а наутро, как всегда, ушли на охоту.

А дэв по рассыпанной золе легко нашел пещеру братьев.

Ак-Памык издалека увидела дэва, испугалась и заперла дверь. Дэв закричал:

— Отвори, дочка!

Ак-Памык не отворила. Тогда дэв сказал:

— Просунь под дверь один палец. Если не просунешь, я подстерегу твоих братьев и растерзаю их.

Ак-Памык испугалась и просунула под дверь один палец. Дэв схватил один палец и надел на него перстень.

— Ничего не рассказывай братьям,— пригрозил он Ак-Памык,— а то я их растерзаю. И тебя съем.

Перстень так туго обхватил палец, что Ак-Памык не могла его снять.

Дэв каждый день приходил проверять перстень, и каждый день перстень становился все туже.

Младший брат Байрам заметил на ее пальце перстень и спросил:

— Сестрица, откуда у тебя этот перстень?

— Мне мать подарила его, когда я уходила из дому,— солгала Ак-Памык.

Однако братья видели, что Ак-Памык с каждым днем худеет и чахнет, и решили выведать ее тайну. Однажды они не пошли на охоту, а спрятались поблизости.

Когда Ак-Памык сделала все по хозяйству, пришел дэв. Он проверил перстень и сказал:

— Сегодня исполнился положенный срок нашего обручения, и с сегодняшнего дня ты перейдешь жить в мой дом.

Рука, на которой был перстень, помимо воли Ак-Памык, отодвинула дверной засов, и дэв распахнул дверь.

Но тут братья выскочили из засады и набросились на дэва. Они отрубили ему голову и вышибли вон его душу, которая провалилась в ад, прежде чем рухнуло наземь его тело. Однако отрубленная голова укатилась, и братья не могли ее догнать.

Из этой головы мигом выросло несколько дэвов. Они вернулись к пещере, накинулись на братьев, растерзали их и съели.

Ак-Памык удалось спрятаться под шкуру горного козла, и дэвы не нашли ее.

Как только дэвы ушли, она вылезла из укрытия, собрала кости братьев и прикрыла их шкурами. Потом села на коня и помчалась в долину.

Ак-Памык переезжала из селения в селение и расспрашива-

ла мудрецов, знающих различные заклинания, как можно оживить братьев. Но никто из них не мог ей помочь.

Наконец Ак-Памык на пути повстречала дряхлую старуху и попросила ее:

— Бабушка, помоги мне оживить моих братьев, растерзанных страшными дэвами.

— Дочь моя,— ответила старуха,— я помогу тебе, но это трудно.

— Добрая бабушка, расскажи, как их оживить! Я ничего не боюсь и ради братьев готова на любые муки.

Тогда старуха сказала:

— В степи пасется верблюдица Ак-Мая. Если ты ее молоком окропишь кости братьев и завернешь их в черную кошму, то братья твои оживут. Но подоить верблюдицу еще никому не удавалось: как завидит она человека, сразу же набрасывается на него. Помочь тебе сможет только ее верблюжонок.

Ак-Памык поблагодарила старуху, взяла пустой бурдюк, вязанку верблюжьих колючек и помчалась на коне в степь.

Долго ли она ехала, коротко ли, но наконец повстречался ей верблюжонок Ак-Маи.

Верблюжонок увидел Ак-Памык и вприпрыжку подбежал к ней. Ак-Памык сошла с коня, почесала верблюжонку за ухом, погладила глаза и положила перед ним сочные колючки.

Пока верблюжонок ел колючки, она поведала ему свое горе.

— Я помогу тебе,— сказал верблюжонок.— Но если мать увидит меня с тобой, она съест нас обоих. Ты вот что сделай: бери бурдюк, лезь ко мне под брюхо и крепко держись за шерсть. Я подойду к матери и начну сосать молоко, а ты потихоньку подставь бурдюк, и я перелью в него молоко.

Ак-Памык спрятала своего коня за пригорком и забралась к верблюжонку под брюхо. Верблюжонок подбежал к матери.

Верблюдица Ак-Мая повела ноздрями и заревела:

— Откуда-то человеческим духом запахло!— и стала бить передними ногами.

— Как может в эту степь забрести человек, матушка!— стал успокаивать ее верблюжонок.

Ак-Мая притихла, а верблюжонок начал сосать и переливать молоко в бурдюк. Так он наполнил бурдюк и пошел потихоньку к пригорку, за которым Ак-Памык спрятала коня.

Но Ак-Мая все время обнюхивала воздух и следила за своим верблюжонком. Когда же она увидела, что из-под его брюха вылезла Ак-Памык и вскочила на коня, то кинулась за ней вдогонку. Ак-Памык так быстро скакала, что расплескала немного молока Ак-Маи, и оно расплылось между звезд— по небу.

Верблюдица так и не догнала Ак-Памык и прокляла своего сына.

Верблюжонок превратился в черный придорожный камень и по ночам жалобно стал звать свою матушку-кормилицу.

Ак-Памык благополучно добралась до пещеры. Кости братьев были на месте, только не хватало одной лопатки младшего брата: то ли дэв сжевал ее, то ли унес с собой золу в очаге разгребать.

Ак-Памык окропила кости молоком верблудицы и завернула их в черную кошму. Братья чихнули и встали.

— Долго же мы спали!— сказал старший брат.— Пора собираться на охоту.

Тогда Ак-Памык рассказала братьям, как она их оживила.

С тех пор братья еще крепче полюбили сестру. Как и раньше, они были здоровы и сильны, только младший брат Байрам ходил немного согнувшись.

Братья женились, но и тогда сестру они продолжали любить сильнее, чем своих жен.

Однажды жена старшего брата сказала остальным женам:

— Чтобы мужья полюбили нас больше Ак-Памык, нужно от нее избавиться.

— А как это сделать?— стали наперебой спрашивать жены.

— Нужно втолкнуть ей в горло и в уши свинец, чтобы она не могла ни говорить, ни слышать,— посоветовала жена старшего брата.

Все жены согласились. А жене Байрама, которая не хотела соглашаться, они пригрозили.

И когда злые, завистливые женщины вталкивали в горло и уши Ак-Памык свинец, жена Байрама держала ее за кончик мизинца.

Ак-Памык сделалась немой и глухой и опять стала очень быстро худеть и чахнуть.

Долго допытывались братья, что с ней случилось, но она ничего не могла рассказать.

Тут жена старшего брата сказала:

— Я знаю, что с Ак-Памык. Ей нужен муж, сердце ее тоскует.

Братья посоветовались и решили выдать сестру за того, кто ей понравится.

Тут снова вмешалась жена старшего брата:

— Посадите ее на верблюда, и пусть он идет, куда захочет. Ак-Памык сама отыщет свое счастье.

Братья разукрасили верблюда султаном, шелковыми кистями и колокольцами, навьючили на него паланкин, посадили в него сестру, одетую в свадебные наряды, и верблюд один пошел по дороге.

Он спустился с гор на равнину, свернул с дороги и стал

пастись. В это время в степи охотились сын падишаха и сын визиря. Сын визиря издалека увидел верблюда, который пасся без присмотра хозяина, и немедля сказал:

— Этого верблюда я первый заметил, и он будет мой!

— Хорошо,— согласился царевич.— А что находится в носилках, будет мое.

Они подскакали к верблюду и увидели, что в свадебных носилках сидит девушка такой невиданной красоты, что не ешь, не пей, а только любуйся на нее.

— Кто ты?— обратился к Ак-Памык царевич.— Человек или джин.

Ак-Памык молчала.

— Кто бы ты ни была, красавица,— воскликнул царевич,— я возьму тебя в жены!

Так царевичу досталась красавица Ак-Памык, а сыну визиря разукрашенный верблюд.

Прошел год. У Ак-Памык родился сын.

Прошли еще годы. Мальчик подрос, но Ак-Памык оставалась немой и глухой. Царевич начал тосковать.

Сын визиря посоветовал ему взять еще одну жену. Царевич согласился и пустился в путь искать вторую жену.

Ак-Памык узнала об этом и опечалилась. Работа стала валиться у нее из рук: сидит весь день возле очага, плачет и даже лепешки не печет.

Пришел к ней как-то малолетний сын и попросил:

— Матушка, дай хлеба. Я голоден!

Ак-Памык продолжала сидеть неподвижно, и только слезы текли по щекам.

Тогда сын начал ее тормошить:

— Дай мне кусочек лепешки! Я голоден!

Тут из горла матери выпал свинец, и Ак-Памык сказала:

— Сынок, ударь меня по правому уху.

Сын исполнил ее желание, и из правого уха Ак-Памык выпал кусочек свинца.

— А теперь ударь по левому,— попросила Ак-Памык.

Из левого уха тоже вывалился кусочек свинца.

Через несколько дней царевич возвратился с новой невестой.

Ак-Памык в это время сидела у очага и кипятила молоко.

Невеста еще не слезла с лошади, но увидела, что молоко вспенилось, и крикнула:

— Что за нерасторопная женщина! У нее давно молоко бежит, а ей и горя мало!

— Невеста еще не сошла с лошади, а уже распоряжается домом. Видано ли это?— сказала Ак-Памык.

Свита царевича воскликнула:

— Красавица Ак-Памык заговорила!

Царевич, как только услышал голос жены, приказал не снимать невесту с лошади и отвезти ее к родителям.

Для Ак-Памык наступили счастливые дни, но она не могла забыть своих братьев и скучала по ним.

Однажды она дала сыну игральную косточку и сказала:
— Если хочешь выиграть, то выучи присказку:

Вышли сильные рати
На семерых братьев.
Я сражаться привык,
Я — сын Ак-Памык.
Прыгай, косточка, прямо
В спину дяди Байрама!

Сын Ак-Памык выучил присказку и, когда играл с мальчиками, приговаривал так, как велела мать.

Пусть он пока играет, а вы послушайте о братьях.

Как-то братья вернулись с охоты, и младший брат Байрам сказал:

— Пять лет прошло, как мы послали сестру искать счастья. Разыщем ее и, если она попала в беду, поможем ей.

Все согласились с младшим братом, собрались в путь и разъехались в разные стороны на поиски сестры.

Байрам приехал в один город. Он увидел мальчиков, игравших в кости. Один из мальчиков, бросая косточку, говорил:

Вышли сильные рати
На семерых братьев
Я сражаться привык,
Я — сын Ак-Памык.
Прыгай, косточка, прямо
В спину дяди Байрама!

Байрам, у которого не разгибалась спина, попросил мальчика:

— Повтори-ка, что ты сказал:

Сын Ак-Памык повторил и, когда произнес последние слова:

...Прыгай, косточка, прямо
В спину дяди Байрама,—

косточка мигом исчезла, а у Байрама выпрямилась спина.

Байрам узнал своего племянника и сказал:

— Веди меня, племянничек, к своей матери.

Сын Ак-Памык повел дядю домой. Как только Байрам переступил порог дворца, навстречу вышла Ак-Памык и рассказала все, что с ней случилось.

После этого она дала ему шесть мешков, наполненных скорпионами, и сказала:

— Отвези эти мешки в подарок моим старшим золовкам и раздай каждой по мешку.

Потом вынесла седьмой мешок, наполненный изюмом и жареным горохом, и сказала:

— А этот мешок отдай своей жене.

Байрам вернулся домой, раздал подарки женам братьев, а последний мешок отдал своей жене.

Женщины обрадовались гостинцам, которые прислала им Ак-Памык, и каждая поторопилась поскорей запустить руку в свой мешок.

Скорпионы ужалили их. Женщины подняли вопль, но это не помогло: скорпионы изжалили их до полусмерти.

Когда жена младшего брата запустила руку в свой мешок, там оказался один лишь скорпион, который слегка ужалил ее в мизинец. После того скорпион уполз, и жена Байрама принялась есть изюм с жареным горохом.

Пусть она пока ест изюм и горох, а вы послушайте конец сказки. Ак-Памык попросила мужа разыскать ее отца и мать и привезти во дворец. Муж исполнил ее желание.

Отец и мать Ак-Памык стали у дочери счастливо доживать свою старость, а семеро сыновей часто приезжали их проведывать.

БАЙ СТОИТ ИШАНА

Один бедный парень полюбил дочь бая, а она полюбила его.

Бай узнал об этом, позвал к себе бедняка и сказал:

— Ты собираешься жениться на моей дочери, а о том не думаешь, что за нее нужно заплатить большой выкуп. Ты так беден, что всю твою кибитку можно на одной курице перевезти. Я не буду, однако, противиться желанию дочери и отдам ее тебе в жены, но с одним условием: ты должен проработать у меня бесплатно пять лет — это будет твоим выкупом за невесту.

Бедный парень, не щадя сил, стал работать на бая.

Когда истек пятилетний срок, бай сказал:

— Пока ты работал для выкупа невесты, сын одного бая

влюбился в мою дочь, и я передумал и не отдам ее тебе. Но мне не хочется, чтобы твоя работа пропала даром. Я найду для тебя подходящую девушку, но только с одним условием: так как выкуп за нее буду платить я, тебе придется поработать у меня еще три года.

У парня внутри все закипело.

— Я пять лет даром работал на тебя, и ты должен сдержать слово и отдать мне свою дочь.

Бай прогнал парня со двора, и тот решил уйти на чужую сторону.

Долго ли шел он, коротко ли, но, наконец, пришел в один город и здесь увидел толпу, которая собралась возле двух спорщиков.

Один из спорщиков кричал:

— Ты зачем отгородил кусок моей земли?!

Другой кричал:

— Эта земля моя!

Люди побежали за ишаном, чтобы тот разрешил спор.

Ишан пришел и сказал спорящим:

— Стоит ли ссориться из-за праха земного, если вам обоим предстоит умереть и превратиться в такой же прах.

И он поднял с земли горсть пыли и рассеял по ветру.

Дав им наставление, ишан пошел к мечети. Так как бездомному парню негде было ночевать, он поплелся за ним, надеясь, что ишан даст ему приют.

Мечеть стояла неподалеку от водяной мельницы.

Войдя в мечеть, ишан опустился на колени и стал молиться. Было уже темно, и парень подумал:

«После вечерней молитвы ишан пойдет домой, и я попрошу его пустить меня во двор переночевать».

Но ишан, видимо, кого-то дожидался и не собирался уходить. Тогда парень прокрался в мечеть и там спрятался.

Через некоторое время в мечеть вошли люди с какой-то поклажей.

— Ну, кого сегодня принесли?— спросил ишан.

— Дочь падишаха, как ты приказывал,— ответил один из них.

— Скорей отведите воду от мельницы,— приказал ишан.

Люди исполнили его приказание. После того как вода сошла, и дно обнаружилось, парень увидел каменную плиту. Люди подняли эту плиту. Под ней оказался вход в подземелье. Люди спустили в подземелье связанную дочь падишаха и несколько кувшинов вина. Затем они вошли туда вместе со «святым» ишаном и закрыли за собой вход.

Наутро ишан вместе со своими людьми вышел из подзе-

мелья и приказал снова пустить воду. Когда это было исполнено, ишан обмотал голову чалмой и, не совершая положенного омовения, поспешил в мечеть, где уже собрался народ. Ишан начал молиться, а люди, подражая своему наставнику, стали отбивать поклоны.

Падишах узнав, что ночью похитили его любимую дочь, разослал во все стороны глашатаев и приказал объявить народу, что тот, кто выдаст злодеев, похитивших дочь, и укажет место, где ее скрывают, получит большую награду.

Парень явился во дворец и сказал падишаху:

— Если позволишь мне поцарствовать три дня и не будешь отменять мои приказания, я разыщу твою дочь и укажу злодеев, укравших ее.

— Ладно,— согласился падишах,— делай эти три дня все, что хочешь, только найди мою дочь. Я одарю тебя по-царски, но если не найдешь ее, то через три дня прикажу отрубить тебе голову.

Парень сел на трон падишаха и прежде всего приказал вывести из дворцовой конюшни лучших коней, посадил на них есаулов и отправил в родное селение, чтобы они доставили к нему бая и его дочь.

Потом он приказал накинуть на шею «святого» ишана веревку и привести его во дворец. Есаулы испугались такого безумного приказа, но падишах сказал им:

— Делайте то, что он велит!

Тогда есаулы накинули на шею ишана веревку от виселицы и притащили его во дворец.

Тем временем глашатаи, по приказу парня, собрали возле мельницы всех родителей, у которых пропали дочери.

Когда все это было сделано, парень сказал падишаху:

— Пусть ишан покажет то место возле мельницы, где нужно отводить воду.

Падишах удивился и отправился с парнем к мельнице, чтобы самому увидеть, как ишан будет отводить воду.

Ишан, думая, что кто-то из сообщников донес на него, выдал всех и, надеясь на помилование, сам отвел воду из ручья.

Когда дно обнажилось, парень приказал поднять каменную плиту, и все спустились в подземелье.

Здесь, при свете факелов, люди увидели множество изможденных девушек. Одни из них состарились, другие так изменились, что родители с трудом могли их узнать.

Увидев любимую дочь, падишах тут же приказал повесить «святого» ишана, раздал собравшимся родителям их дочерей и перевез во дворец царевну. А парня, который прежде не находил места послать, люди не знали куда и посадить.

В это время вернулись конные есаулы и привезли бая с его дочерью.

Увидя их, парень сказал падишаху:

— Трех дней еще не прошло, и я могу приказывать. Я хочу наказать одного негодного обманщика.

И тут же велел повесить бая на одной виселице с ишаном и его сообщниками.

После того парень женился на любимой, и свадебный пир продолжался сорок дней и сорок ночей.

БАИ И БАТРАКИ

Было это или не было, но, говорят, у одного бедняка было три сына. Перед смертью он позвал их и сказал:

— Я умру, а вам, дети мои, придется идти в батраки. Поступайте к кому угодно, но только не служите у человека в полосатом халате.

Умер отец, похоронили его, и старший сын пошел в ближайший город наниматься в батраки.

Навстречу ему попался человек в полосатом халате.

— Куда идешь? — спрашивает он юношу.

— Ищу, к кому можно наняться в батраки...

— Идем ко мне, — сказал человек в полосатом халате.

— Я бы с удовольствием — отвечает юноша, — но перед смертью отец завещал нам не служить у человека в полосатом халате. Юноша пошел дальше.

Человек в полосатом халате быстро переменял одежду и снова вышел ему навстречу.

— Эй, парень! — крикнул он. — Куда идешь?

— Ищу к кому можно наняться в батраки.

— Тогда идем ко мне, — сказал незнакомец.

Юноша согласился, и они пошли.

Хозяин дал батраку пару быков и послал его пахать землю.

У хозяина была гончая. Он привязал ей на шею свежий чурек и кувшин кислого молока.

— Отнеси все это пахарю, — наставлял он собаку, — и скажи ему, чтобы он съел чурек, не ломая края, выпил молоко, не трогая пенки.

Гончая принесла чурек и молоко и передала приказание хозяина.

— Бай велел съесть чурек, не ломая края, и выпить молоко, не трогая пенки.

Юноша не мог додуматься, как выполнить приказание хозяина, и стал ломать и есть чурек, запивая его молоком.

Вечером он вернулся с поля. Хозяин, увидев, что его приказание не выполнено, набросился на юношу и бил его до тех пор, пока тот не умер.

Не получая помощи от старшего брата, средний тоже пошел в город и стал искать к кому бы поступить в батраки.

Идет он, а навстречу ему бывший хозяин старшего брата.

— Не хочешь ли ты поступить в батраки, парень?— спросил он юношу.

— Очень хочу!— ответил тот.— Затем и пришел в город.

— Тогда идем ко мне!

Хозяин дал ему пару быков и послал пахать землю. А когда пришло время обедать, послал гончую, повесив ей на шею чурек и кувшин молока, и повелел передать батраку, чтобы он съел чурек, не ломая края, и выпил молоко, не трогая пенки.

Батрак не знал, как надо поступить, чтобы выполнить приказание хозяина, и съел весь чурек и выпил все молоко как мог.

Вечером он вернулся с поля. Хозяин, увидев что его приказание не выполнено, набросился на юношу и его забил до смерти.

Младшему из братьев в ту ночь приснился сон, что его братья умерли, и убийца их один и тот же человек в полосатом халате.

Проснулся он рано утром, оделся и пошел тоже наниматься в батраки.

Идет он, а навстречу тот же бай.

— Куда спешишь, юноша?— спросил он.

— Ищу работу.

— Пойдем ко мне!— сказал бай.

Юноша, не мешкая, согласился.

Хозяин дал ему пару быков и послал пахать землю. Пришло время обедать. Хозяин навесил на шею гончей чурек и кувшин кислого молока и повелел передать батраку, чтобы он съел чурек, не ломая края, и выпил молоко, не трогая пенки.

Гончая принесла чурек и молоко и передала все, что велел бай.

Юноша снял продукты с шеи собаки, сел и задумался: «Наверно, мои братья работали у этого человека, и они не знали, как съесть этот чурек и выпить это молоко, и из-за этого погибли».

Вынув нож, он вырезал середину чурека, а потом пробил дно кувшина и стал есть чурек, запивая молоком.

Вернулся юноша вечером, хозяин сам не свой: ему не хотелось оставлять его в живых.

— Как ты сумел?—спросил он батрака.

— А вот так!—сказал юноша и со всего размаху ударил бая кувшином по голове.— Это тебе за кровь моих братьев!..

Жена бая была очень богомольной. Поэтому, когда скончался ее муж, она пошла в мечеть и стала просить бога, чтобы он воскресил мужа и умертвил работника. Но аллах не внимал ее мольбам.

Так они и жили. Хозяйка управляла, а юноша батрачил на нее. Как-то она испекла чапади и сказала:

— Я пойду помолюсь, а ты смотри, чтобы все в доме блестело, чтобы быки не высовывали головы из стойла, а куры — из птичника.

Пришла она в мечеть и стала опять молить, чтобы аллах вернул мужа и избавил ее от работника. Ей даже послышалось что кто-то неведомый сказал: «Он уже мертв».

Обрадовалась хозяйка и поспешила домой. Приходит и видит: по полу разлито масло, в хлеву лежат зарезанные быки, а в птичнике — убитые куры.

— Что ты наделал?—закричала хозяйка на своего работника.

— Я выполнил приказание,— ответил юноша.— Ты мне сказала, чтобы все блестело, и я не пожалел масла. Мне было приказано, чтобы быки не высовывали головы из стойла, а куры — из птичника, и это я сделал. Что еще прикажете?

От злости у хозяйки случился разрыв сердца, а так как у нее не было наследников, то юноше пришлось стать хозяином.

ПАДИШАХ ХАРУН РАШИД

Визирем у Харун Рашида был некто Джакаер. Однажды, прогуливаясь по улицам своей столицы, падишах и визирь встретили плачущего человека.

— Почему ты плачешь?—спросил его падишах.

— Я рыбак,—сказал человек,— но сети мои всю жизнь пусты, а семья—голодна. Как же мне не плакать?

— Не может этого быть!—вскричал падишах.— Опускай сети, и все, что попадется в них, мы купим.

Пришли они к реке. Рыбак расправил сети и забросил их подальше от берега. Не успели они

«Иллада и жеребенок»

«Падчерица»

«Керем»

«Сыновья падишаха и рыбыны»

полностью погрузиться, как в них уже что-то попало.

— Тащи!—приказал падишах.

Рыбак потянул и вытащил... большой сундук. Падишах вознаградил, как и обещал, рыбака, и тот, обрадованный, поспешил домой.

Доставили сундук во дворец, и падишах приказал открыть его. Глазам предстала окровавленная, но прекрасная гелин.

— Кто в нашем государстве посмел совершить такую жестокость?—возмутился падишах.— Мы никому не позволяли таких преступлений.

Подозвал он визиря и приказал:

— Даю тебе три дня сроку. Найди убийцу и доставь к нам. Не найдешь—голова с плеч.

Как ни старался визирь, но миновал назначенный падишахом срок, а виновника не удалось найти. Вернулся он домой, попрощался с родными и пошел, потупив голову, к падишаху на доклад.

— О великий падишах, я не смог выполнить твоего повеления,—сказал визирь.

Падишах вскипел от гнева.

— Повесить!—отдал он приказание стражникам.— На казнь собрать весь народ.

Толпы запрудили площадь. Палач подвел визиря к роковому дереву, надел петлю.

— Подождите! Подождите!—раздался крик, и из толпы выбежал юноша.— Виноват во всем я!..

Толпа замерла от удивления, а палач застыл с открытым ртом.

— Этот юноша не виноват!—послышался другой голос, и из толпы вышел старик.— Виноват во всем я.

Стражники взяли их обоих, отвели к падишаху и рассказали ему все как было.

Падишах стал спрашивать юношу, а когда тот начал рассказывать все, что с ним случилось, прервал его.

— А старик тут причем?

— Старик этот—мой родной дядя по отцу. Он решил, что уже достаточно прожил, и хотел умереть вместо меня. Но ведь во всем виноват я один... У меня была очень красивая и добрая жена. Мы любили друг друга. Как-то она заболела, и я купил ей три груши. Только я вернулся в свою лавку, вижу идет какой-то человек, а в руках у него одна из груш, что я принес домой. «Где ты ее взял?»—спросил я его. «Подарила одна гелин»,—сказал он. Я больше не стал расспрашивать, а поспешил домой. Смотрю: две груши лежат там, где я их положил, а третьей—нет. Я убил изменницу, положил в сундук и бросил в речку.

Только-только я со всем этим управился, прибегает моя дочь и говорит: «Мне мама дала грушу, а я отдала ее дяде». Не рассказать о моем горе... Убить мать своего ребенка!.. Нет тяжелее преступления. Но раскаиваться поздно. Я совершил преступление, и никакая кара для меня не может быть жестокой.

Падишаха тронул рассказ молодого человека.

— Эй, Джакиер-визирь, ты должен в три дня найти того человека, что взял грушу у ребенка. Не найдешь — придется качаться тебе на виселице.

Снова визирь начал поиски. На третий день, когда он уже собрался идти к падишаху, чтобы сообщить о новой неудаче, прибежал один из его сыновей с грушей в руках.

— Где ты взял? — удивился визирь.

— Мне ее дал вон тот дядя, — сказал малыш.

Визирь догнал его и повел к падишаху.

— Это тот человек, которого ты видел с грушей в руках? — спросил падишах у молодого человека.

— Да, он самый, — подтвердил юноша.

— Где ты взял грушу? — спросил падишах.

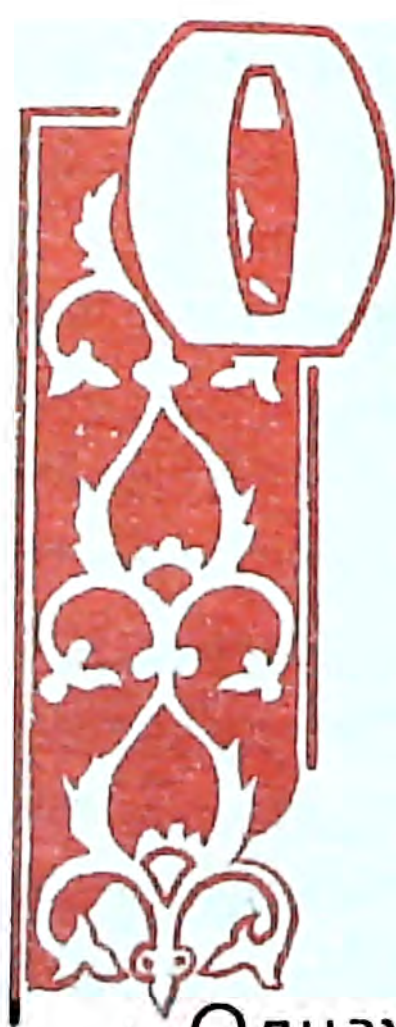
— Мне ее подарила одна прекрасная гелин.

— Какая она? — с надеждой спросил молодой человек.

— Вот такая, — показал незнакомый человек рукой чуть выше колена. — Лет шести-семи.

— Все ясно, — сказал падишах и приказал: навсегда умертвить ревность, а юношу — отпустить.

ПАДЧЕРИЦА

дин говорит: было, другой говорит: не было, а вы послушайте, что я расскажу. Было вот как...

У одного дайханина жена родила дочь и вскоре после родов умерла.

Он женился на другой. Вторая жена тоже родила дочь.

Прошли годы, и обе девочки выросли.

Мачеха не любила падчерицу и заставляла ее пасти корову и делать всякую черную работу, а свою дочь холила, надеясь выдать замуж за сына богача.

Так шли дни. Одна девушка проводила время в праздности и лени, другая — в трудах и заботах.

Однажды мачеха сказала падчерице:

— Чтоб тебя, бездельницу, земля проглотила! Когда пасешь корову, почему так мало чистишь хлопка?

Она принесла огромный тюк хлопка и сказала:

— Если до вечера не очистишь от семян все это, лучше и домой не возвращайся! Да смотри, чтобы ни одно зернышко не потерялось и ни одного клочка волокна ветер не унес!

Девушка взвалила на спину тюк и погнала корову с телятком на пастбище. Идет, гнется под тяжелой ношей и плачет:

— Как мне успеть за день столько хлопка перебрать? Да я и за два дня с ним не управлюсь!

Услышал ее жалобу теленок и говорит:

— Не плачь, Айбиби, я помогу твоему горю. Как только придем на пастбище, я сначала поем травки, а потом начну жевать хлопок и быстро перечищу его.

Девушка так и поступила. Когда теленок вдоволь поел травы, она высыпала перед ним весь хлопок, и он стал жевать его. Девушка собирала каждый клочок очищенного волокна и каждое зернышко — и клала их отдельно в мешки.

Вечером она принесла домой оба мешка и отдала мачехе.

Мачеха удивилась проворству падчерицы и на следующее утро дала ей такой же огромный тюк.

— Если ты такая быстрая, — сказала она, — тебе ничего не стоит очистить весь этот хлопок и напрямсть пряжу. Да смотри, если этого не сделаешь, лучше не возвращайся домой!

Айбиби взвалила на спину тяжелый тюк и пошла на пастбище, обливаясь слезами.

— Не плачь, Айбиби, — стал утешать ее теленок, — я могу не только очищать волокно от семян, но и нити языком сучить.

Поев вдоволь травы, теленок принялся за работу. Из его рта потянулись хорошо ссученные нитки, и девушка стала сматывать их в большие клубки.

К вечеру все было закончено, и Айбиби принесла мачехе готовую пряжу.

Мачеха снова удивилась проворству падчерицы.

На следующее утро она снова дала девушке огромный тюк хлопка и приказала к вечеру принести пряжу.

После того как теленок насытился травой, он принялся за работу, и еще до захода солнца девушка сматала в клубки всю пряжу.

Но тут внезапно поднялся вихрь, подхватил один клубок и погнал его по тропинке.

Девушка знала, что мачеха будет взвешивать пряжу. Она кинулась догонять клубок. А он все быстрее и быстрее катился через поля и арыки, пока не докатился до одинокой кибитки и не скрылся в ней.

Девушка заглянула в кибитку и увидела там сидевшую на войлоке старуху с взлохмаченными седыми волосами.

— Эне-джан,— обратилась девушка к старухе,— желаю тебе доброго здоровья и долголетия! В твою кибитку закатился клубок моей пряжи. Из-за него мачеха прогонит меня из дому.

Старуха ответила:

— Твой клубок в сундуке, доченька! Бери его да иди с миром.

Девушка подошла к сундуку, подняла крышку и обомлела: сундук был наполнен золотыми и серебряными украшениями и драгоценными камнями.

Старуха сидела спиной к сундуку. Но девушка ни к чему не притронулась, а взяла только свой клубок с пряжей и стала прощаться со старухой.

— Не торопись, доченька,— сказала старуха.— Сначала закрой дымоход, а то мне не под силу закрыть его.

Девушка потянула одной рукой за веревку, чтобы закрыть войлоком дымоход, но сил у нее не хватило. Тогда она положила клубок и обеими руками с трудом передвинула войлок.

— Теперь, доченька,— сказала старуха,— вырви из моей головы все волосы, а то мне надоело ходить лохматой.

Девушка вскипятила воду в котле, вымыла старухе голову и причесала волосы.

— Доченька,— сказала старуха,— я тебя отпущу, когда ты разобьешь всю мою посуду, изрубишь все сундуки, распорешь одеяла и выпустишь из них всю шерсть.

— Хорошо, бабушка,— ответила девушка и тотчас же перемыла всю посуду, вычистила сундуки и вытрясла все старухины одеяла и подушки.

Приведя кибитку в порядок, она сказала:

— Теперь, Эне-Джан, отпусти меня домой, а то корова, не дождавшись меня, уйдет с пастбища. Если она потопчет посевы, мне будет худо и от мачехи и от отца.

— Ладно, доченька,— ответила старуха.— Иди с миром. На пути тебе встретится сначала арык, а потом широкий яп. Обмой в арыке лицо и выстирай платье, а через яп перебеги, зажмурив глаза. Ну, ступай, доченька!

Девушка вышла от старухи, и кибитка тотчас же исчезла. Девушка очутилась одна в пустынной местности.

Она пошла наугад и вскоре увидела такой узкий арык, что через него можно было легко перешагнуть. Девушка присела на его берегу, вымыла лицо и руки и постирала свое ветхое платье.

Затем она пошла дальше и вскоре увидела широкий яп. Она зажмурилась и быстро перебежала его, а когда вновь открыла глаза, то увидела пастбище, где ее поджидала корова с теленком.

Забрав свои клубки с пряжей, девушка погнала корову и теленка домой.

Мачеха, увидев ее, разинула рот от изумления: перед ней стояла красавица в нарядном шелковом платье с золотыми и серебряными украшениями, в которые были вставлены драгоценные камни.

— Где ты все это достала, моя козочка?— с притворной лаской обратилась она к падчерице.

Девушка поверила в искренность мачехи и призналась, что во всем виноват вихрь, который подхватил и укатил клубок пряжи в кибитку одной старухи.

На следующее утро мачеха оставила падчерицу дома, а на пастбище решила послать родную дочь. Дав ей на дорогу сдобных лепешек и один клубок пряжи, она сказала:

— Сиди на пастбище до тех пор, пока вихрь не покатит твой клубок. А когда покатит, беги за ним следом.

— Не хочу я корову пасти!— закричала дочь.— Пусть Айбиби пасет! Если ты сделаешь из меня пастушку, ни один байский сын не женится на мне!

— Глупенький джейран мой,— стала уговаривать ее мать.— Я ведь о тебе забочусь! Ты только один день посидишь на пастбище, и старуха наградит тебя красотой еще щедрее, чем Айбиби.

Преодолев свою лень, девушка погнала корову и теленка на пастбище.

Узелок, в котором находились сдобные лепешки и клубок пряжи, показался ей чрезмерно тяжелым, и она решила облегчить его, но ей было жаль отдать лепешки сидевшим на деревьях голодным горлинкам, поэтому она стала разматывать клубок, рвать и развешивать пряжу на придорожных камнях и на ветвях карагачей.

Так она дошла до одного места, где стояло тенистое дерево. Травы для коровы и теленка там не было, но ничуть не заботясь о пастбище, она села в тени этого дерева и положила подле себя полуразмотанный клубок пряжи. Потом она стала есть лепешки.

Пока солнце склонялось к закату, дочь мачехи успела хорошо выспаться под деревом и собралась уже возвратиться домой, как вдруг поднялся вихрь, подхватил ее маленький клубок и покати по тропинке.

Помня наставление матери, она бросилась бежать за клубком и добежала до одинокой кибитки. Вошла в нее и увидела лохматую седую старуху. Девушка испугалась и хотела повернуть обратно, но старуха спросила ее:

— Доченька, что тебе здесь понадобилось?

— Чего спрашиваешь? Будто и не видела!— ответила дочь мачехи.— Мой клубок закатился в твою кибитку.

— Подойди к сундуку, доченька,— сказала старуха,— там найдешь свой клубок.

Дочь мачехи подняла крышку сундука и увидела, что он наполнен женскими золотыми и серебряными украшениями с драгоценными камнями. Эти украшения так прельстили ее, что она потихоньку взяла несколько штук и спрятала подмышкой. Потом она вынула из сундука клубок пряжи и хотела поскорей уйти. Но старуха остановила ее:

— Доченька, не торопись уходить. Сначала закрой дымоход.

Мачехиной дочери не терпелось уйти, и она сразу обеими руками дернула за веревку. Тут из подмышек у нее посыпались украшения, которые она похитила из сундука.

Старуха подобрала их и сказала:

— Теперь, доченька, вырви из моей головы все волосы.

Дочь мачехи так рассердилась на старуху, что принялась ключьями вырывать у нее волосы.

На голове у старухи не осталось ни одного волоска, но она спокойно сказала:

— Теперь, доченька, разбей всю мою посуду, изруби в щепы сундуки, распори подушки и одеяла и выпусти шерсть.

Это желание ненавистной старухи дочь мачехи выполнила с большой охотой, и когда в кибитке все было перебито, изломано, изорвано и разбросано, старуха сказала:

— Спасибо тебе, доченька. Пусть твое счастье будет таким же золотым, как и твое сердце! Я награжу тебя красотой. Когда пойдешь домой, тебе попадетс ярык. Зажмурь глаза и быстро перебеги через него. Потом увидишь широкий яп. Ты обмой в нем лицо и руки и выстирай платье. А когда придешь домой, то скажи отцу: «Держи!», а матери: «Режь!»

Дочь мачехи вышла из кибитки и изо всех сил пустилась бежать.

Добежав до арыка, она зажмурила глаза и перепрыгнула через него, как наставляла старуха, а у япа—присела, обмыла лицо и руки и выстирала платье.

Корова и теленок, не дождавшись ее, ушли с пастбища и сами прибрели домой.

Видя, что дочь не вернулась, мачеха пошла с мужем искать ее. Скоро они встретили на дороге дочь. Она шла в изорванном и ветхом платье. Когда же они взглянули на ее лицо, то ужаснулись: на лбу у дочери выросло ослиное ухо.

Мачеха горько заплакала, а отец от изумления не смог и слова вымолвить.

Так вернулись они домой. Мачехина дочь взглянула на себя в зеркало и от страха завопила:

— Отец, держи! Мать, режь!

Отец схватил свою дочь за ослиное ухо, а мать ножом отрезала его. Но на лбу у дочери тотчас же выросло новое, покрытое шерстью ухо. И сколько раз они не срезали его, ухо вырастало снова. Так и осталась она уродиной.

Мачеха еще пуще прежнего возненавидела красавицу-падчерицу. Она догадывалась, что помогал ей во всем теленок. Поэтому однажды она сказала мужу.

— Теленок наш вырос и нагулял жирок. Давай зарежем его.

Муж не перечил. Айбиби же горько заплакала. Она пришла к теленку и со слезами сказала:

— Дорогой дружок, злая мачеха приказала тебя резать! А я не знаю, как тебя спасти!

— Не печалься, добрая Айбиби,— ответил теленок.— Послушай, что я тебе скажу. Когда меня зарежут, мясо съедят, ты собери мои кости и спрячь их во дворе в том заброшенном тамдыре, где мачеха раньше пекла лепешки. Если тебе когда-нибудь взгрустнется, приходи посмотреть на мои косточки, и тогда у тебя станет легче на сердце.

В тот же вечер отец зарезал теленка, а мачеха сварила его мясо в большом котле.

Айбиби не могла смотреть, как отец, мачеха и сестра ели теленка. С плачем вышла она из кибитки. А когда они выбросили во двор кости, девушка собрала их и спрятала в заброшенном тамдыре, где мачеха раньше пекла хлеб.

Прошло несколько месяцев. Однажды в праздник Айбиби надела шелковое платье с золотыми украшениями и вышла в поле погулять.

В это время неподалеку охотился сын падишаха. Он увидел красавицу, словно солнце озаряющую мир, и сразу влюбился в нее.

Царевич возвратился во дворец и сказал падишаху:

— Отец, я полюбил девушку Айбиби. Если не женишь меня на ней, я умру.

Падишах согласился женить своего сына на Айбиби и послал к ее отцу сватов.

Наступил день свадьбы,— за девушкой прислали караван верблюдов с подарками.

Мачеха накинулась на мужа:

— Нужно сначала выдать некрасивую дочь, а красивую каждый возьмет!

Муж согласился, и мачеха, отобрав у падчерицы ее шелковое платье с золотыми украшениями, поспешно нарядила в него

свою дочь, отрезала у нее на лбу ослиное ухо, накрыла ей лицо и посадила на украшенного верблюда.

В тот же вечер невесту повели в спальню жениха. Когда царевич захотел взглянуть ей в лицо, она отвернулась и торопливо, с хрустом, стала жевать вновь отросшее на лбу ослиное ухо.

— Почему ты не глядишь на меня?—спросил царевич.

— Я стесняюсь!—ответила уродина.

— А что ты жуешь?

— Мать насыпала мне немного жареной пшеницы, чтобы я не соскучилась дорогой,—ответила она.

— Дай и мне покушать пшеницы,—попросил ее царевич.— Я очень люблю жареную пшеницу.

— А я всю ее съела,—поспешила ответить уродина.

Ночью царевичу приснилось, будто он спит, обнявшись с ослом. В испуге он проснулся и почувствовал у себя под головой ослиное ухо.

— Так это, значит, не сон!—вскричал он и отсек ослиное ухо мечом, но оно опять выросло. Тогда мачехиной дочери пришлось во всем признаться царевичу.

Разгневанный царевич приказал немедленно отвезти уродину к родителям, а вместо нее привести настоящую невесту.

Посланные есаулы отдали мачехе ее дочь и грозно спросили:

— А куда ты спрятала невесту царевича?

Мачеха потемнела от злости и закричала:

— Если царевичу угодно жениться на девке, от которой пахнет коровьим навозом, то ищите ее на пастбище, где она пасет корову!

Есаулы отправились за девушкой и привезли ее домой, чтобы она переоделась. Но, кроме того шелкового платья, что отобрала мачеха, у девушки ничего больше не было, и она осталась в своем ветхом платье. Перед тем как навсегда покинуть дом отца, девушка побежала к тамдыру, чтобы попрощаться с косточками телят. Заглянув в печку, она увидела там вместо косточек красное шелковое платье, расшитое серебром, украшенное золотом и драгоценными камнями.

Когда красавицу Айбиби привезли во дворец, падишах даже глаза прикрыл: так была она красива. Он приказал устроить свадебный пир, который продолжался сорок дней и сорок ночей.

На том пиру и я был. Мне вынесли блюдо плова с бараньей ляжкой. Идя домой, я споткнулся, и весь плов рассыпался по земле, а пробежавшая собака схватила ляжку и унесла. Так и вернулся я с пира голодным.

ГУЛЬДЖАХАН

ыло это или не было — в далекие времена жил-был падишах по имени Ширванадыл. Днем он выслушивал жалобы подданных, а ночью вместе с несколькими визирями, облачившись в одежду нищего, ходил по дворам и прислушивался, что о нем говорят в народе.

Однажды Ширванадыл и два его визиря зашли во двор к бедняку, жившему на самой окраине столицы, и попросились переночевать. Бедняк впустил их в свою кибитку. Улеглись гости на дырявую кошму и сделали вид, что уснули.

У бедняка было три взрослых дочери. Видя, что гости уже спят, одна из них и говорит:

— Ну что, сестрички, давайте помечтаем.

— Давай,— ответили две других.

— Вот если бы меня отдали замуж за одного полюбившегося мне дайханина, я бы была самой спокойной и доброй женой,— сказала старшая.

— А мне бы хотелось стать женой одного богатого купца,— сказала средняя.

— Ну, какая же это мечта?— сказала младшая сестра Гульджахан.— Вот если бы я была женой Ширванадыла, я бы раздала всю царскую казну беднякам, а сам падишах надевал бы мне на ноги мои башмачки, когда я выходила из комнаты и снимал бы их, когда я возвращалась обратно.

Наутро Ширванадыл попрощался с хозяином и поспешил во дворец. Позвав нукеров, он приказал им доставить дочерей бедняка.

— Ну, красавицы,— обратился к сестрам падишах, когда они появились во дворце,— ответьте мне на вопросы, что я вам сейчас задам. Только говорите правду. Скажите: о чем вы между собой говорили вчера вечером?

— Я говорила, что хотела бы стать женой дайханина, которого я люблю,— сказала старшая сестра.

Падишах узнал имя этого человека, призвал его и пожелал старшей сестре счастливой жизни с ним.

— А что ты говорила?— спросил падишах вторую сестру.

— Я говорила, что хотела бы стать женой одного богатого купца,— сказала средняя сестра.

Падишах узнал имя и этого человека. Призвал его и средней сестре пожелал счастливой жизни с ним.

— Ну, а теперь ты расскажи, о чем говорила,— обратился падишах к Гульджахан.

— Наш падишах, я осмелилась сказать, что если бы я была вашей женой, я бы раздала всю казну беднякам, а сам падишах надевал бы мне на ноги мои башмачки, когда я выходила из своих покоев, и снимал бы их, когда я возвращалась в них.

— Со всеми твоими желаниями я согласен,— сказал Ширванадыл,— но насчет башмаков... Ты захотела слишком много...

Он позвал палача и приказал:

— Казните ее!

— О великий падишах,— сказали визири,— она еще молода и глупа, потому даруй ей жизнь — прикажи бросить ее в пустыне. А там уж ее дело: сумеет — будет жить, не сумеет — умрет.

Падишах согласился.

День и ночь проплакала Гульджахан в пустыне. Наутро она вытерла слезы, огляделась и пошла куда глаза глядят. Долго ли, коротко ли шла она — неизвестно. Только от долгой ходьбы у нее распухли ноги, от горячего солнца — почернело лицо, от жажды — потрескались губы. Когда она уже потеряла всякую надежду на спасение, ей на пути встретилось дерево, в тени которого журчал ручей.

Гульджахан напилась воды, прилегла отдохнуть и не заметила как уснула.

Ночью ее разбудили какие-то голоса. Она прислушалась. Говорили птицы, сидевшие на дереве.

— Подружки, видите под деревом спит девушка? — спросила одна из птиц.

— Видим!.. Видим!.. — ответили две другие.

— Она бедняжка столько перенесла из-за падишаха Ширванадыла, пока пришла в свои владения.

— Как, разве это ее владения?

— Да. Они ей предназначены падишахом, жившим еще во времена Ноя. Вон там, в сорока шагах от этого дерева на восток, схоронен большой клад. Все его богатства принадлежат ей. На камне, под которым они лежат, написано: «Гульджахан». А в горах, у истока ручья, что течет под нашим деревом, находится ее сад, а в нем — дворец. Такой красивый дворец, какого никто никогда не видел.

Высказав все это, птицы вспорхнули и улетели.

Едва забрезжил рассвет, Гульджахан уже была на ногах. Пройдя сорок шагов, она стала копать землю отломанным от дерева сухим сучком. Вскоре ей попался камень, и на нем она прочла свое имя. Камень легко подался в сторону. Девушка увидела столько сокровищ, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Положив камень, она пошла искать сад и дворец.

Долго ли, коротко ли шла Гульджахан вверх по течению ручья, на берегу которого она спала, наконец, достигла ущелья. Миновав пещеру, она очутилась в роскошном саду. От восторга у девушки разбежались глаза: кругом благоухали цветы, пели соловьи и журчали фонтаны. Гульджахан выкупалась, пошла дальше. Из-за кущи деревьев показался неописуемой красоты дворец. Девушка обошла все покои дворца, блиставшие невиданной роскошью, и вышла снова в сад. В это время к ней подошла старушка.

— Откуда ты, красавица?—спросила она Гульджахан.— Тут еще не ступала нога человека.

— Я—Гульджахан.

— Здравствуй, мое дитя,—обрадовалась старушка.— Сколько лет я ждала тебя. Наконец-то ты явилась, моя ненаглядная. Пойдем, я тебе покажу все твое наследство и вручу тебе ключи от него. Теперь ты хозяйка всему.

Старушка завела Гульджахан в одну из комнат, показала, где и какие ее наряды. На другой день девушка оседлала коня и в одежде мужчины поехала к падишаху этих земель.

Когда есаулы доложили падишаху, что из далекой страны пожаловал богатый купец, падишах тут же приказал: «Пригласить дорогого гостя!»

Гульджахан вошла, поприветствовала владыку и преподнесла ему подарки.

— Откуда будешь, добрый человек?—спросил падишах.— И по какому делу пожаловал в наши края?

— Я—купец,—сказала Гульджахан.— Отец оставил мне большое наследство, и я хочу заняться земледелием. В вашем царстве есть дикая, безлюдная степь. Продайте мне ее и я сделаю эту пустую землю обетованной.

— Ну что ж, это дело серьезное,—подумав, сказал падишах.— Вы пока отдыхайте, а мы посоветуемся с визирями и великими и тогда дадим вам ответ.

На другой день падишах снова пригласил к себе Гульджахан и назвал цену степи—тысячу тумен. Гульджахан отсчитала деньги и отдала падишаху.

— И еще у меня просьба, великий падишах,—сказала она.— В вашей столице много искусных мастеров и хороших работников. Не позволите ли вы мне взять с собой сколько-нибудь из них.

Падишах милостиво разрешил взять и мастеров и работников.

Выйдя из дворца, Гульджахан пошла на базар. Весть о том, что приезжий купец обещает всем, кто поедет строить новый город в степи, хорошие заработки, передавалась из уст в уста,

и к вечеру желающих нашлось столько, сколько было нужно. Купив рабочий скот и все необходимое, Гульджахан простилась с падишахом и отправилась в путь во главе нанятых людей.

Долго ли, коротко ли шли они, наконец, дошли до того дерева, где Гульджахан слышала разговор птиц и где находился ее клад.

После отдыха люди принялись за дело. Лучшие мастера начали возводить дворец для Гульджахан, землекопы рыли кяризы, чтобы подвести из-под гор воду.

Гульджахан решила построить дворец красивее, чем у самого Ширванадыла. Если у него было семь ворот, у нее — восемь. У Ширванадыла у парадного входа стояло семь колонн, у нее — восемь. У Ширванадыла дворец был построен из кирпича, у Гульджахан из тесаного камня.

Дворец Гульджахан рос не по дням, а по часам. И красоты он был такой, что и глаз от него нельзя отвести. Вокруг дворца был разбит сад с бассейнами и фонтанами, беседками и цветниками.

После того, как город был построен, Гульджахан собрала людей и сказала:

— А теперь, кто из вас желает, может привезти сюда свою семью и поселиться в этом городе. И передайте всем, с кем доведется встретиться, пусть едут к нам.

Весть о добром купце разнеслась далеко вокруг, и в новый город стали стекаться люди из всех мест. Город рос, хорошел. Люди были обеспечены и счастливы. Вскоре они избрали Гульджахан своим падишахом.

А теперь вернемся к Ширванадылу.

У него был обычай: если нищий, осмотрев все семь ворот дворца, приходил к нему, то он дарил ему что-нибудь на память. Об этом обычае знала Гульджахан. Однажды она позвала к себе главного визиря и сказала ему:

— Мой визирь, ты должен поехать к Ширванадылу. Когда достигнешь его города, переоденешься в платье нищего и, осмотрев все семь ворот дворца, пойдешь к падишаху. За это он даст тебе подарок. Ты снова все семь ворот осмотри и опять иди к нему. Он рассердится, а ты ему скажешь, мол, я не ожидал такого гнева от достойного Ширванадыла, мол, он не стоит падишаха, чей дворец очень похож на этот, но имеет восемь ворот и сам падишах щедрее — дает подарок за каждые осмотренные ворота. А как, мол, любезен тот падишах. О справедливости нечего и говорить — равного не сыщешь и в целом свете. Пойду, мол, опять к нему — и уходи.

Визирь, выслушав Гульджахан, тут же собрался и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли ехал он, остановился на постоялом дворе, отдохнул, а наутро сделал так, как ему советовала Гульджахан. Переодевшись в платье нищего, он вошел во дворец величественного владыки Ширванадыла и запел:

Диванá заходит в дверь.

Все несчастья уходите...

— О аллах, о аллах! О святой Дивана Бахеветдин! Подайте, и умножит ваше богатство аллах!—приговаривал он скороговоркой, осматривая ворота. Когда же он прошел все семь, Ширванадыл дал ему какую-то монетку. Тогда нищий вернулся к первым воротам и начал снова петь и приговаривать.

— Э, да ты, оказывается, бессовестный, дивана!—разгневался Ширванадыл и прогнал его.

— Ну и Ширванадыл!—воскликнул «нищий».— Посмотреть даже не на что. Вот в пустыне, в новом городе, падишах так падишах. Ему, наверное, нет равных в целом свете ни по щедрости, ни по справедливости. Он всех встречает с радостью и вознаграждает за каждые осмóтренные ворота, хотя их у него не семь, а восемь. Нет, нет, я и дня тут больше не останусь.

Вернувшись на постоялый двор, визирь Гульджахан скинул с себя нищенскую одежду, вскочил на коня и поспешил домой.

Долго ли, коротко ли он ехал, но приехал. Рассказал своему падишаху, как выполнил его задание. Гульджахан вручила ему вполне заслуженную награду и посоветовала:

— Распорядитесь, мой визирь, чтобы город привели в порядок,— надо ждать, что Ширванадыл под каким-либо предлогом не сегодня-завтра пожалует к нам.

Теперь поговорим о Ширванадыле.

После того, как «нищий» его упрекнул, а другого падишаха вознес, Ширванадыл решил посетить новое царство и лично убедиться в тех чудесах, о которых ему прожужжали уши. Призвав к себе двух своих визирей, он сказал им:

— Собирайтесь в дорогу. Поедем в новый город. О нем так много всякого говорят, что мне самому хочется посмотреть на него. Неплохо будет взглянуть и на «самого справедливого» падишаха на нашей священной земле.

Под видом паломников, Ширванадыл и его двое визирей отправились в путь. Они достигли города, где правила Гульджахан, и въехали в его ворота. Стража тотчас доложила своему падишаху, что появились три новых дивана.

Надев самые дорогие одежды, Гульджахан водрузила на голову корону из бриллиантов и села на трон. Рядом с собой она поставила целый хум золота, ведь у нее его было видимо-невидимо.

Остановившись на постоялом дворе, Ширванадыл и его визири отдохнули после дороги, поели, попили чаю, а потом отправились во дворец. Миновали гости одни ворота, Гульджахан дала им столько золота, что и не сосчитать. Миновали другие — еще получили. Когда же прошли последние — восьмые ворота, — то их торбы, куда они складывали полученное золото, оказались переполненными. Тогда они стали рассовывать монеты по карманам, за пазуху. Когда гости собрались уходить, Гульджахан спросила их:

— Дорогие паломники, куда же вы торопитесь. Зайдите в комнату для гостей, там вас накормят, напоят всем, что пожелаете, а потом идите с богом. У нас такой обычай: кто приходит к нам, будь он падишах или нищий, должен погостить у нас, — и она повела удивленных такой щедростью паломников в покои, где был расстелен сачак и на нем всякие яства в чашах из чистого золота. Гульджахан предложила каждому из гостей взять, что им понравится, на память. Но дивана наотрез отказались.

— Нет, нет, — сказала Гульджахан, — у нас такой обычай: если мы угощаем гостя, то отдаем ему посуду, из которой он ел-пил.

Действительно, такой обычай у нее был, и она строго соблюдала его. Не уважить обычай — обидеть хозяина. Поэтому Ширванадыл взял посуду, которой пользовался.

— Уважаемые гости, — снова сказала Гульджахан, — вы наверное много видели, а ведь говорят: кто много видел — много знает. Расскажите нам что-нибудь, а мы послушаем. Особенно мы любим слушать мудрые пословицы и сказки.

— О уважаемый падишах, сейчас нам нечего сказать, — ответил Ширванадыл, — мы еще не собрались с мыслями. Если позволите, мы придем вечером и расскажем.

— Что ж, это можно, — сказала Гульджахан.

Ширванадыл со своими спутниками пришел вечером.

— Первым будет говорить тот, — сказала Гульджахан, — кто больше знает.

— Если позволит падишах, — сказал Ширванадыл, — первым буду говорить я.

— Хорошо, — согласилась Гульджахан. — Тогда эту ночь мы будем слушать тебя. А твои спутники могут идти и спокойно отдыхать в покоях для гостей.

Пока Ширванадыл рассказывал о том, что видел или слышал, Гульджахан много раз нарочно вставала и выходила во двор. И каждый раз величественный повелитель Ширванадыл поспешно то подавал, то принимал от нее обувь.

— В старо-давнее время, — рассказывал Ширванадыл, —

жил-был очень умный и справедливый падишах. О его щедрости и благородстве в народе слагали легенды. Часто, оставаясь наедине с самим собой, он думал: «Такого человека, как я, еще не было на земле и наверное не будет». Однажды, когда он сидел в тяжком раздумьи, к нему пришел какой-то нищий и стал просить милостыню. Падишах дал ему монету. Тот вернулся и попросил вторую. Падишах не мог потерпеть такой наглости и прогнал его. Тогда нищий сказал, что падишах оказался не таким щедрым, как о нем ходит молва, а вот, мол, в такой-то стране падишах так падишах. Ни по щедрости, ни по справедливости нет ему равных в целом свете. Падишах не поверил словам нищего и отправился в страну, чтобы лично убедиться в истинности слов нищего. Оказалось, нищий ничего не преувеличивал. Тогда падишах тоже стал добрым и щедрым. С тех пор на земле стало два падишаха равных по уму, благородству и щедрости.

— Но гость кое-что упустил,— сказала Гульджахан.— Действительно, падишах стал щедрым, но не от души, а от зависти к славе другого. А ведь ему лучше было бы оставаться самим собой... О, кажется, уже поздно, гость наверно устал, ему пора отдохнуть... Спокойной ночи... А завтра приходите опять, я тоже кое-что расскажу.

Назавтра Ширванадыл пришел со своими визирями снова. Гульджахан села на трон, гостей усадила на почетные места рядом с собой и начала рассказывать о том, как один шах подслушал разговор трех сестер, как он осуществил мечту двух старших, а младшую вместо того, чтобы взять себе в жены, бросил на съедение хищным зверям в пустыне. Ширванадыл несколько раз порывался встать, чтобы уйти с глаз долой, но Гульджахан не отпустила его до тех пор, пока не рассказала все вплоть до того, как этот шах когда-то с гневом отверг дерзновенную мечту девушки о том, чтобы падишах подавал ей обувь, когда она выходила бы из покоев и принимал эту обувь по ее возвращении к себе, и как она потом все-таки заставила падишаха подавать и убирать обувь и ее желание осуществилось.

От всего услышанного Ширванадыл пришел в такое замешательство, что не знал куда спрятать глаза. В довершение всего Гульджахан вышла и вернулась в девичьем наряде.

— Вот так, падишах Ширванадыл,— сказала она, улыбаясь.— Все-таки ты мне подавал обувь. Может быть, я ошиблась?— лукаво спросила она.

Гульджахан с большими почестями проводила падишаха Ширванадыла и его визирей. Сама же она много, много лет оставалась мудрым, справедливым и щедрым падишахом, самым мудрым, справедливым и щедрым на земле.

СЫН ВОРА

ил-был вор. У него был сын лет десяти. Как-то отец украл в байской отаре барана, зарезал его и пошел ломать саксаул, намереваясь пожарить почки. Разжег он очаг, поставил на него казан, смотрит, а одной почки нет. Посмотрел туда-сюда — исчезла.

— Где вторая почка?— спросил он у сына.

— Не знаю,— ответил тот.— А может у этого барана она была одна?

Отец сломил хворостину и стал бить сына, приговаривая: «Скажи, куда дел?.. Скажи, куда дел?..»

Но сколько он ни бил, тот не сознался.

Однажды отец решил обокрасть казну падишаха. Долго он присматривался, приглядывался и решил: «Возьму с собой сына, он пролезет сквозь решетку, иначе мне не будет удачи».

Ночью взял он сына, подождал, когда стражник ушел за угол, и они забрались на крышу. Выставив стекло, вор через решетку спустил на веревке сына. Бросив ему торбу, приказал наполнить ее золотом и драгоценными камнями.

Сын сделал все, как ему сказал отец.

Вытащив торбу, отец стал поднимать сына. Когда он уже был у решетки, отец тихо спросил:

— Так где вторая почка?

— Не знаю,— так же тихо ответил сын.— Может, у него она была только одна.

— Если ты не сознаешься,— снова прошипел отец,— я тебя оставлю тут.

— Как хочешь,— ответил сын,— но я ее не брал.

Отец рассердился и отпустил веревку.

Утром казначей открыл хранилище — смотрит, в углу спит малыш. Разбудив его, казначей спросил:

— Как ты сюда попал?

— Через решетку.

— Кто ограбил казну?

— Тот, кто бросил меня тут.

— А кто бросил тебя?

— Тот, кто ограбил казну...

Сколько ни бился казначей, так ничего и не смог добиться. Схватив малыша за руку, он потащил его к падишаху. Лестью и угрозами падишах хотел выведать, кто ограбил казну, но тоже ничего не добился. Рассвирепев от неудачи, он приказал:

— Повесить этого змееныша!

Весть о краже и предстоящей казни вора молнией разнеслась по столице. Торговцы бросили свои лавки, ремесленники — забыли о своих делах. Пришёл посмотреть на казнь и вор-отец.

Мальчика ввели на помост, накинули на шею веревку. Он стоял будто ничего не случилось. В толпе он заметил отца. Тот показал ему два пальца, мол, у барана было две почки? Мальчик улыбнулся и поднял один палец — мол, нет — одна!

Падишаху показались действия малыша удивительными и он спросил его:

— Ты почему поднял один палец?

— Когда мне на шею накинули петлю, шайтан подлетел и сказал: «Два бога». А я ответил: «Нет, аллах один!»

Услышав разумные слова, падишах приказал: освободить мальчишку и наградить его.

ОВЕЗ ЯЛТА

авно это было. Жили муж и жена. У них был сын по имени Овез. До восемнадцати лет он ни разу не вышел из кибитки и не умыл лица — так был ленив. За это люди прозвали его ялта — лежебока — и часто подшучивали над его ленью.

Как-то Овез лежал на дырявой кошме и думал: «Ба, я, наверно, тоже человек, как другие люди. Все что-то делают, к чему-то стремятся. И мне не пристало сидеть на шее отца. Пойду, поищу себе какое-нибудь дело».

В это время в далекий путь собирались купцы. Овез попросился, чтобы они взяли его с собой. Купцам нужен был работник. Приехал караван в какой-то город. Вдруг Овез слышит, как глашатай выкрикивает: «Кто желает поступить в работники! Купец платит тысячу таньга нечистыми деньгами и одну таньга — чистыми».

Овез предложил свои услуги. В качестве платы он потребовал одну таньга чистыми деньгами. Купец принял его. Отработал Овез месяц, получил одну таньга и пошел искать, что бы такое купить и послать в подарок родителям. Ходил, ходил, но ничего подходящего не мог найти — мало денег. Кто-то предложил ему приобрести кошку. Овез купил ее, отдал купцам, с которыми он приехал в этот город, и, наказав, чтобы они доставили его подарок родителям, снова пошел работать к своему купцу.

Караван-баши посадил кошку в торбу, и караван пошел домой. На половине пути купцам встретился аул, и они решили заночевать в нем. Увидели жители аула кошку, стали просить у караван-баши, чтобы он ее отдал или продал.

— А зачем она вам?—спросил тот, удивленный такой просьбой..

— Нас одолели мыши, а у нас нет ни одной кошки.

— Я бы помог вашему несчастью,—сказал караван-баши,—но она не моя—я должен доставить ее хозяевам.

Собрались самые почтенные старцы—яшули—аула, долго думали-гадали, как заполучить кошку, и решили:

— Дорогой караван-баши,—сказал старейшина аула,—давай мы наполним торбу, в которой везешь кошку, золотом, а ее отдай нам. Думаем, хозяева не обидятся ни на нас, ни на тебя.

Караван-баши отдал кошку, а торбу привез родителям Овеза. От такого богатого подарка они долго не могли в себя прийти.

Проработал Овез еще месяц, снова получил одну таньга. Искал, искал, что бы такое купить в подарок родителям, но так и не нашел. Ему предложили приобрести собаку. Не хотелось возвращаться без покупки, и Овез взял ее. Вышел он на караванную дорогу в надежде встретить каких-нибудь купцов из своего аула, чтоб передать с ними подарок. Но их не было и он тут же, на дороге, заночевал.

Проснулся Овез на рассвете и видит: собаки нет, а вместо нее рядом извивается огромный дракон-аждарха.

От страха Овез закрыл глаза и сжался в комок. А аждарха говорит ему человеческим голосом:

— Эй, юноша, не бойся меня. Я тебя и пальцем не трону, если ты мне поможешь.

— Чем я могу помочь?

— Я единственный сын падишаха аждарха. Когда-то отец обидел меня, и я ушел от него. С тех пор прошло много лет, но мы никак не можем помириться. Это можешь сделать ты.

Овезу ничего не оставалось делать, как только сказать: «Ладно, если сумею,—помирю».

Идут они, аждарха и говорит:

— Когда ты помиришь нас, отец спросит: «Что ты хочешь в награду?» Проси кольцо. С его помощью ты сможешь исполнить любое свое желание. Он будет тебе многое предлагать, но ты не соглашайся.

Долго ли, коротко ли шли они, видят, им навстречу ползут огромные змеи. Овез даже задрожал от испуга. Вскоре он увидел и старого аждарха.

— О великий падишах,— поклонился в пояс ему Овез,— слава о твоей доброте идет по всей земле, но ты омрачаешь ее своей ссорой с родным сыном. Не пристало могучим и мудрым властелинам обижать слабых и юных.

У старого аждарха потемнели глаза, когда он услышал такую речь. А Овез продолжал славить падишаха и просить у него снисхождения к единственному сыну и наследнику. Когда он закончил говорить, падишах принял в свои объятия неразумного сына и приказал, чтобы подготовили большой той по случаю его благополучного возвращения.

Три дня и три ночи длился той. Овеза потчевали как самого уважаемого гостя. А когда он собрался идти домой, падишах сказал ему:

— Ты доставил мне большую радость, и я тебя хочу отблагодарить за это. Проси, чего хочешь!

— О, мне многого не надо,— с достоинством отвечал Овез.— Мне будет достаточно, если падишах аждарха будет всегда бодр и здоров. Если же падишах хочет мне что-нибудь подарить на память о своей доброте, то я хотел бы получить кольцо на палец—его не тяжело нести и для падишаха это небольшой ущерб.

Падишах готов был отдать все, но только не кольцо. Но Овез ему очень понравился своей приветливостью и бескорыстием, и он отдал ему кольцо. Овез поблагодарил аждарха за гостеприимство и пошел в обратный путь.

Дома давно уже считали Овеза погибшим, когда он вдруг объявился живым и здоровым. Родители несказанно обрадовались—они не знали куда его посадить, чем накормить-напоить.

Наутро Овез говорит матери:

— Эдже, иди посватай за меня дочь падишаха.

— Что ты, что ты, сын мой,— испугалась старушка,— разве ты не знаешь какой он страшный человек. Я даже боюсь произносить его имя.

— Эдже, я тебя очень прошу,— взмолился Овез.

— Да, знаешь ли ты,— сказала мать,— какой большой он просит за нее калым?

— Сколько не запросит—соглашайся,— сказал Овез.

Скрепя сердце, мать пошла.

Оскорбленный неслыханной дерзостью—сын бедняка захотел стать его зятем—падишах, чтобы не повадно было другим таким же сватать его дочь, сказал:

— Мы согласимся, если завтра утром, когда встанем с постели, перед дворцом будет стоять крепость из серебра, а на каждом ее углу—по золотому дворцу. В одном дворце должна

быть весна, в другом — лето, в третьем — осень, в четвертом — зима. Не будет этого — не будет и вашего дерзкого сына.

Услышав такое условие, мать едва не лишилась чувств. В кибитку вошла она сама не своя.

— Ну как, эдже? — бросился к ней сын. — Волком или лисой назад вернулась?

— Да ну тебя, с твоими волками и лисами. Хорошо, что живой вернулась! — И она с трепетом рассказала, какой чудовищный калым потребовал падишах.

— Ты не беспокойся, эдже, — сказал Овез, — все будет хорошо.

Ночью, когда город спал беспробудным сном, Овез вышел на улицу и приказал кольцу сделать все так, как пожелал падишах.

Едва забрезжил рассвет, а во дворце поднялся переполох. От шума проснулся падишах и недовольно спросил:

— Что там такое случилось, что даже нам не дают спать. Разыскать виновных и наказать.

— О великий падишах, — доложил трясущийся визирь. — Свершилось чудо.

— Где? — вскрикнул падишах, вскочив с постели.

— Вот! — показал визирь в окно.

Прямо перед дворцом сверкала огромная серебряная крепость с золотыми дворцами по углам. У крепости стоял и ждал свою невесту будущий зять падишаха, бедняцкий сын Овез.

Взглянув в окно, падишах приказал объявить о свадебном тое.

Семь дней и ночей продолжалась свадьба, семь дней и ночей радовался народ, а падишах все эти дни ходил хмурый. Его неотвязно преследовала мысль: «Назначая такой калым, я знал, что его не смогут заплатить три-четыре падишаха, если даже они сложат вместе свои богатства. И вдруг нашелся какой-то грязный бедняк и забрал мою дочь. Нет, тут что-то не так. Я этого дела не оставлю».

Когда Овез возвращался домой от аждарха, он еще не знал силу кольца, да и не знал, что можно у него попросить. Поэтому первыми его желаниями были: вернуть кошку, которую, как он узнал, в ауле, где останавливался караван, купили за торбу золота; и собаку, которая пропала перед его встречей с аждарха. Кошка и собака вернулись и теперь он с ними не расставался.

Зная характер владыки-отца, жена как-то сказала Овезу:

— Говорят: «две бараньих головы в одном казане не сваришь». Отец не оставит тебя в покое. Давай мы переберемся на тот берег реки и там будем жить.

Выйдя из дворца, Овез по совету жены приказал кольцу переправить их на другой берег. Кто-то из слуг падишаха подследил, как он разговаривал с кольцом, и донес. Падишаху захотелось во что бы то ни стало завладеть талисманом. Он объявил в народе, что тот, кто достанет кольцо с руки его зятя, получит много золота. Услыхала об этом одна из старух и пришла к падишаху.

— Если меня перевезут на ту сторону,— сказала она,— я достану талисман.

По приказанию падишаха ее тут же переправили на тот берег. Уселась она у самой воды и захныкала. Случилось, что ее плачь услышал проходивший Овез.

— Отчего ты плачешь, бабушка?

— Вах, дитя мое, кому же теперь и плакать, если не мне. Единственного сына моего кормильца и поильца люди падишаха убили, а меня выбросили на этот пустынный берег на растерзание злым зверям.

— Не отчаивайся, бабушка,— сказал Овез.— Пойдем ко мне. Будешь моей жене помогать по хозяйству, а то ей скучно одной.

Пожила старуха несколько дней и стала как своя. Овез уходил охотиться, а она ни на шаг не отставала от молодой хозяйки.

— А знаешь, милая,— сказала она как-то ей,— мне сдается, что Овез тебе не доверяет.

— Что ты, бабушка, он меня любит. А когда любят, то и верят.

— Нет, нет, не говори так,— продолжала старуха.— Ходит он на охоту с дорогим кольцом на руке. Ведь может так случиться, что вдруг он его оброчит. И нет ценной вещи. А ведь чего бы лучше — оставь его дома, он и целей будет.

До самого вечера думала молодая женщина над словами старухи. И чем больше она вдумывалась в них, тем больше росла уверенность, что, действительно, Овез ее не любит. Пришел Овез — она к нему. Ластится, смотрит ему в глаза.

— Дай мне поносить твое кольцо.

— Пожалуйста,— снял Овез кольцо и надел на палец любимой супруги.— Только береги его.

Утром Овез пошел на охоту. Старуха увидела у хозяйки на руке кольцо и в ее голове тут же родилась мысль как его заполучить. Нагрев воды, она сказала.

— Вот горячая вода, возьми и искупайся. Молодая гелин должна всегда содержать себя в чистоте, а то муж не будет любить.

Молодая хозяйка разделась, сняла кольцо, положила его

под подушку и вышла. Старуха только и ждала этого момента. Схватив талисман, она закричала:

— О волшебное кольцо, убей Овеза до смерти, его жену — до полусмерти, а меня доставь к падишаху.

Талисман сделал все так, как ему было приказано.

Получив обещанную награду от падишаха, старуха пошла домой.

В это время собака находилась вместе с Овезом на охоте. Увидев, что с хозяином случилась беда, — он внезапно упал и умер — собака побежала домой. Навстречу ей — кошка. Собака сообщила кошке, что Овез умер, и они стали думать, как же им отыскать кольцо.

Переправились они через реку и пошли к падишаху. Как не пыталась собака проникнуть во дворец — ей не удалось. Зато кошка туда прошмыгнула.

Падишах спал, стиснув зубы. Кошка обшарила все углы, но нигде не нашла кольцо.

Смотрит, по полу бежит мышка. Кошка ее цап-царап.

— Отпусти меня, кошка, — взмолилась мышка, — я тебе помогу.

— Чем ты мне можешь помочь? — спросила кошка.

— Ты ищешь кольцо, — сказала мышка, — а я знаю где оно.

— Говори.

— Во рту у падишаха, под языком.

— Спасибо тебе мышка. Но отпущу я тебя в том случае, если ты заставишь падишаха чихнуть.

Мышка подобралась к лицу падишаха, сунула ему в нос свой хвостик.

— А-а-пчхи! — чихнул падишах, и кольцо выпало изо рта. Кошка подхватила кольцо и мигом выскочила на улицу, где ее ждала собака.

Достигли они реки. Собака и говорит:

— Друг-кошка, давай кольцо мне, а то ты можешь его уронить в воду и оно пропадет.

Как не доказывала кошка, что она сбережет кольцо, собака все-таки отняла его у кошки, и они поплыли. Почти у самого берега собака захотела пить. Стала она лакать воду. Кольцо выскочило у нее изо рта и утонуло.

Долго кошка ругала собаку, а потом села на берегу и заплакала.

Вдруг, у самого берега плеснула хвостиком рыба. Вспомнив, что они давно не ели, кошка схватила ее. И, о чудо, какого не бывает и в сказках: кольцо оказалось в животе рыбы. Схватила его кошка, и они вместе с собакой побежали домой.

Взяла хозяйка кольцо у кошки и сказала: _____

— Я хочу, чтобы Овез и я были живы и здоровы!

В дверь заходит Овез.

Со слезами радости встретила его жена. Она рассказала ему, что наделала старуха.

— Спасибо кошке с собакой,— закончила она свой рассказ.— Не будь их — не было бы и нас.

— Недаром говорится,— сказал Овез,— «надежно то, что заработано своим трудом...» А теперь, мое кольцо, уничтожь падишаха со всеми его визирями и векилями, уничтожь алчную старуху, а моих родителей со всем их имуществом доставь сюда.

Кольцо выполнило приказание Овеза. Супруги устроили большой той. На нем было много людей. Друзья радовались, а враги — злились.

БЕДНЯК И ЖАДНЫЙ ИШАН

В одном селении жил бедняк. Соседом его был ишан. Тот жил в довольстве, потому что люди делали ему богатые подношения, а у бедняка, кроме тесной кибитки да одного осла, ничего больше не было: ни кур, ни собаки, ни кошки.

Бедняк каждый день ходил в пески за черкезом и на своем единственном осле отвозил его на базар.

Жена бедняка была искусной ковровщицей, баи охотно нанимали ее ткать ковры, а малолетняя дочь бедняка нянчила байских детей.

Так и жили они, перебиваясь лепешками да чаем.

Однажды бедняк, взяв, по обыкновению, лопату и веревку, поехал в пески за черкезом.

Едва он собрал первую вязанку черкеза, как у него вдруг разболелся живот. Бедняк прилег под тенью высокого куста и незаметно уснул.

Во сне ему почудилось, что кто-то поджег собранную им вязанку черкеза. Он с криком вскочил и огляделся. Вязанка лежала нетронутой на том самом месте, где он ее оставил.

Протерев глаза, бедняк посмотрел на солнце,— до заката оставалось совсем мало времени. Он хотел уже снова приняться за работу, как вдруг увидел на песке какой-то камень, который сверкал, будто упавший луч солнца.

Бедняк поднял камень,— и на ладони у него оказался слиток золота, величиной с кулак.

Бедняк так обрадовался находке, что лишился чувств. Когда он пришел в себя, наступил уже вечер. Слиток золота по-прежнему был у него в руке.

Бедняк решил заночевать в песках: развел костер, привязал подле себя осла и уснул. Утром он не поехал на базар, а направился прямо домой.

Разгрузив во дворе осла, он позвал жену, которая ткала ковер у дверей байской кибитки. Когда она пришла, бедняк сказал:

— Жена, пеки лепешки и заваривай чай, да покрепче! Сегодня у нас праздник!

Жена замесила тесто, напекла лепешек, заварила крепкий чай и поставила все перед мужем.

Муж ел лепешки, пил чай и все посмеивался, а жена смотрела на него и не могла понять, чему он радуется. Наконец, она спросила:

— Чему радуешься, отец? У тебя такой вид, будто бог дойную козу нам послал.

— Эх, жена,— сказал бедняк,— ты обрадуешься куда больше, когда увидишь то, что я нашел в песках.

— Что же ты нашел?— недоверчиво спросила жена.— Уж не подкову ли с копыта нашего осла?

— Нет, жена, не угадала,— ответил бедняк.— Я нашел золото.

— Не говори пустого, отец,— сказала жена.— Для таких бедняков, как мы, золото не валяется на дороге. Бог-то ведь знает, кого надо одаривать золотом.

Муж вынул из-за пазухи золотой слиток и протянул его жене.

В это время отворилась дверь и в кибитку вошел ишан.

— Сосед,— сказал он,— ты давно не делал мне никакого подношения. Сегодня, я смотрю, вязанки черкеза сложены у тебя во дворе. Вот я и решил: «Наверно, эти вязанки сосед мне привез,— дай, думаю, зайду и спрошу».

Жена поспешно спрятала золотой слиток, а бедняк усадил ишана на почетное место и сказал:

— От твоих глаз ничто не укроется: ты не только увидел во дворе вязанки черкеза, но заглянул в сердце мое и узнал мое намерение.

Потом он приказал жене подать гостю чай.

Ишан, принимая чашку с чаем из рук бедняка, спросил его жену:

— Что у тебя было в руках, когда я вошел в кибитку?

— Ничего не было,— поспешил ответить за нее бедняк.

— Я пока не ослеп,— сказал ишан,— и еще могу отличить золото от навоза.

— Тогда смотри,— в сердцах сказал бедняк и, взяв золотой слиток, швырнул ишану.

У ишана при виде золота задрожали руки.

— Эге,— сказал он,— это настоящее золото! Где же ты нашел его?

Бедняк начал рассказывать:

— Пошел я в пески собирать черкез. Вдруг у меня заболел живот. Я лег в тени куста, уснул и увидел сон.

— Что же ты увидел?— с нетерпением спросил ишан.

— Будто мою вязанку черкеза кто-то поджег. Проснулся я, вскочил и вижу — все на месте. А солнце уже близко к закату. Думаю, вечер скоро наступит, а я работу еще не закончил. Тут, откуда ни возьмись, ветерок поднялся...

— Я у тебя спрашиваю, как ты золото нашел?— сердито перебил бедняка ишан.

Бедняку не хотелось рассказывать про свою находку, но все же пришлось.

Выслушав рассказ, ишан сказал:

— Вот будет достойное подношение ишану! Отколупни от слитка кусочек золота и подари мне, а вязанки черкеза можешь оставить на своем дворе.

— Если тебе что-нибудь нужно от меня,— сказал бедняк,— ты всегда меня дома застанешь. А если мне что-нибудь понадобится, то ишана никогда дома нет.

Но ишан не слушал его. Он сам отколупнул от слитка кусочек золота и на прощанье сказал:

— Пусть бог пошлет тебе, счастливцу, много сыновей, а каждому сыну — невесту, красивую, как пери. Молитвенно воздев руки, он огладил свою бороду.

Бедняк посмотрел на него и сказал:

— У ишана стыда нет, потому он и обирает живого и мертвого.

— Да пошлет бог изобилие вашему дому!— уже за дверью сказал ишан, притворяясь, что он не слышит слов бедняка.

Придя к себе во двор, ишан схватил веревку и лопату, сел на осла и поехал в пески собирать черкез.

Приехав туда, он попробовал было поработать, но так как никогда в жизни не работал, то очень быстро устал.

— Ой, живот болит!— притворно застонал ишан и лег в тень куста. Положив под голову чалму, он закрыл глаза и вдруг почувствовал, что к нему под рубаху ползет змея.

«Должно быть, это мне снится!»— подумал ишан.

Змея свернулась в клубок у него на животе.

Ишан приподнялся и сердито спросил:

— Ты зачем на мой живот заползла?

— А ты почему врешь, что живот болит?— ответила змея.

— Ты знаешь, змея,— сказал ишан,— вчера тут один бедняк уснул и сон увидел, а потом золото нашел.

— Так то был бедняк,— ответила змея,— и у него действительно живот с голоду разболелся. А ты хоть и живешь в довольстве, но глаза твои все не сыты. Если не уберешься отсюда, я ужалю тебя.

Ишан вернулся домой, будто в рот яду набрал.

— Что с тобой случилось?— участливо спросила его жена.

— Жена не должна задавать мужу вопросов!— прикрикнул ишан и принялся избивать ее палкой.

На крик прибежала жена бедняка и стала умолять ишана:

— Пощади жену! Ведь ты и осла своего так не избиваешь!

— Прочь отсюда!— заорал на нее ишан.— Чтоб глаза мои тебя не видели! Вот еще, женщина пришла учить ишана! Должно быть, конец света близок!

Тут выползла та самая змея, которая прогнала ишана с песков, и ужалила его.

Ишан охнул и умер.

БЯХЛИЛИ ДАНА

ил-был один человек по имени Бяхлили. В знак особого к нему уважения все его называли не просто Бяхлили, а Бяхлили Данá, что значит ученый, мудрый. Как-то его встретил на базаре один из богатейших купцов и спросил:

— Эй, Бяхлили Данá, что мне в этом году выгодно купить для продажи?

— Чеснок и железо,— ответил мудрец.

Купец поступил как ему посоветовали и получил невиданную прибыль. Удачный торг прибавил купцу не только много денег, но и возвысил его в собственных глазах.

Встретились они снова на базаре.

— Эй, Бяхлили Диванá (т. е. безумец),— крикнул купец, когда мудрец проходил мимо него.— Что в этом году принесет мне прибыль?

— Халва и лук,— ответил тот, не останавливаясь.

Купец все свои деньги вложил в халву и лук. Как он ни старался, но никто не купил у него этих товаров. Наступила весна. Халва растаяла, лук пророс, а купец—разорился.

Похудевший, угрюмый шел он по базару, а навстречу ему мудрец.

Спрашивает он:

— Скажи мне, почему в прошлый раз ты дал мне совет, от которого я разбогател, а в этом году — разорился.

— Тогда ты называл меня Бяхлили Данá,— ответил мудрец,— и я ответил тебе, как человек знающий. В этот раз, ты называл меня Бяхлили Диванá, и я ответил тебе как безумный. Вيني себя.

КЕРЕМ

В далекие времена жил бедняк. Было у него семь дочерей и сын Керем. Мальчик был еще маленьким, когда дэвы похитили и взяли себе в жены его сестер. Родители очень переживали потерю детей и большую часть дней плакали.

Вырос Керем. Взяв у отца коня, острую саблю, он отправился на поиски сестер.

— Дорогой сынок,— просили его родители,— не ходи. Убьют тебя дэвы.

Не послушался Керем ни матери, ни отца.

Он объехал все степи, облазил все горы, и, наконец, приехал в большой город. Зашел в первую попавшуюся кибитку и видит: сидят старушка с девушкой и плачут.

— Отчего вы плачете?— спросил их Керем.

— Как же нам не лить горьких слез,— сказала старушка,— если у нас падишах такой кровопийца. Каждый день он требует от народа одну девушку, а наутро ее казнит. Сегодня пришел черед идти к нему моей дочери.

От гнева, который обуял Керема при этом известии, глаза его налились кровью, волосы поднялись дыбом. В это время к кибитке подъехали три всадника и потребовали девушку. Керем двоих убил, а третьему вручил письмо для падишаха. В нем он написал: «Безжалостный злодей, я пришел, чтобы уничтожить всех твоих воинов, а тебя казнить! Керем».

Прочитал письмо падишах и приказал своим палачам: «Пойдите и убейте этого наглеца Керема!»

Вмешался визирь.

— О мой падишах,— сказал он,— этого храброго юношу не так легко убить. Если бы у него не было веры в свои силы, он не написал бы такое письмо. Надо сначала пригласить его сюда, посмотреть, что он за человек, а уж потом можно и убить.

— Я согласен с тобой, визирь,— сказал падишах.— Пойдите и позовите его ко мне.

— Что ж,— сказал Керем, выслушав приглашение,— говорят: «не отказывайся, если зовут, и не показывайся, если не просят».

Быстро собравшись, он вскочил на коня и поехал во дворец.
— Ты храбрый юноша,— сказал падишах, когда Керем предстал пред ним.— Не побоялся ни меня, ни моего гнева.

— О падишах, разве трус может написать такое письмо?

— Чего ж ты хочешь от меня?— спросил падишах.

— Очень немного,— сказал Керем.— Я хочу, чтобы прекратились притеснения народа.

Услышав смелую речь, падишах и визирь от удивления стали кусать себе пальцы.

— Хорошо,— сказал падишах,— мы даем слово, что этого больше не будет. А в награду за смелость и храбрость отдаем тебе в жены ту девушку, защищая которую ты убил двух моих лучших нукеров.

Керем поблагодарил падишаха за его царский подарок и вернулся в кибитку к нареченной супруге.

Немного пожил Керем с молодой женой и снова его позвала дорога. Долго ли, коротко ли ехал он, наконец, встал на его пути большой город. Вошел Керем в первую кибитку и видит: сидят бедные люди в темноте.

— Почему вы не зажигаете свет?— спросил Керем.

— Мы боимся,— ответил хозяин кибитки.

— Что вас так пугает?— стал допытываться Керем.

— Вон там,— показал хозяин рукой на огромную гору, возвышающуюся невдалеке,— живет аждарха. Когда кто-нибудь зажжет свет— аждарха тут же появляется и пожирает его.

Как его ни отговаривали, он настоял на своем: ведь гость

— Ну-ка, давайте попробуем!— сказал Керем.
старше хозяина. Едва затеплился огонек, послышался страшный шум. Детишки заплакали, хозяин побледнел от страха. Керем с саблей наголо выскочил на улицу и, когда аждарха приблизился, изрубил его на куски.

Наутро слух о бесстрашном юноше разошелся по всему городу, и люди, провожая Керема, от всей души желали ему доброго пути.

Позади остались степи и горы, когда Керем достиг места, где жили семь братьев дэвов, а их женами были сестры Керема. Дэвы были на охоте, когда Керем появился у их дворца. Сестры несказанно обрадовались встрече с любимым братом. А когда вспомнили, что вот-вот должны возвратиться их мужья, забеспокоились.

— Милый братец,— стали они уговаривать Керема,— пока не поздно скачи домой.

— Не за этим я сюда ехал,— сказал Керем,— чтобы при первой опасности бежать домой. Вы лучше скажите мне, где ваши дэвы прячут свои души.

— Душа моего мужа,— сказала сестра,— у тигра. Этот тигр за сорока запертыми дверьми. Души остальных дэвов — в бутылке, которая находится в золотом сундуке.

Керем открыл сундук и разбил бутылку. Шесть дэвов сразу же испустили дух.

Вдруг налетел вихрь, подхватил Керема, бросил его вверх — вниз. Еще и еще раз: вверх — вниз. Керем успел схватиться за какую-то корягу и остался на земле.

— Зачем ты появился тут, человек?— крикнул дэв, появившись перед Керемом.

— Чтобы тебя убить,— ответил Керем и в одно мгновение отрубил дэву голову.

Затем Керем ударил по одной, по другой двери, по третьей. И так добрался до тигра. Первым же ударом он снес ему голову. Потом Керем забрал сестер и отправился с ними в обратный путь.

Долго ли, коротко ли ехали они, наконец, приехали в город, где Керем убил аждарха. Люди помнили храброго джигита и просили, чтобы он пожил у них немного. Но Керем торопился к жене и родителям. Поэтому, немного отдохнув, они снова пустились в путь. Вскоре Керем на радость друзьям встретил жену, а потом и родителей.

КАРАМЕРГЕН

авным-давно жил охотник по имени Карамерген. У него не было семьи и все свое время он проводил в скитаниях по горам и степям. Как-то, охотясь в горах, он увидел двух змей, сплетенных в клубок: черную и белую. Карамерген выстрелил, но не убил их, а только ранил, и они уползли. Возвращаясь домой, Карамерген думал: «А-зачем я вообще-то стрелял в них? Змеи меня не трогали, и мне они без надобности». И, когда он вошел в свою кибитку, окончательно осудил себя за необдуман- ный выстрел.

В это время белая змея приползла к своему отцу — падишаху змей и пожаловалась:

— Я гуляла в горах, и Карамерген выстрелил в меня. Падишах приказал лётучим змеям немедленно доставить к нему Карамергена. Только змеи подлетели к его кибитке, видят, и он выходит. Подхватили они его и вмиг доставили к своему властелину.

— Не стрелял ли ты в белую змею, когда был на охоте?— спросил падишах.

— Да, однажды такой случай был,— признался Карамерген.

— Расскажи, как это было?

— Иду я и вижу лежат, свернувшись в клубок, две змеи: белая и черная. Мне это показалось очень странным, и я выстрелил. Убить их я не убил, но, кажется, ранил. Я их не нашел — они уползли.

— А узнаешь ли ты их?— спросил падишах.

— Думается, узнаю.

Три дня перед Карамергеном проползали одна за другой все змеи, на четвертый — он указал на белую и черную, в которых он стрелял.

За то, что дочь пошла гулять не одна и без разрешения, падишах умертвил обеих змей, а Карамергену дал в подарок кольцо и сказал:

— С этим кольцом ты будешь понимать язык всех животных и растений. Только никому не рассказывай о том, что ты услышишь.

Однажды Карамерген сидел у бая, пил чай. В это время к нему подбежала собака и залаяла. Карамерген встал, дал ей кусок чурека. Окружающие удивились.

— Что ты делаешь?— спросили они.

— Собака сказала, что она голодна,— ответил Карамерген.

Карамерген не выполнил условия, поставленного падишахом змей, и лишился дара понимать язык животных и растений. Думал он, думал, что делать, и снова пошел к падишаху змей.

— Я по забывчивости сказал то, от чего ты предостерегал меня,— сказал Карамерген.— Нельзя ли как-нибудь поправить это дело?

Падишах надел ему на голову тельпек, дал ему сорок верблюдов и сказал:

— Иди к развалинам старой крепости и убей там этих верблюдов. Когда ты это сделаешь, спрячься и жди: прилетят вороны и начнут кружить над их тушами. Когда они утолят свой голод, ты кое-что узнаешь от них.

Карамерген сделал все, как ему велел падишах змей, а сам спрятался. Слетелись вороны и начался у них пир горой. Одна старая ворона, насытившись, сказала:

— Раньше эта земля принадлежала падишаху Аждару. Ког-

да у него был свадебный той, я наелась так же, как сейчас. Но это было так давно — прошло, наверно, лет девятьсот!.. У падишаха было очень много золота. Он закопал его под бугром, на котором я сижу.

Когда вороны улетели, Карамерген раскопал клад. После этого он обзавелся семьей и стал жить-поживать, добра наживать.

СЫН ЧАБАНА

В далекие времена жил-был на свете чабан. Много лет пас он байских овец, а деньги, что получал за работу, копил — хотел купить себе жену. Когда, наконец, у него собралась достаточная сумма, чабан женился и зажил своей семьей.

Через год жена родила ему сына. Мальчик рос, доставляя большую радость родителям. Но вот ему исполнилось четыре года, и в кибитку чабана пришло горе: сначала умер он сам, а потом и его жена.

Бедного сиротку взяли к себе дальние родственники отца. Были они небогаты, да к тому же скупы. Сыну пришлось немало пережить. О нем вспоминали

только тогда, когда он уже начинал умирать от голода. Тогда ему давали кусок черствого чурека и считали, что и этого ему много.

Получив хлеб, мальчик шел к речке, окунал его в воду и ждал, когда он намокнет и станет хоть немного мягче. Помаленьку отщипывая чурек, он утолял свой голод. Как ни старался он есть, чтобы не терять крошек, у него не получалось. То одна, то другая крошка из ладошки падала в воду и тут же ее подхватывала маленькая рыбка.

И так продолжалось много лет. За это время мальчик вырос, выросла и рыбка. Он стал крепким, здоровым парнем, а рыбка — крупным сомом. И такая дружба завязалась между ними. Бывало мальчик подойдет к реке, а сом уже тут как тут: плещется у самого берега.

Как-то чабанский сын пошел на ярмарку. Идет и вдруг слышит, один богатый хозяин, протискиваясь сквозь толпу, кричит: «Каждый, кто захочет, может наняться ко мне в работники. Сорок дней кормлю — один день заставляю работать!»

«А что, если мне пойти к нему», — подумал сын чабана и, подойдя к баю, сказал: — Возьмите меня!

Бай оглядел парня со всех сторон, остался доволен им и взял его к себе.

Сорок дней, как обещал, бай кормил сына чабана самой лучшей пищей, а на сорок первый — приказал заарканить самого жирного быка. Сам он сел на первого из шести верблюдов, а работнику сказал, чтобы он следом вел быка.

Долго ли, коротко ли шел караван, неведомо. Остановился он в степи недалеко от горы Келезав.

— Сынок, — сказал бай, — убей быка и сдери с него шкуру чулком.

Сын чабана сделал все как велел хозяин.

— А теперь залезь в шкуру и хорошенько посмотри — не прорезал ли ты ее, случаем, — снова сказал бай.

Залез сын чабана в шкуру — бай тут же, не мешкая, завязал конец шкуры веревкой, на которой вели быка. А сам отвел верблюдов под самую гору Келезав и стал ждать.

На труп быка налетели хищные птицы и вскоре от него остались только кости. Потом они подхватили шкуру и вместе с сыном чабана подняли ее на вершину Келезава и стали раздирать ее на части.

Как только в шкуре образовалась достаточная дыра, сын чабана криком разогнал птиц и вышел на свободу. Осмотрелся, видит: стоит он на самой вершине высоченной горы. С одной ее стороны степь без конца и края, с другой — бурная река. Стены отвесные и нет пути, по которому можно было бы спуститься. Посмотрел сын чабана пристальнее: стоит караван из шести верблюдов, а впереди — его хозяин.

— Эй, отец, — крикнул ему сын чабана, — что ты со мной сделал? В чем я провинился? Как я теперь спущусь на землю?

— Не теряй зря времени, — донеслось снизу, — сбрасывай камни, что у тебя под ногами, а я буду нагружать верблюдов. Как только заполню все чувалы, скажу, где тебе спуститься.

Не жалея сил, сын чабана сбрасывал камень за камнем, обломок за обломком — они состояли из золота и серебра, — а бай грузил. Когда все чувалы были заполнены, бай сел на переднего верблюда, и караван тронулся в обратный путь.

— Эй-гей, бай-ага! — крикнул сын чабана. — Ты обещал сказать как мне сойти вниз, а сам забыл, уезжаешь.

— Что ты там видишь, кроме камней? — донеслось в ответ.

— Какие-то кости!

— Это кости таких же людей, как и ты. Кто попадает на эту гору — не возвращается. Прощай!.. — и караван стал удаляться.

Посмотрел сын чабана вслед жестокому человеку и стал думать, как же выйти из этого положения. Еще и еще раз

огляделся он вокруг, но снова не нашел выхода. В отчаянии он решил: «Чем ждать, когда меня, обессиленного, станут терзать на части хищные птицы — лучше я достанусь рыбам».

Решив так, он бросился в реку... Когда он подлетал к воде, его заметил друг сом. Не успел сын чабана коснуться воды, как был уже на берегу.

Полный благодарности, сын чабана вскочил в надежде увидеть своего спасителя и поблагодарить его, но того и след простыл.

Долго ли, коротко ли шел сын чабана домой, наконец, пришел. Как-то он снова услышал, что будет ярмарка.

«А что если пойти,— подумал он,— может, подвернется какое-нибудь дело».

Пришел и видит: из конца в конец базарной площади ходит знакомый ему бай и во всеуслышанье предлагает: «Каждый, кто хочет, может наняться ко мне в работники. Сорок дней кормлю — один день заставляю работать!»

«Он меня наверняка не узнает,— подумал сын чабана.— Попробую снова наняться».

Так и есть — бай даже не заподозрил в ладном юноше своего бывшего работника и взял его.

Прошло сорок дней. На сорок первый — бай снова снарядил караван и повел его к горе Келезав. Когда сын чабана убил быка и снял с него шкуру, бай посоветовал ему залезть в нее и проверить цела ли она, и не испортил ли он ее по ошибке. Работник сказал:

— Ой, бай-ага, я не знаю как в нее залезть. Покажите!..

Сколько бай не заставлял его, работник стоял на своем: «Покажите!»... Бай разозлился.

— Да вот так надо залезть, глупый ты человек! — крикнул он и полез в шкуру быка.

Как только голова бая скрылась в шкуре, сын чабана встряхнул кожаный мешок и плотно завязал его веревкой, на которой вел быка. Сколько ни просил его бай, как ни угрожал, он и слушать не стал. Взяв под уздцы верблюда, что шел во главе каравана, сын чабана отвел весь караван в сторонку и остановился в ожидании.

Хищные птицы, как и в прошлый раз, налетели и мигом разделались с бычьей тушей. Потом они подхватили шкуру с завязанным в ней баем, подняли ее на вершину Келезава и стали разрывать на части. Как только образовалась достаточная дыра, бай вылез из бычьей шкуры. Оглядевшись вокруг себя, он увидел множество костей загубленных им людей и подумал: «Кажется, осуществляется пословица: не поджигай — сам сгоришь, не рой яму — сам в нее упадешь».

— Эй, сынок, что ты со мной сделал!— крикнул он сыну чабана.— Чем я перед тобой провинился. Как я теперь спущусь на землю?

— Бай-ага, не теряй зря времени,— донеслось снизу,— сбрасывай камни, что у тебя под ногами, а я буду нагружать верблюдов. Как только заполню все чувалы, скажу, где тебе спуститься. Прошлый раз ты послал меня туда, и видишь я жив-здоров.

Бай узнал бывшего своего работника и в его душе шевельнулась надежда на спасение. Поэтому он, не мешкая, стал сбрасывать драгоценные камни вниз.

Когда караван был нагружен, сын чабана сел на переднего верблюда и двинулся в путь.

— Эй, сынок, ты обещал сказать как мне спуститься!— умоляюще закричал бай.

— Ах, да, я и забыл,— ответил сын чабана.— Но ведь даром я этого не могу сделать.

— Согласен заплатить сколько угодно,— сразу же ответил бай,— только спаси мне жизнь.

— Дай мне расписку, что ты передаешь мне все свое имущество.

Бай написал расписку, поставил на нее свою печатку, с которой никогда не расставался, и сбросил ее вниз. Сын чабана посмотрел: правильно ли все в ней написано, спрятал ее себе за пазуху и сказал:

— А теперь, прощай, бай-ага: сам вырыл яму, сам упал в нее, сам и выбирайся.

Вернувшись в аул, сын чабана предъявил расписку и стал владельцем байского хозяйства. Он был добрым хозяином.

СОВЕТЫ СТАРОГО ОТЦА

В далекие времена жил-был падишах. На весь мир он прославился своей жестокостью— всех стариков и старух он выгонял в степь, где их находила смерть. И это место с тех пор стало называться Долиной Смерти.

Состарился отец у одного из нукеров падишаха, и он, помня строгий приказ своего повелителя, взвалил отца на спину и понес в Долину Смерти. Шел он, шел и так устал, что вынужден был остановиться и, чтобы отдышаться, присел на бугорок. Разминая онемевшие плечи, он вдруг услышал смех отца. Сын нимало удивился.

— Ата! Я несу тебя в Долину Смерти, а ты смеешься. Почему?

— Сынок, я тоже когда-то нес своего отца в Долину Смерти и отдыхал на этом самом месте. Говорят: «не смейся над бедой соседа, она и с тобой может случиться». Как видишь, меня постигла такая же участь. Вот поэтому-то я и смеюсь.

— Что ж получается, отец,— с тревогой сказал сын,— значит, и меня в старости ждет Долина Смерти?

— А как же, сынок! Как только ты состаришься, твой сын взвалит тебя на спину и понесет. А на этом самом бугорке будет отдыхать.

— О ата-джан, тогда я дальше не понесу тебя. Лучше вернемся домой...

Боясь падишаха, сын поместил отца в сундук, под замок, и никому не показывал. Когда людей не было вокруг, он открывал сундук, кормил, поил и всячески развлекал отца. Но стоило приблизиться посторонним, он снова прятал его.

Как-то падишах собрал своих приближенных и объявил:

— Скоро мы поедем к источнику Авыземзем, чтобы напиться живой воды. Будьте все наготове.

Вернувшись домой, нукер выпустил из сундука своего отца и сообщил ему новость, которую услышал от падишаха.

— О сынок,— сказал отец,— источник Авыземзем не так легко найти. Но если ты послушаешься моего совета, то я научу тебя кое-чему полезному.

— Я заберу тебя, отец, с собой. Там нам веселее будет.

— Ладно,— согласился отец.— Кроме того, ты захвати с собой рыбу, быка и арбузных семечек.

Взвалив на верблюда сундук, в котором прятался отец, нукер занял подобающее в свите падишаха место, и караван тотчас тронулся в дальний путь.

Долго ли, коротко ли ехали они, отец и говорит:

— Скоро, сынок, начнется безводная пустыня. Когда у вас кончится вода, ты отпусти с привязи быка и иди за ним след в след. Там, где он остановится и станет бодать землю, копай — там будет вода. Вы все напьетесь и утолите жажду.

Осматривая караван, падишах заметил, что один из нукеров ведет на поводу быка. Его это удивило, и он спросил:

— Для чего тебе понадобился бык?

— О мой падишах,— сказал нукер,— путь у нас долог: вдруг кончится пища, он и пригодится.

Падишах тронул коня и поехал дальше.

Долго ли, коротко ли ехали они, наконец, достигли пустыни. Нестерпимая жара, тяжелый путь и безводье изнурили людей. Они едва не умирали от жажды. Нукер отпустил своего быка

и повел людей за ним следом. Бык шел, шел и остановился. Принюхался и начал бодать землю. Все, в ком еще сохранились силы, взялись за лопаты и стали рыть. Прокопав совсем немного,— все увидели, как из-под земли забил родник.

Падишаха этот случай удивил своим волшебством.

Путешественники вдоволь напились, отдохнули, пополнили запасы воды и снова двинулись в путь. А отец и говорит сыну:

— Сынок, в эту воду брось все семена, что ты захватил с собой. К тому времени как мы возвратимся, тут вырастут и созреют большие сочные арбузы.

Сын сделал все, как советовал отец, и пустился догонять ушедший караван. Падишах снова заметил странное поведение своего нукера и нимало удивился.

Долго ли, коротко ли продолжался путь, наконец, отец говорит своему сыну-нукеру:

— Сынок, не забыл ли ты взять с собой рыбу?

— Как же, отец, я мог тебя ослушаться. Конечно, взял.

— Ну так вот: скоро мы достигнем места, где вытекает сорок источников. Один из них — Авыземзем. Пока люди будут искать его, ты вынь рыбу и окунай ее в каждый источник. Как только она попадет в воду Авыземзема — сразу оживет и, выскользнув из руки, уплывет. Тогда ты, не мешкая, ложись и пей из этого источника, потом наполни свои куйзе.

Когда на пути встретились сорок источников, нукер слез с коня и, как ему советовал отец, стал окунять рыбу в один источник за другим. Вдруг в одном из них рыба выскользнула из руки и уплыла. Он прильнул к источнику и с жадностью утолил свою жажду. Потом наполнил все глиняные кувшины — куйзе, которые захватил с собой.

Падишах заметил и этот случай.

Отдохнув, путешественники отправились в обратный путь. Когда они достигли того места, где нукер с помощью своего быка нашел родник, то увидели там много крупных, зрелых арбузов. Люди с большим удовольствием поели сколько могли, а остальные арбузы взяли с собой в дорогу.

Этот случай тоже не остался незамеченным падишахом.

Так, миновав все препятствия, падишахский караван благополучно вернулся домой.

Поведение нукера во время пути очень заинтересовало падишаха, и он, не откладывая, пригласил его к себе, попросив объяснить свои действия.

— О великий падишах, я отвечу тебе, если ты обещаешь не проливать моей крови,— сказал нукер.

— Мы обещаем! — торжественно произнес падишах, весь обратившись в слух.

— У меня,— начал нукер,— состарился отец. Когда я, по вашему приказу, нес его в Долину Смерти, то устал и в одном месте присел отдохнуть. Тогда отец рассмеяся и рассказал, что и он, когда нес своего отца, тоже отдыхал на этом месте. Мне стало жаль своего отца, и я его принес домой и держал в тайне. Когда я ему сообщил, что наш падишах собирается посетить источник Авыземзем, он посоветовал, что мне взять с собой и когда что делать. Поэтому все мои действия были подсказаны моим отцом. Не будь его — мы не миновали бы пустыни и все погибли бы от жажды. А раз так, то не видеть бы нам и самого источника Авыземзем.

На лице падишаха впервые появилось удивление, и он тут же издал фирман, которым запретил на веки вечные относить старых людей в Долину Смерти.

Сорок дней и ночей шел большой той в честь сына, который не побоялся смерти от падишахского палача — спас отца, а по его совету и многих людей.

ВЫКУП ДОЧЕРИ ПАДИШАХА

В давние времена жил один падишах. У этого падишаха был единственный сын, который страдал двумя пороками: нетерпеливостью и себялюбием.

Однажды царевич сидел с придворными и слушал их рассказы о пережитом, виденном и слышанном.

Один из придворных, желая развлечь царевича, сказал:

— Я расскажу о том, что мне самому довелось видеть.

И он начал:

— Год назад ездил я по одному делу в столицу нашего соседа — могущественного падишаха. По дороге напали на меня разбойники, отобрали коня, верблюдов, все деньги и одежду. Я дошел пешком до столицы могущественного падишаха и, прежде чем войти в городские ворота, присел передохнуть под деревом возле стены какого-то сада. Из сада доносились звуки музыки. Они были так приятны, что мне захотелось наслаждаться ими. Я забрался на дерево и укрылся в его густой листве. Звуки стали приближаться. Я увидел девушек, идущих по широкой дороге, обсаженной с обеих сторон розовыми кустами. Девушки были одна краше другой. Одежда их стоила дани всего мира. Щеки у них были алы,

будто облиты соком граната, а кожа прозрачна, как виноградный сок. Они шли так легко, словно едва касались ногами земли. Вслед за ними появился роскошный паланкин. Его несли такие же красивые, одетые в шелка, девушки. Ветерок приоткрыл занавеску, и я увидел такую красавицу, что не ешь, не пей, а только любуйся на нее. Если сказать, что она была похожа на месяц, так у нее губы есть, а если сказать, что похожа на солнце, так у нее глаза есть. В городе я стал расспрашивать, кто эта красавица, и мне сказали, что она — единственная дочь падишаха. Вот какая девушка, — закончил свой рассказ придворный, — была бы достойной для тебя невестой.

Царевич, выслушав этот рассказ, сразу влюбился. Мысленно он привязался к девушке всем сердцем и от любви начал чахнуть.

Визирь заметил, что царевич очень страдает.

— Какая печаль у тебя на сердце? — спросил он его. — Открой свою тайну! Отец тебя так любит, что исполнит любое твоё желание.

Царевич ответил:

— Мне рассказали, что в соседнем царстве у могущественного падишаха есть красавица дочь. Я влюбился в нее и потерял покой. Если отец пошлет к тому падишаху сватов и женит меня на его дочери, то я успокоюсь и поправлюсь.

Услышав признание царевича, визирь сказал:

— Я пойду к твоему отцу и все улажу. Твоему горю совсем нетрудно помочь.

И визирь направился в покои падишаха.

— Не время теперь заниматься делами, — сказал падишах визирю. — Я уже вечернюю молитву прочел.

— Милостивый падишах, — ответил визирь, — не о делах будет разговор. Выслушай о горе своего сына.

— Ладно, говори, — позволил падишах.

И визирь начал:

— Наш царевич влюбился в дочь соседнего падишаха и хочет жениться на ней. «А если, — говорит, — отец не согласится послать сватов, то в скором времени ему придется оплакивать смерть сына».

Падишах забеспокоился.

— Правду говоришь, визирь, — сказал он, вздыхая, — царевича давно пора женить. Только сосед наш, падишах, не захочет, наверное, породниться со мной.

— Милостивый падишах, — сказал визирь, — попробуем послать сватов и посмотрим, что из этого выйдет.

Падишах долго думал и, наконец, сказал:

— Пусть будет по-твоему, визирь. Поезжай сватом!

Падишах написал ласковое письмо и вручил его визирю. Визирь, собрав со своего царства самых почтенных старцев и самых образованных мулл, поехал сватать красавицу.

Долго ли ехали они, коротко ли, но, наконец, приехали в столицу могущественного падишаха и пришли к нему во дворец. Сказав приветствие, они молча встали перед троном, сложили руки и стали дожидаться, когда падишах задаст им вопрос. Падишах тем временем оглядывал сватов и сравнивал у кого борода длиннее. Наконец, он обратился к самому длиннородому. Это был визирь.

— Какую новость принес? — спросил падишах.

— Мы послы-сваты, — ответил визирь. — У вас есть дочь, у нашего падишаха — сын.

Сказав это, визирь подал падишаху письмо своего повелителя.

Падишах почесал затылок и подумал:

«Если я их просто прогоню, падишах-сосед обидится на меня и, чего доброго, пойдет на меня войной. Пожалуй, будет лучше, если я назначу такой выкуп, что он сам откажется от сватовства».

— Хорошую новость принес, — сказал он свату. — Дочь моя пока невеста подходящая. Только выкуп за нее тяжел. Но ваш падишах богат — поднимет.

— О великий падишах, — ответил визирь. — Как бы ни был тяжел выкуп, у нашего падишаха казна тяжелей. Назначай цену. Он на всё будет согласен.

— Пусть он пришлет мне тысячу верблюжьих вьюков золота и тысячу верблюжьих вьюков серебра.

— Хорошо, — сказал визирь, — ответ мы передадим нашему падишаху. А вы пока приготовьте помещение для выкупа.

Вернулись послы-сваты домой, и визирь тотчас передал падишаху все, как было.

Падишах опечалился и сказал:

— Разве я не говорил тебе, что он не согласится отдать дочь за моего сына? Где мы возьмем столько денег?

Находившийся тут же царевич воскликнул:

— Отец, не губи меня! Согласись дать выкуп, иначе я умру от тоски, и ты будешь раскаиваться!

Падишаху стало жаль наследника и он приказал казначею сосчитать казну.

Когда казна была сосчитана, оказалось, что золота и серебра хватит только на половину выкупа.

Царевич стал упрашивать падишаха:

— Отец, продай свои земли, пастбища, сады и скот и — наберешь.

Падишах так любил сына, что решился распродать все свое имущество. Но и этого оказалось мало: не хватало еще трети выкупа.

Царевич упал отцу в ноги и со слезами стал умолять:
— Отец, разложи недостающие деньги на подданных: пусть они помогут мне жениться!

— Возлюбленный сын мой,— ответил падишах,— что можно с них взять? Они и так нищие.

— Отец, а ты взыщи деньги с тех, кто любит чихать, икать, вздыхать и каждый день пить чай и есть лепешки!

Падишах замахал руками.

— Что ты, что ты! Ведь народ прогонит меня. А если народ прогонит меня, то и тебе будет не сладко!

Вмешался визирь:

— Сын твой разумный совет дает. Потребуй у подданных, чтобы платили налог с каждой лепешки и с каждой чашки чая.

Падишах как ни противился,— согласился. Но опять на выкуп не хватало.

Тогда царевич стал требовать, чтобы отец отправил все собранное золото и серебро отцу невесты.

— Может, могущественный падишах примет выкуп, а недостающие деньги подождет! — говорит он отцу.

Отец согласился, и караван тронулся в путь. Его сопровождал главный визирь.

Падишах — отец невесты — не поверил глазам, когда увидел столько верблюжьих вьюков золота и серебра, присланных в уплату за его дочь. Он приказал пересчитать деньги, а затем встал и сам их взвесил на весах.

Когда мешки были сложены, падишах сказал визирю-свату:

— Очень хорошо, что твой падишах не скупится на выкуп за невесту. Однако о свадьбе будем договариваться только после того, как он пошлет остальные деньги.

Визирь вернулся домой и рассказал царевичу о жадности его будущего тестя.

Царевич решился на последнее средство. Собрав верных есаулов, он тайком покинул дворец, решившись ограбить купеческий караван. По дороге им встретился такой караван, и царевич приказал есаулам напасть на него.

Охрана оказалась сильной. Нападение есаулов было отбито, а сам царевич попал в плен. Его привели к караван-баши, очень богатому купцу. Караван-баши был умным человеком и сразу понял, что предводитель нападавших — не разбойник.

— Сынок,— обратился он к царевичу,— скажи правду: кто ты и почему решился на грабеж?

Царевич признался во всем.

Купец смекнул, что он получит пользу, если ссудит царевичу деньги, а не поведет его во дворец под конвоем, и сказал:

— Я тебе дам столько верблюжьих вьюков серебра, сколько тебе нужно. А взамен мне дашь твое покровительство в тех случаях, когда я буду обращаться к визирю или падишаху.

Царевич пообещал сделать все, что ни попросит купец, и тот дал ему столько денег, сколько нужно было для выкупа.

Царевич взял деньги и снова пустился в путь.

Приехав в столицу будущего тестя, он тотчас же пришел во дворец и сказал:

— Милостивый падишах, я привез тебе остальной выкуп. Считай и назначай свадьбу.

Падишаху понравился будущий зять, и он приказал оказывать ему всяческие почести.

Визирь повел царевича в сад, где гуляла дочь падишаха. Там для него раскинули царский шатер. Музыканты, песенники принялись развлекать жениха.

Царевича ничто не занимало. Он думал только о царевне и ему не терпелось взглянуть на нее.

Ночью царевич вышел из шатра и стал думать, как бы войти в покои царевны. Тут он увидел свет в высоком окне. Царевич подкрался, чуть раздвинул занавеску и заглянул в комнату. Он увидел ложе, которое девушки-прислужницы убирали шелками, бархатом и душистыми цветами. Когда все было приготовлено, пришла царевна. Увидев ее, царевич обомлел и едва не лишился чувств. Девушка была так красива, что пери в сравнении с ней показались бы уродами.

Царевич вскрикнул от счастья.

— Кто там подглядывает?! — испуганно вскрикнула царевна. — Схватить этого наглеца и ослепить.

Прислужницы выбежали из дворца, схватили царевича, избили его, а затем ослепили.

Узнав об этом, визирь прибежал к падишаху и доложил:

— Твоя дочь, за которую уплачен такой богатый выкуп, только что ослепила своего жениха!

— Неужели придется возвращать выкуп! — воскликнул в отчаянии могущественный падишах.

— Царевна не знала, что жениху не терпелось взглянуть на нее до свадьбы, — сказал визирь. — Но помочь ему теперь уже нельзя.

И слепого царевича отправили к его отцу.

Узнав о беде, постигшей единственного сына, старый падишах занемог. Созвали всех врачей царства, но никто из них не смог исцелить ни царевича, ни падишаха.

С каждым днем падишаху становилось все хуже, а вскоре он умер.

Визирь и придворные хотели посадить на трон слепого царевича, но народ пришел ко дворцу и закричал:

— Нам не нужен такой падишах! Он требует налога с каждой лепешки, которую мы съедаем.

ЩЕДРОСТЬ И ХВАСТОВСТВО

Давным-давно жил один падишах, который на весь мир хотел прославиться своей щедростью.

Нередко он спрашивал визиря:

— Найдется ли еще падишах, который был бы добрее и щедрее меня?

И визирь всякий раз отвечал:

— Справедливый властелин, твой народ говорит, что во всем мире нет нигде никого, кто был бы добрее и щедрее тебя.

Но падишаху захотелось самому услышать, что говорят в народе о его щедрости. И вот однажды ночью, переодевшись в простое платье, он вышел из дворца и стал бродить по улицам столицы.

Люди уже легли спать, на улицах было тихо, и даже собаки не лаяли. Проходя мимо чьих-то ворот, падишах услышал голоса и остановился.

Голоса доносились со двора. Разговаривали между собой три друга: одного звали Аман, второго — Шакурбан, а третьего — Ёламан.

— Я не поверю в доброту и щедрость падишаха, — говорил один, которого звали Аманом, — пока он сам не окажет мне благодеяние.

— А чего бы ты желал получить от падишаха? — спросил второй, по имени Шакурбан.

— Я желал бы, — ответил тот, — чтобы он подарил мне самую любимую из своих жен. Вот тогда я поверил бы в его доброту.

— Я тоже поверил бы в щедрость нашего падишаха, если бы он подарил мне переметную суму, наполненную золотом, и лучшего коня из своей конюшни вместе с серебряной сбруей! — сказал второй, по имени Шакурбан.

— Эх вы, глупцы, — сказал третий, по имени Ёламан. — Лучше в черной реке утонуться, чем обращаться к хвастуну.

Мой отец всегда говорил: «Нет лучше той лепешки, которая своим трудом заработана». Чужих богатств мне не нужно, а тем более не нужно сокровищ падишаха, политых слезами и кровью народа.

Услышав эти слова, падишах вернулся во дворец и приказал визирю привести трех друзей.

Когда Амана, Шакурбана и Ёламана привели во дворец, падишах приказал:

— Повторите то, что вы говорили про меня.

Друзья удивились, что падишах узнал об их желаниях, и каждый решил говорить только правду.

Первым начал Аман:

— Милостивый падишах, я говорил, что если ты по-настоящему щедр, то подаришь мне свою любимую жену.

— Милосердный падишах,— сказал Шакурбан,— я говорил, что если ты по-настоящему щедр, то подаришь мне переметную суму, наполненную золотом, и коня с серебряной сбруей.

— Ну, а что ты говорил?— спросил падишах у Ёламана.

Ёламан ответил:

— У падишаха всегда просят что-нибудь. Мне же ничего из твоих сокровищ не нужно, потому что я собственным трудом добуду себе пропитание. А твои сокровища политы слезами и кровью народа.

Падишах подумал и сказал:

— Отдаю тебе, Аман, свою любимую жену. А тебе, Шакурбан, переметную суму, наполненную золотом, и коня с серебряной сбруей. Но на рассвете вы должны покинуть свои дома и, переходя из города в город, прославлять мою щедрость. А тебя, Ёламан, я изгоняю из царства. На рассвете ты тоже оставишь свой дом.

Когда рассвело, три друга покинули город. Аман с женой, подаренной падишахом, шел пешком, Шакурбан ехал на коне, полученном из царской конюшни, а Ёламан шел за ними, пеший и одинокий.

К вечеру они добрались до колодца и решили тут заночевать.

Аман отвел молодую жену в сторону и сказал:

— Жена, без денег и без коня мы пропадем. Что, если я убью Шакурбана и овладею его золотом и конем?

— Аман,— ответила жена,— не советуйся со мной, а поступай, как велит тебе совесть.

Шакурбан услышал этот разговор и подумал:

«Вот как! Аман замышляет убить меня! Ну, нет! Я убью его раньше, чем он поднимет на меня руку. Тогда к моему золоту и коню прибавится еще красавица жена».

Вынув из-за пазухи нож, Шакурбан стал точить его на булыжнике.

Тем временем Аман подошел к Ёламану и потихоньку сказал:

— Друг Ёламан! Я задумал убить Шакурбана. Если ты мне поможешь, я одарю тебя золотом. Тебе ничто не грозит, так как ты изгнанник и все равно должен покинуть пределы родины.

— Эх, друг Аман,— ответил Ёламан.— Я ничего не слышал, потому что ухо мое закрыто для злых речей.

Тут путники стали располагаться на ночлег. Когда взошла луна, Ёламан увидел, что по земле движутся две тени. Это полз Аман, чтобы убить Шакурбана и завладеть его золотом и конем, а навстречу полз Шакурбан, чтобы убить Амана и завладеть его женой.

Они встретились у колодца и вонзили друг в друга ножи. Наутро жена Амана разбудила Ёламана и сказала:

— Ёламан, твои спутники убили друг друга. Остались в открытом поле золото, конь и я, беззащитная женщина. Возьми добычу себе и отправимся в путь, пока не пришли сюда злые люди и не воспользовались столь счастливым случаем.

— Нет,— ответил Ёламан,— мне не нужна такая добыча и не нужна такая жена. Я сумею прокормить себя своим трудом, а в жены возьму простую девушку.

— Тогда отвези меня к моим родителям!— сказала жена Амана.— Падишах забрал меня силой, но я ведь простая девушка и могу прокормиться своим трудом. А золото раздай нищим, потому что каждая монета, подаренная падишахом, смочена слезами бедняков.

Эти слова понравились Ёламану, и он остался у колодца, чтобы раздать всем проходившим мимо странникам золото из казны падишаха. Так он сидел тут, пока не роздал все золото.

А коня Шакурбана оставил себе вместо того быка, которого у него, по приказанию падишаха, отобрали сборщики податей.

Сев на коня и посадив позади себя жену Амана, Ёламан направился к ее родному городу. Приехав туда, он отдал девушку ее родителям и поехал дальше.

Наконец, он добрался до одного селения и попросился на ночлег к одному богатею. У того богатея был больной сын,— мальчик с лицом желтее шелка.

Когда наступило время ужина, хозяин посадил рядом с собой Ёламана, и они стали есть баранину из одного блюда, а перед больным мальчиком поставили отдельное блюдо с ягненком, который был сварен целиком, вместе с головой.

Мальчик принялся с жадностью есть, и ел до тех пор, пока на блюде остались одни только обглоданные кости.

Увидя это, Ёламан очень удивился и спросил:

— Хозяин, что за чудо? У твоего сына брюхо величиной с кулак, а за один присест он съедает целого ягненка.

— Эх, гость, большое несчастье постигло меня. Вот уже несколько лет как мой единственный сын одержим тяжким недугом. Он съедает за день по три ягненка и никогда не бывает сыт. Я разорился на врачей, но, если найдется такой человек, который избавит сына от этой хвори, я готов отдать все, что у меня осталось, вплоть до моей последней рубахи.

Ёламан задумался, сочувствуя горю отца.

— Гость,— продолжал хозяин,— я пустил тебя на ночлег затем, чтобы ты потешил моего сына рассказами. Вы, странники, многое видите, многое слышите и многое знаете. Так сделай же милость, посиди немного с мальчиком и расскажи ему что-нибудь, пока он не уснет.

Ёламан охотно согласился исполнить просьбу хозяина. Оставшись с мальчиком, он принялся рассказывать о том, как падишах подслушал его слова и прогнал его из своего царства.

Когда мальчик уснул, Ёламан положил голову на подушку и тоже начал дремать. Вдруг он увидел, как из полураскрытого рта мальчика выползла белая змея. Ёламан притворился спящим и стал ждать, что будет дальше.

Змея подползла к кувшину с водой, обвилась вокруг него и начала пить с таким шумом, с каким лакает собака.

Тут из трещины в стене выползла черная змея и зашипела:

— Поменьше ягнят кушай, тогда не будешь от жажды мучиться.

— Это ты из зависти говоришь, потому что тебе приходится питаться одними мышами! — сказала белая змея.

— Пусть так,— продолжала шипеть черная змея,— зато я с пользой живу на свете. Вот уже семь веков прошло, как я стерегу клад, а ты только и делаешь, что объедаешь мальчика.

Между черной и белой змеей завязалась перебранка.

— Я знаю, как тебя погубить,— шипела черная змея.— Нужно на один день оставить мальчика голодным, а после дать ему семь чашек семилетнего вина. Вот погоди, я расскажу об этом отцу мальчика, и он избавится от тебя.

— А я научу его, как погубить тебя и завладеть кладом! — раздуваясь от злости, сказала белая змея.

— Ты этого не знаешь! — возразила черная змея.

— Нет, знаю! — не унималась белая.— Надо завалить эту трещину семью охапками соломы, гнившей семь лет, и поджечь ее. От дыма душа твоя выйдет вон, а все сокровища, что ты стережешь, достанутся человеку.

После того черная змея свилась в клубок и скрылась в тре-

щине, а белая змея спокойно заползла в раскрытый рот мальчика.

Ёламан все это видел и слышал. Наутро он сказал отцу мальчика:

— Хозяин, я берусь излечить твоего сына.

— Как ты сможешь излечить моего сына, если это не удалось самым искусным лекарям! — сказал хозяин дома.

— Я смогу, — настаивал Ёламан. — Раздобудь мне только семилетнего вина.

Хозяин дома раздобыл семилетнее вино, и Ёламан приказал не давать мальчику есть, как бы тот ни просил и ни плакал.

Когда это было исполнено, Ёламан заставил голодного мальчика выпить семь чашек семилетнего вина. Тотчас же у больного стал пухнуть живот и, наконец, так раздулся, что отец в испуге закричал:

— Что ты наделал, гость! Сейчас мой сын лопнет!

В тот же миг белую змею разорвало, и мелкие куски ее стали вываливаться изо рта, из ушей и из носа мальчика. После того больной уснул и наутро проснулся совсем здоровым. Прежде не встававший с постели, мальчик резво вскочил на ноги.

— Гость, — сказал Ёламану хозяин дома, — проси у меня награды! Я ничего не пожалею для тебя!

— Мне ничего не нужно, — ответил Ёламан. — Но если тебя не стеснит, позволь мне пожить немного в комнате твоего сына.

Хозяин дома с радостью оставил у себя Ёламана, и тот поселился в комнате исцеленного мальчика. Ёламан раскопал на скотном дворе солому, которая гнила семь лет, и под предлогом починки стены внес ее в комнату. Затем он завалил соломой трещину в стене, откуда выползала черная змея, и поджег солому. Гнилая солома начала тлеть, и комната наполнилась дымом. А когда огонь погас, Ёламан расширил трещину, выгреб из нее пепел и сразу же увидел черную змею, свившуюся клубком. Змея была мертва. Ёламан начал копать землю у той стены и выкопал семь огромных кувшинов, наполненных золотом и драгоценными камнями.

Все эти сокровища он роздал неимущим: сиротам и вдовам, больным и калекам, старикам и старухам. Скоро молва о его щедрости распространилась так далеко, что дошла до падишаха, который изгнал Ёламана из пределов своего царства.

Падишах позавидовал славе Ёламана и сказал визирю:

— В соседнем царстве живет человек, который славится своей великой щедростью. Правда ли это?

— Правда! — ответил визирь. — И правда также то, что слава о его щедрости превысила твою славу.

— Тогда я хочу взглянуть на него,— сказал падишах.— Я должен узнать, что он делает для того, чтобы народ восславлял его щедрость.

Переодевшись в простое платье, падишах покинул дворец и тайком от народа пустился в путь.

Приехал он в то селение, где жил Ёламан, и попросился на ночлег. Ёламан сразу узнал его и сказал просто и радушно:

— Я рад всякому гостю, кто бы он ни был,— и принялся тотчас готовить ужин.

Поужинав, падишах задал Ёламану вопрос:

— Гостеприимный хозяин, скажи мне прямо, каким способом ты заставляешь народ распространять славу о твоей щедрости и доброте?

Ёламан, смеясь, ответил:

— Дорогой гость, добрые дела делаются не ради славы, и потому я вовсе не забочусь о ней. Мне довелось увидеть одного падишаха-хвастуна, который старался распространять в народе славу о своей щедрости. Однако народ не верил этому, потому что народ сам создает славу человеку.

— Кто же ты такой, превосходящий щедростью падишага-хвастуна? — спросил падишах.

— Я тот простой человек, которого ты изгнал из своего царства и оставил без родины! — ответил Ёламан.

Падишах узнал Ёламана и замолчал. А на рассвете пустился в обратный путь.

Возвратясь во дворец, он приказал визирю не тревожить его делами в течение трех дней.

Все три дня падишах размышлял над словами Ёламана и, наконец, сказал себе:

«Хорошо, что на свете мало еще таких людей, которые открывают народу глаза на лживые и лицемерные поступки падишага. Если б таких людей было больше, народ, пожалуй, не захотел бы терпеть на троне падишагов».

ДОБРЫЙ ДАЙХАНИН

ил молодой дайханин по имени Сапа́. Человек он был честный, независтливый и старательный. И урожаи с полей он получал такие, что зерно не помещалось в амбарах.

Как-то Сапа поливал свою землю и увидел: плывет по арыку большое красное яблоко. Выловил он его, надкусил.

«Бай-бо, как нехорошо я поступил,— поругал он себя,— без спроса хозяина стал есть яблоко».

Подумал, подумал он и направился, чтобы разыскать хозяина и попросить у него прощения.

Долго ли, коротко ли шел он, наконец на его пути оказался большой сад. Среди деревьев он увидел седого-седого человека с палкой в руках. Сапа пожелал ему доброго здоровья и, показав пойманное в арыке яблоко, спросил:

— Ага, не из вашего ли сада это яблоко?

— Нет, сынок,— ответил яшули, рассмотрев плод.— Вон там, выше, находится сад моего старшего брата, пойди, узнай, может его?

Дальше идет Сапа. Вскоре показался второй сад. Он оказался больше первого. В нем ходил и поливал свои деревья слегка поседевший человек.

Поздоровавшись, Сапа спросил:

— Ага, не из вашего ли сада яблоко?

Пожилой человек подошел, посмотрел и ответил:

— Нет, милый человек, у меня таких не водится. Выше, есть сад моего старшего брата, может быть, у него такие растут.

Снова пошел Сапа вверх по течению. Встретился ему сад еще больший по размеру. В саду он увидел мужчину средних лет. Он окапывал яблони и что-то напевал.

Сапа поздоровался с ним и, показав найденное яблоко, спросил:

— Ага, не из вашего ли это сада?

— Из моего,— сказал тот, внимательно оглядев плод.

— Ваше? — переспросил смущенно Сапа и стал рассказывать.— Я увидел его в арыке. Поймал и не заметил, как надкусил... Но ведь оно вам, а не мне принадлежит... Ага, простите, ради бога, мой невольный поступок. За это яблоко я готов отдать вам все, что захотите.

— Нет, нет,— ответил садовник,— ничего от тебя я не возьму.

— Ага-джан,— стал умолять Сапа,— значит, вы обижены на меня, если не хотите платы. А ведь я такой же, как и вы, дайханин. Всю жизнь живу своим трудом и уважаю труд других. Возьмите с меня что угодно: хотите деньги, хотите зерно, хотите — что хотите... Я на все согласен. Только простите.

Садовник никак не соглашался получать плату, сколько его ни упрашивал Сапа. Наконец, он сказал:

— Если ты уж так настаиваешь, молодой человек, на плате, то послушай: вон в той кибитке сидит моя дочь. Она слепая, глухая и немая. У нее нет ни рук, ни ног. Возьми ее в жены.

— Хорошо,— с готовностью согласился Сапа.— Я как раз холост, и ваша дочь будет моей женой, только не обижайтесь на меня, что я испортил ваше яблоко.

— Не буду обижаться,— сказал садовник и показал, как ему пройти к своей будущей жене.

Юноша вошел в кибитку и обомлел. На возвышении спала девушка невиданной красоты.

— Аллах! — вскрикнул от неожиданности юноша и сразу же подумал: «Наверное, я перепутал двери. Она совсем не похожа на ту, о которой говорил ее отец».

Не мешкая, он вернулся.

— Ага,— сказал он взволнованно,— девушка оказалась не такой, о которой вы говорили... Может быть, по ошибке я не туда попал?

— Нет, сын мой,— улыбаясь, сказал садовник,— ты не ошибся. Это она и есть.

— Но тогда почему же вы говорили, что она слепая, глухая и немая, что у нее нет ни рук, ни ног?...

— Да это так: слепая она потому, что ничего не видит, кроме своих книг. Глухая — потому, что ничего не слышит, кроме того, что читает. Немая — потому, что разговаривает только со своими книгами. Без рук она потому, что ничего не держит в них, кроме книг, а без ног — потому, что никуда не отходит от своих книг.

— Теперь все понятно,— сказал Сапа и, осмелев, спросил.— Когда я шел, разыскивая хозяина яблока, мне встретился сад с седым-седым хозяином, и он сказал мне, что выше сад его старшего брата. Когда я его встретил, он по виду показался мне моложе первого. Его волос едва коснулась седина. Он тоже послал меня к старшему брату, то есть к вам. А вы выглядите самым младшим. В вашей бороде нет ни одного седого волоса. Почему это так получилось?

— Да,— вздохнул садовник,— получается всё вроде странно. Самый младший — самый седой. А отчего? Не ладит с женой! Средний брат живет немного поспокойнее, поэтому больше

сохранился, начал только седеть. В моей семье — не знают, что такое ссора. У нас всегда весна. Поэтому я и не старею, а с каждым днем будто молодею.

Сапа был полностью удовлетворен ответом. Поблагодарив хозяина за прощение, он взял с собой свою невесту — его дочку — и они пошли домой.

Вскоре состоялся большой свадебный той, и молодожены зажили счастливо, в мире и согласии.

СЫНОВЬЯ ПАДИШАХА И РАБЫНИ

Было это очень давно. В одном могущественном государстве едва ли не самым несчастливым человеком был падишах: у него было сорок жен, но ни от одной не было ребенка.

Придворные жалели не столько падишаха, сколько себя, беспокоясь за свою участь. Чего доброго, после смерти бездетного повелителя на престол вступит падишах из другой династии. Приблизит он к себе своих людей, а им, теперешним вельможам, придется расстаться с властью, с роскошной дворцовой жизнью.

В отсутствие падишаха они часто говорили о грядущей беде. Предотвратить ее могло только одно — рождение наследника. И вот решили они посоветовать своему повелителю обратиться за помощью к известному знатоку, жившему в далеком городе. «Мы отправим к нему надежных людей, и пусть он скажет им, почему у нашего падишаха нет детей, и что надо сделать, чтобы родилось долгожданное дитя», — рассуждали визири и векили.

Падишах выслушал визирей и векилей и дал свое согласие на это. К знатоку отправили двух послов. По силе друг другу они не уступят — настоящие пальваны! Только один очень горяч в деле, а другой не в меру осторожен.

Долго ли, коротко ли ехали послы, но, наконец, приехали в тот город, где жил знаток. Остановившись в караван-сараяе, они разместили в конюшне своих лошадей, устроились сами, отдохнули с дороги и пошли к знатоку.

— Проходите, садитесь, дорогие гости, — вежливо встретил их знаток. — Похоже, что вы прибыли издалека. Рассказывайте, что привело вас в наши места.

— Ага, мы приехали издалека. Долгий путь нам пришлось

преодолеть. А привела нас сюда нужда в твоём мудром совете. Если вы слышали, у нашего падишаха есть сорок жен, но ни у одной нет детей. Визири и векили послали нас к вам: не сможете ли вы сказать — будут ли дети у нашего падишаха? Что надо сделать, чтобы падишах был осчастливлен наследником?

— С хорошим делом вы пожаловали сюда, дорогие посланники. Но вопрос ваш слишком труден. Это дело может рассудить только настоящий Мудрец. Путь к тому месту, где он живет, далек и очень труден. На самом краю степи, в подземелье живет Мудрец. Около его жилья растет пальма, ее плодами — хурмой — питается отшельник. Вот если доберетесь до него, то и получите мудрый совет. Только ехать придется безлюдными местами. Надо много брать с собой продовольствия. Путешествие это займет не месяц, не два, а год, а может, и два.

Послы поблагодарили хозяина, дали ему хурджун с золотом и серебром и отправились в обратный путь, в свой город.

Долго ли, коротко ли ехали, наконец, они добрались до своего города и пришли к падишаху.

— Чтобы выполнить поручение, мы ехали много дней, — сказали послы. — Но знаток так и не смог ответить на наш вопрос. Посоветовал он обратиться к Мудрецу. Но, чтобы попасть к нему, надо ехать целых два года по горам, а потом — по безлюдной степи.

— Да, это очень трудное дело, — согласился падишах. — Но все равно надо ехать.

И послы снова отправились в путь. Через несколько месяцев они достигли гор. Несколько месяцев они преодолевали высоты, опускались в ущелья и, наконец, вышли в степь. Месяцы шли они по степи, не встречая ни единого живого существа, даже следов диких животных не встречали.

Однажды измученные послы расположились на ночлег. Проснулись они утром и видят — вдалеке дым. Обрадовались послы, решили, что дым исходит от очага в пещере Мудреца. Только они об этом подумали, как дыма вдруг не стало. Опять пришлось им ехать, куда глаза глядят.

Долго они ехали и вот, наконец, увидели дерево. Пришпорили коней, и к вечеру слезли возле высокой пальмы.

Все тут выглядело так, как рассказал послам знаток. От пальмы вниз спускались ступеньки и там — в глубине зияло отверстие пещеры. Значит, это и есть обитель Мудреца. Спустились странники вниз, вошли в пещеру. Темно — ничего не видно. Пригляделись — видят, сидит на земляном возвышении седобородый старец.

— Салам! — робко поприветствовали его послы.

Мудрец ответил на их приветствие и спросил:

— Куда путь держите, пальваны? С чем пришли ко мне?

— О Мудрец-ага,—сказали послы.— У нас есть падишах, у него сорок жен, но нет ни одного ребенка. Скажите, что надо сделать падишаху, чтобы у него появился наследник?

— Об этом я вам скажу завтра утром,—ответил Мудрец.— А сейчас ложитесь, отдохните, видно, что вы очень устали в дороге.

— Воистину ты мудрейший из людей! — воскликнули послы и, прикорнув в уголке, крепко уснули.

Утром Мудрец им сказал:

— Вы спрашиваете, почему у вашего падишаха, имеющего сорок жен, нет детей? Потому что и с одной женой заботы много, а когда их сорок — одно беспокойство. Видно, они ревнуют его друг к другу?

— Еще как! — отвечали послы.

— Ссорятся между собой жены? — спросил Мудрец.

— Не только ссорятся, даже дерутся,—ответили послы.

— Значит, падишаху совсем нет от них отдыха. Так?

— Так,—согласились послы.

— Тогда не лучше ли ему всех жен из дворца выслать, а самому дома в спокойствии жить?

— Конечно, лучше! — согласились послы.

— Вот и посоветуйте своему падишаху выслать своих изнеженных жен — всех до единой, а присмотреть среди их рабынь молодую скромную девушку и взять ее в жены. Тогда и наследник у него будет.

Послы поблагодарили Мудреца за совет, внесли хурджун и высыпали перед Мудрецом золото и серебро.

— Заберите все это с собой, пальваны. Я не нуждаюсь в богатстве,—отказался Мудрец.— Желаю вам доброго пути.

Сложили послы обратно в хурджун падишахское богатство, поблагодарили Мудреца от всего сердца, распрощались с ним и отправились в обратный путь.

А в родном городе их уже считали погибшими. Жены пальванов не раз приходили с детьми к падишаху и с горькими слезами укоряли его:

«Ты отправил наших кормильцев туда, откуда нет возврата!»

Между тем послы мужественно преодолевали тяжесть пути, полного смертельной опасности. Много прошло времени, прежде чем они увидели стены родного города.

Возле самого города их встретили чабаны и сразу узнали в них долгожданных гонцов падишаха. Стали уговаривать их, чтобы они отдохнули, а тем временем чабаны сообщат падишаху радостную весть о возвращении послов. На том и порешили.

Весь город вышел встретить дорогих послов. Падишах только завидел их, сразу стал расспрашивать, как да что.

— О наш повелитель! — сказали послы. — Все ваши сорок жен не способны дать наследника. Кроме беспокойства, от них ничего нет. Мудрец посоветовал отправить их на все четыре стороны, а одну, простую девушку из рабынь, взять в жены.

Падишах щедро наградил своих верных гонцов и с почестями отправил их домой. Потом он позвал всех своих жен и сказал им:

— Я освобождаю вас. Идите на все четыре стороны.

Потом он подозвал к себе одну девушку — невольницу — и сказал, что она отныне будет его женой.

Вечером, войдя в женские покои, падишах только хотел подойти к Гульджемал с лаской, как с улицы раздалось злое «Кха!». Падишах насторожился.

— Кто там? — спросил он есаула.

— Дервиш какой-то, — ответил есаул.

— Что ему нужно?

— Он пришел поздравить вас с новой супругой.

— Дайте ему хорошего коня, — приказал падишах.

Есаул привел дервишу лучшего скакуна, но тот не взял его.

— О падишах, дервиш не берет коня, — доложил есаул.

— Почему? — удивился падишах. — Может быть у него голодная семья — дайте ему муки.

Не взял и муку дервиш. Он попросил есаула, чтобы тот вызвал на улицу самого падишаха. Когда падишах вышел, дервиш протянул ему яблоко.

— О падишах! Прежде чем идти к жене, разрежь это яблоко пополам. Одну половину съешь сам, а другую — отдай жене. У тебя будет два сына. Если ты отдашь одного из них на мое попечение, то больше мне ничего не надо.

Услышав эти слова, падишах задумался. В это время к нему подошел главный визирь и прошептал на ухо: «Когда еще сыновья будут. Пообещай, что отдашь одного, а там видно будет».

— Ладно, — сказал падишах дервишу. — Если родятся два сына, одного отдам тебе.

— Смотри, не откажись потом от своих слов, — сказал падишаху дервиш и ушел.

Дни в падишахском дворце текли в спокойствии и радости: Гульджемал готовилась стать матерью. И вот у нее родились мальчики-близнецы, такие прекрасные, что, казалось, свет от них лучами расходится. По случаю рождения двух сыновей, падишах устроил большой пышный праздник.

Той в падишахском дворце шел уже третий день, когда явился незванный гость — дервиш.

— Ну как, падишах, не забыл о своем обещании? Будь верен своему слову. Я только и жду, когда ты его исполнишь.

Не помня себя от гнева, падишах хотел вышвырнуть незванного гостя за дверь, но опять подошел главный визирь и прошептал на ухо своему повелителю. «Не надо с ним ссориться. Дай ему свое согласие. Сейчас он все равно не сможет взять грудного ребенка. Пройдет время, а там видно будет...»

«Оттянуть время? Правильно»,— подумал падишах и тут же сказал дервишу:

— Я согласен. Один ребенок будет твой.

Дервиш отрезал от своего ремня тесьму, прикрепил ее к руке одного новорожденного и ушел.

После его ухода падишах впал в печаль.

Видя это, главный визирь поспешил на помощь.

— О мой падишах! Надо построить под землей дворец и поместить туда мать с детьми, а потом, когда мальчики подрастут, с ними пусть живет ученый мулла. Он будет воспитывать, учить их. А когда у кого-нибудь в городе умрут сыновья, мы позовем родителей и уговорим их, чтобы они распространили в народе слух: «Умерли сыновья падишаха». Этот слух дойдет до дервиша, и он не придет за обещанным ребенком.

Так, по совету визиря, и поступил падишах. Гульджемал с детьми жила в прекрасном подземном дворце, а когда сыновья подросли, к мальчикам поселился ученый мулла. Вход в подземный дворец закрывал тяжелый мельничный жернов.

Прошло еще какое-то время — и по городу распространился слух, что сыновья падишаха умерли.

Долго о дервише не было ни слуху, ни духу. Но вот настал день, и он пришел во дворец к падишаху.

— Я пришел за сыном,— сказал дервиш.

— Разве ты не знаешь, что оба сына давно умерли,— ответил ему падишах.— Пойдем, я покажу тебе их могилы.

Лицо дервиша перекосилось от злобы.

— Хорошо,— сказал он.— Я покажу тебе, повелитель, как возвращаются мертвецы с того света.

Сказал и вышел из дворца.

Дервиш обогнул сад, где под землей жили мальчики, взобрался на холм, сел и стал играть на дутаре. Дервиш оказался прекрасным музыкантом. Звуки дутара, разливаясь далеко по окрестностям, тянули к себе всех непреодолимой силой. Из города к холму шли люди. Скоро там уже были и визири, и векили, и дворцовая стража, и прислуга. Не вытерпел и сам падишах. Он позабыл обо всем на свете, покинул свой дворец и стоял возле холма, затерянный в толпе людей, как самый обыкновенный горожанин, замороженный чарующей музыкой.

Через отверстие в жернове, прикрывавшем спуск в подземный дворец, звуки проникли и туда. Мальчики кинулись к лестнице, подперли спинами жернов, натужились, приподняли его, свалили в сторону и выбежали наружу.

— Вот как возвращаются мертвые! — воскликнул дервиш, завидя бегущих к холму прекрасных юношей. — Не наши ли это сыновья, падишах? Если ты теперь, при всем народе, откажешься выполнить свое обещание, всякий скажет, что ты обманщик и трус. Сыновья первыми откажутся от такого отца.

— Ладно, — едва выдавил из себя падишах. — Бери одного, проклятый дервиш.

Дервиш взял за руку младшего и повел по дороге.

— Эй, дервиш! Оставь его! — закричал другой брат и побежал вслед за ними.

Дервиш оглянулся, увидел бежавшего юношу, оскалил зубы и пригрозил кулаком.

Горько плакал осиротевший брат, стоя под придорожной яблоней. Ноги подкашивались у него от горя, и он опустился на траву. Вдруг слышит жалобный клекот: яркая, красивая птица-попугай летает, кружится над верхушкой дерева. Только хотел юноша сказать, что не тронет ее птенцов, как увидел: обвивая ствол яблони, забирается наверх черная змея. Юноша схватил камень и разможил змее голову. В это время что-то ударилось о его плечо. Нагнулся юноша и поднял с земли яблоко. Птица-мать говорит ему:

— За твое доброе сердце получай чудесное яблоко. Положи его в чашку и поставь на окно, а завтра вечером посмотри. Если на яблоке будут капельки росы и оно будет свежим, значит с братом твоим все благополучно. Если же яблоко начнет сохнуть, то знай, что он попал в беду. А если яблоко сгниет, значит он погиб. А сейчас о брате не беспокойся. Моя родня — быстрокрылые попугаи — всегда помогут ему.

Юноша успокоился. Яблоко он унес к себе во дворец, положил в чашку, поставил на окно и каждый день смотрел на него. Оно всегда было в капельках росы, значит, с младшим братом ничего не случилось.

А тем временем дервиш привел младшего брата к высокой крепости в горах, раздвинул свою громадную бороду и вытащил оттуда связку ключей. Замок заржавел, ключи заскрежетали — не так-то скоро откроешь эту дверь!

Юноша, озираясь по сторонам, увидел у подножья горы чинару с сидевшими на верхушке двумя попугаями.

Попугаи щебетали, смеялись, а потом вдруг заплакали.

— Что с вами, попугаи? — спросил юноша.

— Мы смеялись — радовались, глядя на тебя: ты весь све-

тишься лучами. А заплакали, как вспомнили, что злой колдун на погибель завлек тебя. Страшно в стенах этой крепости. Но прилетел попугай с твоей родной стороны и велел нам спасти тебя. Только позови нас и мы сразу поможем.

Юноша оробел. А колдун-дервиш открыл наконец тяжелую дверь и крикнул:

— Что ты стоишь там, как в землю вкопанный! Иди сюда!

Только вошел юноша со своим страшным хозяином в переднюю, как колдун закрыл на замок входную дверь и стал открывать дверь, ведущую в следующую комнату. Счет потерял юноша комнатам, через которые они проходили, и всюду колдун закрывал за собою двери. И чего только не было во владениях колдуна! Одна комната была полна золота и серебра, другая — всевозможного оружия, в третьем помещении стояли оседланные кони, в четвертом — гора человеческих костей. В последней, сороковой, комнате колдун остановился и сказал:

— Вот тебе всякие кушанья. Ешь что захочешь и поправляйся, а я буду отдыхать пятнадцать дней.

Спит колдун, а юноша не только не поправляется, а, наоборот, бледнеет, худеет, сохнет и все думает о словах попугаев.

Через пятнадцать дней колдун проснулся и видит, что высох сын падишаха, как щепка.

— Почему ничего не ешь? — кинулся он с кулаками на него. — Сейчас я поеду на охоту дней на десять-пятнадцать, а ты до моего возвращения должен поправиться.

Прошло двадцать дней, и только тогда возвратился хозяин страшной пещеры. Видит он: кожа да кости остались от юноши. Пробовал он силой кормить своего приемного сына, но тот проглотить от бессилия ничего не может.

Тогда колдун-дервиш отодвинул от угла тахту, и юноша увидел большущий казан. Если встать на дно его, то голова до краев не достанет. Колдун вытащил этот казан на середину двора, поставил над ямой с дровами и начал таскать воду. Таскал до тех пор, пока она не достигла верха, а потом поджег топливо.

— Для чего этот огромный казан? Что ты собираешься делать? — спросил юноша.

— Эй, шах! Как я ни старался кормить тебя, ничего не вышло. Теперь буду учить игре дэвов. Может быть ты увлечешься игрой, и у тебя появится аппетит. А ну, шах, полезай на край казана и прыгай.

— О дервиш-отец, я не смогу так играть. Ты сначала покажи мне, как прыгают на краю казана.

— Вот как надо прыгать! — крикнул дервиш, вскочил на край казана. — Вот как надо танцевать!

На дутаре он играл прекрасно, а танцевал еще лучше: кружился как волчок, подпрыгивал как мячик.

— Вот как дэвы прыгают, вот как дэвы пляшут! — приговаривал дервиш, ударяя в ладоши.

— Вот как! Вот как! — раздались сверху гортанные голоса. Юноша вскинул голову и увидел двух попугаев.

— Где они, болтуны негодные? — задрал кверху голову дервиш.

Воспользовавшись моментом, юноша изо всех сил толкнул дервиша в котел, и тот сварился в кипятке.

— Это дэв! Это дэв! — закружились попугаи над казаном.

Бородища дэва всплыла наверх. «В ней же ключи!» — вспомнил юноша. Взяв ключи, он стал открывать комнату за комнатой проклятой пещеры, и освобождать пленников, захваченных дэвом. Потом юноша взял себе хорошего коня, ружье, саблю, один свой висок вызолотил, другой — серебром покрыл и, убедившись, что в крепости не осталось ни одного живого человека, вышел и закрыл ворота на замок. На воротах сделал надпись: «Я — сын такого-то падишаха, по такой-то причине я попал в руки злого колдуна, убил его и отправился на Восток».

Долго ли, коротко ли он ехал — кто знает. Однажды вечером, устав от дороги, он, привязав коня, прилег отдохнуть под высокой чинарой. Вдруг слышит шум на вершине дерева. «Опять, наверное, черная змея подбирается к гнезду с птенцами, — подумал он. — Но в темноте ее не увидишь». Он приподнял голову и видит в темноте огромные глазищи, а из них искры летят. «Аждарха!..» Недолго думая, сын падишаха вскочил на ноги — и за саблю. Сабля, которую он взял у колдуна, конечно, не простая, а волшебная. Один взмах — и голова кровожадного чудовища отлетела от туловища.

Расправившись с драконом, сын падишаха снова улегся под чинарой и заснул.

Утром летит к своему гнезду птица Сымруг и издали видит спящего человека, неподалеку от него — привязанного коня. «Вот кто пожирает моих птенцов! — подумала птица. — Сейчас я уничтожу его!» Своими огромными когтями она схватила каменную глыбу и закружилась над юношей. Увидели птенцы свою мать, закричали:

— Хай, ай! Не трогай его! Он спас нас от беды. Брось сначала этот камень там, в стороне, а потом сядь около нас, мы все тебе расскажем!

Сымруг бросила глыбу и прилетела к гнезду.

— Посмотри вниз, — сказали птенцы.

Сымруг посмотрела вниз и увидела аждарха с отрубленной головой.

— Кто его убил? — спросила Сымруг.

И птенцы все рассказали ей.

«За спасение жизни моих детей я отплачу ему добром», — решила Сымруг и заслонила тенью своих крыльев спящего человека от жгучих лучей солнца.

А падишахский сын, когда проснулся и открыл глаза, то пришел в ужас: ночь темна, на небе нет ни одной звездочки, и снова закрыл глаза.

Птица заметила пробуждение юноши, отошла в сторону, и когда он снова открыл глаза, то удивился: только была тьма — и вдруг яркий, сияющий день, только было тяжелое одиночество — и вдруг дружеский голос:

— О шах! Ты оказал мне незабываемую услугу — спас моих детей. Теперь проси у меня все, что хочешь. Я жена падишаха сымругов.

— Мне ничего от тебя не надо, — ответил юноша. — Я иду на Восток. — И он рассказал ей все, что случилось с ним.

Сымруг вырвала у себя одно перо и протянула его спасителю своих детей.

— Когда тебе понадобится моя помощь, оторви от пера один сторожок, подожги его, и я явлюсь к тебе со всей своей стаей.

Они сердечно простились, и снова отправился в путь сын падишаха.

Вскоре он достиг опушки дремучего леса. Оттуда неся страшный вой, но он не испугал юношу. Конь его, чувствуя твердую руку хозяина, смело вступил в лес.

Вой стал сильнее, и скоро всадник увидел полосатого тигра. Он было повернул коня в сторону, но услышал рычание тигра:

— О человек, не уходи! Подойди ко мне, вытащи занозу из моей лапы, и мы станем с тобой братьями.

Пальван приблизился к тигру и видит, что кровь льет ручьем из его лапы, а в ней торчит громадный колючий сучок.

— Ой тигр! Ты разъяришься от боли, когда я буду тащить занозу, и съешь меня.

— Ты правду говоришь, — согласился зверь. — Ты вырой яму с укрытием и сядь в нее, а я протяну в отверстие больную лапу, и ты будешь в безопасности от моего гнева, — упрашивал тигр.

Сын падишаха пожалел тигра. Быстро вырыл яму с укрытием и забрался туда, а зверь просунул в отверстие лапу.

Тигр так метался и рыл ногами землю, так выл и рычал от боли, что листья на деревьях трепетали, пыль над ямой поднялась столбом.

А сын падишаха задыхался в яме от усилий, таща занозу из тигриной лапы.

— Ох! — крикнул он от натуги и брякнулся на дно ямы с вытащенным сучком.

Зверь наверху упал без чувств. Отдышался, видит: яма завалена, задохнется там его спаситель. Давай скорее сгребать землю в сторону.

— Жив ли ты, человек? — спрашивает тигр, наклоняясь над ямой.

— Жив! Сейчас вылезу.

Вылез юноша из ямы, а тигр на колени перед ним упал:

— Ты спас меня от смерти. Я — падишах тигров. Проси у меня, что пожелаешь. Я помогу, чем только могу.

— Спасибо. Мне ничего не надо. Я иду на Восток.

Тигр протянул ему клочок своей шерсти.

— Когда тебе нужна будет моя помощь, сожги один волосок, и я явлюсь к тебе со всей своей стаей.

Они распрощались. Сын падишаха сел на своего коня и отправился в путь.

Долго ли, коротко ли ехал, наконец, выбрался из лесу. Перед ним расстилалась широкая степь. Завидев отару пасущихся овец, он направил туда своего коня. Чабаны на почтительное приветствие путника пригласили его заехать к ним. Они взяли под уздцы его коня, и всадник спрыгнул на землю. Юноша приехал не с пустыми руками: каждому дал он по пригоршне золота. Обрадованные таким богатством, чабаны зарезали барана и занялись приготовлением вкусного обеда, а гость тем временем осматривал местность.

— Что за лес виднеется там вдали? — спросил он.

— Это наша столица, — отвечали чабаны. — А вон там, в стороне, виднеется сад дочерей падишаха. Три незамужние падишахские дочери живут там.

Когда обед был готов и все угостились на славу, гость стал собираться в дорогу. У чабанов он попросил старую латаную рубаху и брюшину от заколотого барана.

Чабаны исполнили его просьбу. В вымытой до блеска брюшине юноша проткнул дырочки для глаз, носа, рта и натянул на голову. Чабаны, глядя на него, валились от хохота на землю.

— Вай! Ты стал лысым, как старик!

Засмеялся и юноша, поскакав на коне к падишахской столице. Вскоре он проник в сад падишахских дочерей. Не успел он туда войти, как его увидел садовник.

— Эй, плешивый! Как ты залез в падишахский сад? Кто позволил тебе хозяйничать тут? Я отвечаю за сад.

— Эй, садовник! Я бедный убогий сирота. Пожалей меня, не гони, а если у тебя доброе сердце, возьми меня к себе помощником. Тебе меньше работы будет.

«И правда,—подумал старик-садовник.— Пусть будет рядом. Руки-ноги у него есть — польза от него будет. А на такого плешивого урода, у которого вместо глаз маленькие дырочки, а вместо рта большая дыра, падишахские дочери и не глянут».

— Ну, ладно. Оставайся, присматривай за садом,—сказал он.— Только не попадайся на глаза хозяйкам, а то они испугаются.

Так и стал падишахский сын батраком в чужом саду. Забираясь по ночам в непроходимую чащу сада, куда не заглядывали ни хозяйки, ни старик-садовник, он стаскивал с головы баранью брюшину с отверстиями для глаз, рта и носа и кормил-поил своего привязанного скакуна.

Однажды в жаркий день дочери падишаха пришли купаться к мраморному водоему. Две старших уже были в зрелом возрасте, даже начали блекнуть, зато младшая, как распутившаяся роза.

— Вай! — крикнул в восторге юноша.

— Эй, эй, кто тут? — всполошились испуганные красавицы.— Кто тут бессовестный притаился?

Вдруг старшая крикнула:

— Вай! Вон стоит плешивый дурак! Хватай его!

— Вай! — закричал плешивый.— Дочери падишаха хотят меня поймать! — Он бегал вокруг девушек и ловко увертывался от их рук.

Устали падишахские дочери в этой веселой игре. Так и не поймав плешивого, пошли они во дворец. А он, перебегая от дерева к дереву, от куста к кусту, незаметно для них шел следом.

В своих покоях девушки принялись расчесывать волосы. Юноша незаметно вошел в покои.

— Как ты сюда попал! Что тебе надо, плешивый? — закричала старшая дочь.— Уж не гребешок ли попросить пришел? — смеялась она.

— Да, да,—отвечал сын падишаха.— Дайте мне гребешок, мне причесаться надо.

— Убирайся ты, плешивый, прочь! — крикнула старшая сестра.

— Убирайся, убирайся! — повторяла за ней средняя.

— Может быть, ты дашь гребешок? — обратился он к младшей.

— Что ж, возьми,—сказала она.— Только я дам тебе старый.

— И за это спасибо.

Падишахский сын поклонился ей и вышел. В глубине сада, в зарослях колючих кустов, он стащил с головы баранью брю-

шину и принялся расчесывать свои скатавшиеся кудри. А потом, снова приняв обличье плешивого, пошел во дворец и с благодарностью вернул гребешок его хозяйке.

Младшая дочь увидела застрявший в зубьях гребешка золотой волосок и тянет его потихоньку. «Золотой и какой длинный! А вот второй — серебряный. Тут какой-то знак», — подумала она и решила разыскать плешивого, расспросить его.

— Пойдемте купаться, сестры, — зовет она.

— Ты что, с ума сошла? Ведь только что мы вернулись с купанья.

Сестры отказались идти к водоему, а младшая вышла в сад в надежде встретиться с помощником садовника.

Найдя плешивого крепко спящим под деревом, девушка рассмотрела, что голову его облачает какая-то кожа. Она хотела стащить ее, но побоялась разбудить — парень забеспокоился во сне, перевернулся — и она отступила. Но что это? Развязавшаяся тесемка на ворота обнажила грудь юноши, и от тела исходят лучи.

«Да кто же такой, этот молодой парень?» — думала девушка, возвращаясь во дворец.

Падишахским дочерям невесело жилось во дворце: одни и одни. Старшие сестры частенько вздыхали: «Да будем мы когда-нибудь походить на людей!» Им хотелось замуж, а многоумный падишах-отец все полагал, что старшие его дочери — подростки, а младшая — просто младенец, и не помышлял о женихах для них.

— Если вы хотите замуж, я могу научить вас, что надо сделать, — сказала младшая сестра, вернувшись из сада.

— Ох, смотрите на нее, — рассмеялась средняя. — Она может научить?! Ха-ха-ха!

— А ты не смейся, — строго сказала старшая, — лучше давай послушаем, что она нам посоветует, а уже потом либо смейся, либо плачь.

Младшая сестра повела их на бахчи и показала, какие надо снять дыни: одну большую, спелую-преспелую, мягкую, другую — чуть-чуть покрепче, а третью, которая денек-другой — тоже переспеет.

Приказала младшая сестра положить дыни на золотой поднос, вонзить нож в каждую и закрыть белой скатертью. Потом позвала старшего садовника и велела ему отнести подарок отцу-падишаху от дочерей.

У падишаха в это время собрались визири и векили.

— Подарок от дочерей! — провозгласил появившийся в дверях садовник.

К нему подскочил векиль, а, быть может, визирь, принял

поднос, намереваясь подать его падишаху. Но тут подскочил к нему другой визирь, постарше, и взял у него поднос. Но не успел этот и шага сделать, как подлетел визирь еще более знатного рода.— Так и пошел ходить по рукам поднос, пока не попал в руки самого главного визиря, и он поставил его перед падишахом.

Первый раз получает подарок падишах от дочерей. Обрадовался.

— Поднимите покрывало! — приказал он.

Но из стоявших вокруг визирей и векилей никто не тронулся с места: подарок побывал во всех руках, и все знали, что радость падишаха угаснет, когда он увидит перезревшие мягкие дыни.

— О падишах, будет лучше, если подарок ваших дочерей вы раскроете сами,— в смущении бормотали приближенные.

Падишах одобрил эти мудрые слова и сам снял платок. Видит — три дыни. Потрогал пальцами: две мягкие, может быть, их уже и есть нельзя, а третья хорошая, в самую пору спелости.

— Вот так-так! — удивленно проговорил падишах.— Нашли, что дарить отцу! Неужели мои дочери не могли выбрать другого подарка? Молоденькие они еще, не научились разбираться в дынях. Но ничего, подрастут, научатся,— извинил отец дочек.— Присаживайтесь, будем кушать дыни,— приглашал он присутствующих.

Но принять приглашение никто не решался, а один визирь сказал:

— О наш падишах! Эти дыни посланы не для того, чтобы их есть. Они что-то обозначают.

— Да, да,— подтвердили другие.

— А что они могут обозначать? — спросил падишах.— Говорите, как вы понимаете их значение! — обратился он к визирю, высказавшему первым свои соображения.

— О падишах! Эти две мягкие дыни — это две старшие дочери. Их зрелость давно наступила и начинает уже проходить.

— Разве? — удивился падишах.— Зрелость уже начинает проходить?

— Да, начинает проходить, а вы об этом не знаете.

— Не знаю, не знаю,— ответил падишах.— Мне об этом никто не говорил. Вы мне об этом не докладывали.

— А твердая дыня — это ваша младшая дочь. Она в самом расцвете красоты. Надо подумать, как лучше устроить жизнь ваших дочерей.

— Ты верно сказал, визирь! — подхватил падишах.— Надо подумать, надо подумать...

По совету приближенных, падишах разослал во все концы своей огромной столицы глашатаев: «Пусть каждый из мужчин —

пусть стар, пусть млад — пройдет перед дворцом дочерей падишаха. Каждая пусть сама выберет по сердцу себе супруга». А дочерям падишах сказал:

— Кто вам понравится, в того и бросайте яблоко.

В назначенный день перед окнами девичьего дворца потянулись вереницы разряженных женихов. Дочери падишаха, с яблоками в руках смотрели на них сверху и обсуждали каждого.

Когда мимо проезжал, горяча коня, сын главного визиря, старшая сестра бросила яблоко. Оно попало в белый тельпек всадника. А когда ко дворцу приближался на красивом коне сын векиля, в него бросила свое яблоко средняя сестра. «Теперь очередь за младшей, самой красивой, дочкой падишаха. Кого выберет она?» — судили-рядили люди, пришедшие поглядеть на выбор женихов. А младшая дочь падишаха так и просидела до самого вечера с яблоком в руках, так и не кинув его ни в кого.

— А ну, проверьте как следует, не остался ли там кто-нибудь... — приказал падишах.

— Не осталось ни одного мужчины, который не прошел бы перед девичьим дворцом, — доложили есаулы. — Все прошли, кроме плешивого помощника садовника. Он живет как настоящий отшельник, на женщин и не смотрит.

— Как бы там ни было, проведите и его перед дворцом дочерей, — приказал падишах. — Своей волей не пойдет — силой тащите.

Есаулы пошли к садовнику. Стали они искать в саду плешивого. А тот, завидя есаулов, закричал:

— Вай, меня убить хотят! — и бросился бежать.

Есаулы за ним. Схватили и поволокли ко дворцу. Кругом смех. И вдруг, к удивлению всех, младшая падишахская дочка, самая красивая девушка в государстве, бросила в него яблоко.

— Вай! Вай! — закричал плешивый. — Дочка великого падишаха пробила мне бок.

Тут уж было не до смеха. Всполошились и падишах и его визири, векили и есаулы. Народ молча стоял, удивлялся.

— Она ошиблась! — решили все.

Яблоко у плешивого отобрали и снова вручили молодой красавице, а плешивого снова погнали под окнами девичьего дворца, и снова яблоко красавицы полетело в плешивого.

— Ну и отдавайте ее за него! — разозлился падишах.

«Младшая дочь падишаха оказалась дурочкой! На наших красавцев-сыновей она и смотреть не пожелала, а выбрала плешивого оборванца, обесчестила отца!» — говорили между собой раздосадованные визири и векили.

По приказу падишаха двум старшим дочерям, вышедшим замуж за знатных юношей, построили прекрасные белые дворцы,

несколько дней справлялись пышные свадьбы, а для младшей дочери с ее супругом поставили черную кибитку...

Вскоре после этого падишах заболел. В народе пошел слух: «Падишах хочет передать власть мужу одной из старших дочерей». Оба зятя старались, как могли, угодить тестю-падишаху, и когда узнали, что он желает покушать мяса джейрана, мигом собрались на охоту. Они выехали на красивых, быстроногих скакунах, а следом за ними поплелся на хромой кобыле и муж младшей дочери. Но, выехав из города, он вернулся другим путем в сад девичьего дворца, там направился в глухие заросли деревьев и кустарника, сбросил с головы баранью брюшину, привязал хромую кобылу и, переодевшись в свою падишахскую одежду, вскочил на своего быстрого, как ветер, скакуна, направил его в сторону гор. Около реки он подпалил перо птицы Сымруг и волосок из шерсти тигра, и сразу со всех сторон стали слетаться громадные птицы и сбегаться тигры. Юноша стоял прекрасный, как месяц среди туч. А перед ним с поклоном стояли жена падишаха Сымруг и падишах тигров.

— Чем мы можем помочь тебе, наш шах? — спрашивали они.

Узнав, что надо юноше, птица Сымруг и повелитель тигров приказали птицам и тиграм немедленно собрать сюда всех джейранов гор и степей. За какой-нибудь час это приказание было выполнено.

Напрасно старшие зятя падишаха целый день гоняли своих коней — ни один джейран не попался им на глаза, они все были около мужа младшей сестры. И вдруг незадачливые охотники наткнулись на великое сборище мирно пасущихся джейранов и не разбежавшихся при виде всадников. Что за чудо? А когда увидели прекрасного юношу, а около него огромного тигра, то поняли, что он повелитель зверей и в обиду их не даст. «Придется идти к нему на поклон!» — вздохнули гордые зятя падишаха и, согнувшись в бараний рог, издали приветствовали его.

— Подойдите поближе, охотники, — сказал юноша.

— Мы боимся подойти ближе, — отвечали они. — Около вас тигр стоит.

— Не бойтесь! Тигр стоит со склоненной головой, он готов оказать мне услугу. А у вас ко мне какое дело?

— Наш падишах тяжело болен. Лекарством для него может быть только мясо джейрана. Мы целый день рыскали по степи, по горам, но ни один джейран не попался нам на глаза. Все они, оказывается, здесь. Не сможете ли вы помочь нам?

Юноша подумал и ответил им:

— Вы ведь знаете, что когда умирает среди вас один чело-

век, вы скорбите, плачете. Так и мы жалеем каждого из животных. Ну уж если вы пришли с просьбой, так и быть, мы вас уважим, дадим по джейрану, но чтобы вы вторично не являлись к нам, приняв другую личину, мы должны будем поставить на вашем теле знак.

— На теле знак? — ужаснулись охотники.

Старший зять уже был готов сказать: «Нет!», но, посмотрев на другого, подумал: «Я приеду с пустыми руками, а этот джейрана привезет, и падишах трон ему оставит. Да и кто увидит, как тавро будут ставить?».

— Я согласен! — крикнул он.

— Я тоже согласен! — крикнул другой.

— Только шкуры, головы и ножки вы мне отдадите, а туши себе возьмете. Согласны?

— Согласны! Согласны! — наперебой ответили падишахские зятья.

Пришлось немного подождать, пока птица Сымруг летала в деревенскую кузницу за клеймом. Накалив клеймо, юноша спросил, куда тавро ставить. Тот и другой подставили бедра.

— Вай! — кричит истошным голосом один.

— Вай! Вай! — еще громче кричит другой.

Оба катаются по земле, света от боли не видят.

— Да что вы кричите, как женщины! Всех джейранов распугали!

По знаку, данному юношей, птица Сымруг вмиг разогнала животных. На земле остались валяться лишь два маленьких затоптанных джейранчика.

Хмурые влезли на своих коней падишахские зятья, отправляясь в обратный путь. Единственным утешением было, что везут они в хурджунах джейранье мясо. Они еще не знали, что в эти хурджуны, пока они катались по земле, юноша насыпал зерна сухой полыни...

Домой к своей молодой красавице-жене юноша вернулся в своей обычной личине плешивого. Принес он джейраньи головки и ножки.

— Ну-ка приготовь из этого обед и отнеси отцу.

Жена начала варить, как умела.

А старшие зятья тем временем пришли во дворец и гордо заявили падишаху:

— Мы вернулись с охоты.

Старшая дочь приготовила из мяса джейрана плов и принесла его отцу. Падишах взял в рот кусочек мяса, но, не успев еще разжевать, начал плевать:

— Почему мясо горькое? — рассердился он.

В это время в покои падишаха вошла с пловом другая

сестра, и падишах стал пробовать ее плов. Разжевал кусочек мяса и опять рассердился:

— Что за напасть! Этот еще хуже.

Сплюнул он и отвернулся к стене.

Пришла младшая дочь.

— Отец,—говорит она,—попробуй этой каши.

— Ничего мне от тебя не надо! — закричал падишах.— Убирайся отсюда со своей кашей.

Тогда мать дочерей говорит падишаху:

— Мой падишах! Ведь она твоя кровная дочь. Попробуй приготовленное ею кушанье.

Падишаху хотелось есть и он не заставил себя долго упрашивать. Повернулся от стены, придвинул к себе блюдо с кашей. Ест и молчит. Молчал до тех пор, пока блюдо опустело.

— Нет ли еще немножко? — спросил он.

— Сейчас пойду посмотрю, может, от плешивого осталось,—сказала младшая дочь и поспешила домой. Дома она рассказала мужу все, как было.

— Подожди немножко,—смеется плешивый. Он насыпал сверху каши немножко сухого навоза.

— Что ты делаешь? — испугалась жена.

— Ты поставь это блюдо перед отцом и ничего не говори,—учит ее муж.— А когда отец разберется, что это навоз, ты попроси извинения: «Живем, дескать, мы в черной кибитке, вот навоз и попал...»

Жена смекнула в чем дело, и скорей во дворец. Только она поставила блюдо перед отцом, а он взял в руки первый кусочек, как сразу увидел, что это не мясо, а сухой навоз.

— Что это такое? — гневно спросил падишах.

— Не знаю, отец,—смирненно отвечала дочь.— Живем мы в грязи, и как ни старайся, чистоты не будет.

— Сейчас же дать им старенький домишко! — приказал падишах.

Но молодые продолжали жить в черной кибитке. Жилось младшей сестре в ней неплохо, но уж очень донимали ее насмешки старших ее сестриц. Как только встретится она с ними, так они смеются над ней.

— Вай, вай! До чего ты дожила, глупая, выйдя замуж за плешивого оборванца!

Однажды молодая женщина не вытерпела и говорит своему плешивому мужу.

— Ты владеешь каким-то чудом. И ты должен показать его моей родне. Я уже больше не могу терпеть насмешек.

— Ладно,—согласился он.— Только ты в это время будь с ними. Когда я появлюсь перед вами на коне, ты скажи сестрам:

«Вот мой муж едет!» Они, конечно, скажут: «Если ты желала такого мужа иметь, то зачем выходила замуж за плешивого?» А ты тогда скажи им: «А если это окажется мой муж, вы станете тогда моими служанками? Если этот всадник окажется не моим мужем, я буду вашей служанкой».

Научил так плешивый свою жену, а потом сел на свою хромую кобылу и уехал со двора. А жена пошла во дворец к отцу, куда должны были прийти старшие сестры.

Расположившись у открытого окна, младшая падишахская дочка вдруг воскликнула:

— Вон едет мой плешивый муж!

— Нашла кому радоваться,— сказали с насмешкой старшие сестры, но все же подошли к окну. Но, увидев прекрасно одетого всадника, с блестящими на солнце доспехами, на горячем скакуне, громко рассмеялись...

— Замолчи ты, неразумная! Если ты мечтала о таком муже, зачем выходила замуж за плешивого оборванца?

— Если это мой плешивый, то вы будете моими служанками, а если это не мой муж, я буду вашей служанкой. Согласны?

— Согласны, согласны! — говорят сестры, продолжая хохотать.

А младшая кричит из окна всаднику:

— Сходи с коня! Заходи!

Всадник спрыгнул с коня, привязал его к своей черной кибитке и вошел в нее.

— Вай! — ужаснулись старшие сестры. И впрямь этот блестящий всадник муж младшей сестры, если он зашел в свою черную кибитку. У него есть какая-то тайна.— Они теперь уже не смеялись.

А плешивый пообедал дома, а потом выехал за город и подпалил перо птицы Сымруг и волосок тигриной шерсти. Тотчас же стали слетаться к нему птицы Сымруг и сбегаться тигры. А в городе разнесся слух, что появился какой-то шах с тиграми и птицами. Мигом этот слух достиг и падишахского дворца.

Падишах очень испугался и дал приказ: «Всем жителям города — мужчинам и женщинам, взрослым и детям — приказываю идти встречать могущественного шаха». Сам падишах возглавил это шествие.

Встречая неизвестного, но, видимо, знатного путешественника, падишах поклонился и протянул обе руки.

— Издалека ли прибыли в наши места и далеко ли направляетесь? — спросил падишах.

— Я следую с Запада на Восток. У меня сбежали два раба и спрятались в вашем городе. Мы пришли за ними. Как только поймаем их, так направимся дальше,— отвечал юный шах.

— Вай, в нашей стране не должно быть таких. Здесь со мной находятся все мужчины нашей столицы. Посмотрите, и если вы найдете среди них своих рабов, забирайте их,— сказал падишах.

— О падишах, я знаю точно, что мои рабы в вашем городе. Если вы не найдете их, то я сам найду, но вам будет стыдно. Поэтому вы прежде сами поищите их среди ваших подданных,— говорил шах.

— Кого здесь нет, кто остался в городе?— спросил падишах своих приближенных.

— В городе остались только ваши зятья,— отвечали визири.

— Сейчас же приведите их сюда,— приказал падишах и обратился к шаху:

— О шах! В городе никого не осталось, кроме моих зятьев, сыновей визиря и векиля, но они сейчас придут сюда.

— Хорошо, пусть придут, посмотрим,— сказал шах.

Услыхав о приезде могущественного шаха с полчищами тигров, оба старших зятя падишаха спрятались со страху. Один — в высокую печь, другой — в яму. Посланцы падишаха никак не могли их разыскать, пока одна старуха не надоумила их заглянуть в тамдыры и ямы. А когда есаулы стали подводить пытавшихся бежать зятьев к падишаху, прибывший шах воскликнул:

— Вот они, мои рабы!

— О шах, это мои зятья, сыновья моих приближенных! — уверял падишах.

— О падишах! Стоит снять с них одежду, как мы узнаем, кто они. Если на бедрах у них мое тавро — они мои рабы, а если нет — ваша правда.

Изо всех сил сопротивлялись зятья, не давая снимать с себя одежду. Но сопротивление было бесполезно, и скоро все увидели клеймо на бедрах падишахских зятьев.

— Мы ничего больше не можем сказать,— еле вымолвил падишах, опускаясь в изнеможении на землю.

— Сейчас я их оставлю у вас,— сказал шах,— но по дороге обратно заберу с собой.

Падишах уже был рад тому, что отвязался от шаха. А шах освободил всех тигров и птиц Сымруг и поехал в город. Жена встретила его с великой радостью и повела в кибитку.

Увидев это, люди побежали к падишаху и рассказывают:

— О падишах! Тот шах приехал к вашей младшей дочери, и они, взявшись за руки, вошли в кибитку. Это, конечно, твой плешивый зять, только он совсем не плешивый, а лицо его светится красотой.

Падишах побежал скорее к черной кибитке и видит — все правда, что сказали люди.

— Молодец, доченька,— хлопает по плечу падишах свою младшую дочь.— Знала ты, за кого замуж выйти. А мы оказались глупцами. Я уже стар стал,— говорит падишах, обращаясь к младшему зятю,— свой престол я передам тебе.

— Нет,— ответил тот.— Мне не нужно трона. Трон у меня есть в своей стране. Мне нужна дружба.

— Ты с этого времени мой самый любимый зять, больше того — сын! — отвечал падишах.— Дружба наша будет нерушима.

Жизнь у молодой четы могла бы быть теперь легкой, почетной, беззаботной, если бы не мечта молодого шаха найти свою потерянную родину. Ему всегда снились дорога, препятствия на пути, борьба, но не было боязни перед ними. Однажды он видит сон, что выходит из города через юго-западные ворота. Дорога привела его в какой-то город, где он стал бороться с неизвестным пальваном. Вдруг с этого пальвана упала маска, открыв красивое лицо девушки. Он вздрогнул во сне — и проснулся. Целый день он думал об этом сне, а на следующее утро собрался в дорогу.

— Я поеду на охоту,— сказал он жене и уехал.

Он выехал из города через юго-западные ворота, которые ему приснились, и следовал по той дороге, которую видел во сне. Долго ли, коротко ли он ехал, наконец, достиг города, где падишахом была девушка-пальван. Эта девушка говорила: «Кто победит меня в борьбе, за того я выйду замуж». Того, кто пробовал бороться с ней, но был побежден, по ее приказу бросали в колодец, предварительно связав руки, чтобы не мог выкарабкаться оттуда. Много юношей погибло и желающих испытать свои силы в борьбе с пери уже не стало.

Молодой шах въехал в город, а навстречу ему — сама перипадишах. Вместо приветствия она говорит:

— Стреляться будешь или бороться?

— Бороться,— отвечал шах.

Падишаху-пери понравился красивый юноша. «Если бы он поборол меня!..» — думала она, желая поддаться.

Началась борьба. Когда сильный юноша поднял ее, чтобы бросить на землю, пальван-пери испугалась и подняла маску с лица.

«Какое красивое женское лицо!» — Шах растерялся, ослабел — и в один миг очутился на земле. Связанного по рукам и по ногам, она бросила его в колодец. Около колодца поставила караул и приказала: «Каждый день давать ему каплю живой воды. Он должен жить».

Сидит шах в колодце, а дома жена ждет не дождется, горюет, плачет. От тоски-печали сморщилась, как старуха.

Загоревал о брате и старший брат-близнец.— Яблоко, лежавшее на окне, сморщилось.

— Вай! Мой брат попал в беду! — убивался юноша.

Он отправился на поиски по той самой дороге, по которой уходил дервиш, держа за руку его младшего брата. Долго ли, коротко ли он шел, наконец, дошел до крепости дэва. Видит, сидят на вершине дерева попугаи, хохочут, заливаются.

— Что вы смеетесь? — спросил шах.

— Мы радуемся, — отвечают птицы. — Ты избавился от злодея, убил его, и вот опять мы видим тебя живого, здорового.

«Попугаи принимают меня за моего брата», — подумал шах. — «Значит дервиш был колдуном и мой брат убил его». Он подошел к воротам пещеры и прочитал надпись, сделанную братом. Потом нашел ключи, вошел в крепость, стал открывать двери комнат. Там, где было серебро и золото, он выкрасил локоны на одном виске в золото, а на другом — в серебро. Богатства не прельщали его, он тут же оставил пещеру и отправился в путь. С вершины чинары, где было гнездо Сымруг, он слышит приветствие:

— О шах! Благополучно ли ты возвратился в наши места?

Шах понял, что опять его принимают за брата. Ответив на приветствие, он не стал задерживаться и отправился дальше.

В дремучем лесу повстречался тигр. Шах хотел спастись бегством, а тигр говорит:

— О шах! Зачем ты бежишь от меня? Разве я могу обидеть тебя, моего спасителя!

Шах понял: брат проезжал здесь, значит, он на верной дороге. Наконец, он достиг города, где жил брат. Все здоровались с ним, как со знакомым, а младшая дочь падишаха, как завидела его, так и бросилась ему навстречу, плача от радости.

— Пойдем домой!

«Это, наверное, жена моего брата», — догадался он и пошел вместе с нею.

Дочь падишаха хотела привязать его коня, но шах не дал ей это сделать. Дочь падишаха вскипятила чай и хотела сесть рядом с ним, но он сказал:

— Я один буду пить чай.

Дочь падишаха постелила постель, сказала: «Ложись!»

Шах лег в постель, а когда рядом с ним легла невестка, он положил между ней и собою саблю, сказав:

— Если перекинешься через эту саблю, она пронзит тебя. Не вздумай этого сделать!

— Что с тобой случилось? — плачет дочь падишаха. — Сказал, что едешь на охоту, а сколько времени не возвращался! А сейчас ведешь себя как посторонний мужчина.

Шах ничего не ответил — уснул. И снится ему сон, что его брат выехал из города через юго-западные ворота, ехал дальше в юго-западном направлении и приехал в город пери. Здесь стал бороться с девушкой-пальваном и из-за ее коварства попал в заточение. Шах вдруг проснулся. Быстро надев доспехи, он сел на коня и направился к юго-западным воротам. Без отдыха гнал он коня, чтобы скорее достигнуть города пери и освободить милого брата.

Только въехал он в город, как навстречу ему падишах-пери.

— Как смел ты выпустить на волю человека, которого я посадила в колодец! — накинулась падишах-пери на караул у колодца.

— Нет, — отвечал караул. — Заключенный сидит на месте, а это — другой человек.

— Стреляться будем или бороться? — обратилась тогда девушка к прибывшему шаху.

— Бороться! — ответил шах и тут же начал борьбу.

Ослабевшая от борьбы пери сбросила маску, рассчитывая поразить противника и воспользоваться его замешательством, но этим шаха она не удивила, он знал, что она девушка, но злая, бессердечная, и рука его не дрогнула в борьбе. Он победил ее и, приставив к ее шее саблю, спросил:

— Где мой брат?

— Вай! Не убивай меня! Я сейчас освобожу твоего брата. Когда заключенного вытащили из колодца, он был еле жив.

— Сейчас же дайте ему лекарства, — приказал шах.

Все его приказания немедленно выполнялись, и скоро младший брат стал поправляться. Набравшись сил, он рассказал старшему брату все, что приключилось с ним, как помогли ему птицы и звери, как он избавился от смертельной опасности, как нашел верную подругу жизни.

Когда больной встал на ноги, братья отправились в путь. Прежде всего поехали за женой младшего брата, а потом втроем отправились на милую родину.

Весь народ собрался к падишахскому дворцу, чтобы приветствовать вернувшихся из странствий молодых шахов и узнать все, что пришлось им перенести. Братья охотно рассказали, а потом начался той, который длился несколько дней и ночей. Много там было плова и бараньего мяса. Я тоже был на этом тое, нес оттуда чашку плова и кусок мяса, но по дороге споткнулся и упал. Плов рассыпался, а мясо утащил Акбилек, и живот мой пустым остался...

ЖЕНЩИНА НА ТРОНЕ

ил некогда один бай. У него было столько много верблюдов, коров и овец, что вокруг не хватало для них пастбищ.

Этот бай был жаден и скуп. Он и сам не ел досыта и дочь свою держал впроголодь, давая ей лишь облизывать миски с объедками.

Единственный брат бая очень бедствовал, но бай ему не помогал. Бедный брат умер с голоду, а богатея пожалел денег на саван, и односельчанам пришлось похоронить беднягу на свой счет.

После младшего брата остался сын, юноша шестнадцати лет, который служил пастухом и тем зарабатывал себе на лепешки.

Случилось так, что этот юноша полюбил девушку такой красоты, что не ешь, не пей, а только любуйся на нее. Девушка,— дочь бедных родителей,— ответила юноше любовью.

Узнав об этом, родители девушки решили не препятствовать желанию единственной дочери и выдали ее замуж за пастуха.

Парень и девушка были счастливы, хотя и жили в большой бедности.

Однажды скупой бай встретил на улице красавицу, жену своего племянника, и влюбился в нее. Не зная, кто она, бай пошел за ней и увидел, что красавица скрылась в обветшалом дворе его брата, умершего с голоду.

Тогда бай задумал добиться своего.

На другой день он позвал племянника, которого до тех пор не пускал на порог, и ласково сказал:

— Как поживаешь, племянничек? Почему избегаешь меня? Нехорошо забывать своих родственников: ведь ты же сын моего любимого брата!

Юноша удивился и подумал про себя:

«Что значат эти слова моего дяди, который никогда не заходил к нам во двор, ничем не помогал отцу и даже не сшил ему савана? Может быть его стало мучить раскаяние и он решил как-нибудь загладить свою вину?»

— Ладно, дядюшка,— не сразу ответил юноша,— впредь я буду навещать тебя, и если понадобится моя работа, то не стесняйся. Уж такая у меня доля — работать на людей.

Бай с притворной обидой сказал:

— Я не чужой тебе, чтобы ты на меня, как на людей, работал! Завтра, если будет угодно богу, мой караван с товарами

тронется в путь,— мне нужен свой человек, чтобы присматривать за торговлей, которую я доверил разным людям. Завтра же отправляйся с этим караваном, а в дальнейшем, если будем живы и здоровы, ты привыкнешь к торговле и избавишься от своей бедности.

— Что ж,— согласился парень,— мне все равно, кому служить. Только если я надолго уеду с караваном, кто же позаботится о моей жене? Хоть и трудно нам жилось до сих пор, но на лепешки и чай я все-таки зарабатывал.

— Эх, племянничек,— сказал бай,— не грешно ли тебе думать, что родной дядя оставит без попечения твою жену? Уж он о ней позаботится!

Племянник поверил словам дяди и сказал:

— Раз так, я согласен идти с караваном.

Отправив племянника в далекий путь, бай стал ожидать, когда со дня ухода каравана минует три месяца и десять дней. За это время он ежедневно посылал жене племянника черствые лепешки, которые сам уже не мог разжевать.

По истечении трех месяцев и десяти дней бай пришел к красавице-девушке и с притворным плачем сказал:

— Большое горе постигло нас! Умер мой дорогой племянник, а твой муж!

Бай осторожно теребил свой халат, как будто собирался порвать на себе одежду, и сильно тер глаза, стараясь выдавить слезы. Затем он ушел, оставив жену племянника в слезах и печали.

На другой день рано утром бай снова пришел к ней и сказал:

— Слезами горю не поможешь! Лучше послушай, что я тебе скажу. Сегодня прошли положенные по закону три месяца и десять дней твоего вдовства. С завтрашнего дня ты можешь перейти в мой дом со всем имуществом моего племянника.

Сказав это, он протянул руки, чтобы обнять жену племянника, а она, схватив тяжелый глиняный кувшин, ударила им бая по голове и крикнула:

— Вот тебе за твой совет!

Бай поплелся восвояси. Придя домой, он смыл со лба кровь и стал думать о том, как отомстить строптивой красавице.

Придумав кое-что, он позвал двух бродяг и предложил им быть лжесвидетелями. Те согласились, и он дал им немного денег и научил их, что они должны говорить на суде.

Затем бай пришел к кази и пожаловался:

— Сын моего младшего брата уехал с караваном по моим торговым делам и поручил мне присматривать за своим домом и за женой. Как только он уехал, жена племянника повела рас-

путную жизнь — каждую ночь она оставляет у себя какого-нибудь гуляку, а когда я попытался усовестить ее, она пригрозила мне смертью. Один раз я застал ее в то время, когда она совершала прелюбодеяние. Распутный парень который был с ней, кинул в меня глиняный кувшин и расшиб мне лоб. Если бы я не убежал, он, наверное, убил бы меня.

— А есть ли у тебя свидетели ее прелюбодеяния? — спросил кази.— По шариату нужно выставить двух свидетелей.

Бай сказал, что свидетели у него есть, и кази приказал привести их. Лжесвидетели пришли и повторили то, чему научил их бай.

Тогда кази приказал привести женщину, обвиненную в прелюбодеянии.

— Расскажи все, как было, блудница! — приказал он.

Женщина рассказала, как бай приставал к ней и как она прогнала его, разбив ему лоб кувшином.

Кази не поверил ей.

— Есть два свидетеля, подтверждающих жалобу бая,— сказал он.— А за то, что ты занималась прелюбодеянием, тебя нужно забросать камнями.

Стражники поволокли женщину за город и на перекрестке семи дорог вырыли яму глубиной в вытянутый кушак. Бросив в эту яму невинную женщину, они забросали ее камнями так, что образовалась целая насыпь. После того стражники разошлись, а женщина очнулась под камнями и начала стонать.

В это время мимо места казни проезжал на верблюде один чабан. Услышав женские стоны, он расшвырял камни и вытащил из ямы едва живую красавицу, всю залитую кровью.

Чабан повез ее к себе домой. Несколько дней он смазывал ей раны разными снадобьями, а когда она начала поправляться, к нему пришел бай. Увидев женщину, он ласково сказал:

— Красавица, выходи за меня замуж, будешь моей любимой женой, а прежняя жена будет тебе прислуживать. Если выйдешь за меня замуж — жалеть не будешь.

— Как только лицо твое не почернеет от таких слов? — ответила красавица.— Никогда я не буду твоей женой!

Жена бая узнала, что муж хочет взять вторую жену, и стала из ревности упрекать мужа. А тут еще на беду байский раб увидел красавицу, когда она вышла с кувшином за водой, и тотчас же влюбился в нее. Он пошел за ней к ручью, бросился на нее и схватил в объятья. Женщина вырвалась из рук раба и в гневе крикнула:

— Чтоб рука твоя отнялась!

В тот же миг рука, которой раб обхватил женщину, безжизненно повисла.

Раб затаил зло и решил погубить женщину так, чтобы его ни в чем не могли заподозрить.

Ночью, когда бай с женой и трехлетним сыном уснули, раб пробрался через дымоходное отверстие в кибитку и ножом убил мальчика. Затем он тем же путем вылез наружу, забрался в кибитку, где спала красавица, и подложил ей под подушку окровавленный нож. Проделав всё это, он скрылся.

Утром бай увидел убитого сына, кинулся искать убийцу и нашел окровавленный нож под подушкой женщины.

Бай разбудил ее и спросил:

— Как попал к тебе этот нож?

Женщина поклялась, что впервые видит нож.

Тогда бай подумал, что мальчика убила жена, ослепленная ревностью, чтобы затем оклеветать красавицу и погубить ее.

— Уходи сейчас же из моего дома, а то дело может обернуться плохо! — сказал бай и дал женщине сорок золотых. Она тотчас же покинула дом бая и пустилась в путь.

Долго ли шла она, коротко ли, но, наконец, дошла до окраины какого-то города и увидела окруженную толпой виселицу. Под виселицей стоял человек, которого палачи собрались повесить.

Женщина подошла к толпе и спросила:

— За что хотят повесить этого человека?

Ей ответили:

— Он неисправимый вор. Но его отпустили бы на свободу, если бы он внес в казну сорок золотых. Этих денег у него нет, и никто не хочет выкупить ему жизнь.

Женщина пожалела вора, бросилась к палачам и сказала:

— Не вешайте этого человека, я даю за него в вашу казну сорок золотых.

Палачи сосчитали деньги, которые она вручила, и, сняв с вора петлю, сказали:

— Благодарите эту женщину и убирайтесь! Да смотри, не попадешься нам в руки!

Женщина пошла дальше. Освобожденный вор захотел пойти вместе с ней.

В дороге они повстречали купеческий караван.

Вор остановил одного купца и, указав на свою спасительницу, предложил:

— Не купишь ли рабыню, купец? Она сбежала от меня, но я догнал ее. Такая рабыня мне больше не нужна, и я возьму за нее недорого.

Купцу приглянулась красавица, и он охотно согласился купить ее. Как женщина ни объясняла ему, что она спасла жизнь вору, как она ни плакала, купец не хотел ей поверить и пото-

ропился заплатить деньги: он боялся, что другие купцы пленятся ее красотой и заплатят больше.

Купив таким образом женщину, он тотчас же заставил ее переодеться в мужское платье, чтобы встречные принимали красавицу за погонщика каравана.

Вор простился с женщиной и при этом сказал:

— На деньги, которые дал за тебя купец, пойду сыграю в кости. Может, эти деньги принесут счастье.

— Если бы у тебя была совесть, она бы покрылась черными пятнами,— сказала женщина.— Но так как у тебя нет совести, то пусть пятна покроют твое тело!

Едва женщина успела произнести проклятье, как на теле вора выступили черные пятна.

Красавица под видом погонщика каравана пошла с купцом.

Караван дошел до берега широкой и быстрой реки. Здесь купец погрузил свои товары на корабль, посадил туда людей и рабыню и поплыл по течению реки.

Вскоре поднялась буря, и корабль перевернуло. Все утонули, кроме красавицы,— она успела уцепиться за обломок мачты, и волны выбросили ее на берег.

Освободившись от рабства, женщина в мужском платье срезала с дерева толстый прут, сделала из прута палку и поплелась куда глаза глядят.

Ночью она дошла до какого-то города. Ворота были закрыты, и женщине пришлось заночевать у городской стены.

В эту ночь как раз умер падишах, и, по обычаю страны, старейшие и самые уважаемые люди города должны были встретить первого путника, вошедшего в ворота, и сделать его падишахом.

На рассвете старейшие люди отворили ворота и встретили первой переодетую красавицу. Приняв ее за мужчину, они подхватили «путника» под руки и повели во дворец.

Красавица стала умолять их:

— Отпустите меня, добрые люди! Я никому не причинил зла! Я бедный путник, которому негде приклонить голову!

— Парень,— сказал один из старейшин,— не разговаривай много! Тебе ничто не поможет, сейчас мы провозгласим тебя падишахом!

— Какой же из меня падишах,— продолжала умолять красавица.— Я жалкий бездомный нищий, перед которым все люди затворяют свои двери!

Никто не слушал «путника». Красавицу нарядили в одежды падишаха и посадили на трон.

С тех пор женщина стала царствовать, и вскоре о ней пошла слава, как об очень справедливом падишахе. Кто бы ни обращал-

ся за помощью, она никому не отказывала. Помимо того, она обладала даром исцелять людей от разных недугов.

Пусть она царствует пока, а вы послушайте, что случилось со скупым баем и его племянником.

С того дня, как бай оклеветал ни в чем не повинную женщину, он стал слепнуть, и оба его глаза быстро затянулись бельмами.

Через некоторое время возвратился племянник с товарами, которые он закупил в разных странах. Не застав дома жену, он спросил у ослепшего дяди, что случилось с ней.

Бай стал притворно всхлипывать и повторил ту клевету, которой он погубил женщину.

— Глядя на распутство твоей жены, замужние женщины начали подражать ей. Самому кази пришлось вмешаться, чтобы искоренить пагубную заразу. Она получила по заслугам.

Сказав так, бай еще пуще заплакал.

Юноша поверил ему и от гнева на свою жену раздулся, как глиняный кувшин.

На другой день он пришел к баю и сказал:

— Дядюшка, много стран я объездил и во многих городах побывал. В одном царстве,— слышал я,— правит падишах, который умеет врачевать и излечивать от всех недугов. Я повезу тебя к нему, и он исцелит тебя от слепоты.

Бай с радостью согласился, и дядя с племянником сели на верблюдов и поехали в то царство.

По дороге им пришлось переночевать у одного бая. За ужином гостям прислуживал раб, у которого одна рука висела, как сухая плеть.

Жадный бай спросил у гостеприимного хозяина:

— Что случилось с рукой твоего раба?

— Одна женщина прокляла его, и он стал сухоруким,— ответил хозяин.

Юноша, племянник жадного бая, предложил хозяину поехать вместе с рабом к падишаху, который излечивает от всех недугов.

Бай согласился, и они вчетвером отправились в путь.

Вскоре им встретился оборванный человек, у которого все тело было покрыто черными пятнами.

— Отчего у тебя такие пятна?— спросил племянник бая.

— Одна женщина прокляла меня,— ответил путник.

— Если так,— сказал юноша,— едем с нами к падишаху, исцеляющему людей от всех недугов.

Путник согласился, и они поехали впятером.

Долго ли ехали, коротко ли, но, наконец, добрались до столицы справедливого падишаха и пришли к нему во дворец.

Есаулы не гнали их взащей, а сразу пропустили в покои.

Когда они вошли, женщина-падишах тотчас же узнала всех, но никто из них не узнал ее.

— Дорогие гости, с какими печальями пожаловали ко мне? — спросила она путников, и те принялись рассказывать о своих недугах.

Женщина-падишах выслушала их и прежде всего обратилась к жадному баю:

— У тебя, наверное, большой грех на совести, если глаза твои ослепли? Покайся в своем грехе, и тогда я смогу тебя исцелить.

Жадный бай ни за что не хотел признаваться в своем подлом преступлении.

— Нет за мной никакой вины, — твердил он.

Тогда женщина-падишах сказала:

— Если сам не рассказываешь, то расскажу я.

И она по порядку рассказала все, что проделал с ней дядя ее мужа.

Бай упал на колени и на этот раз заплакал уже непритворными слезами.

— Сжался, падишах! — воскликнул он. — Все, что ты рассказал, истинная правда. Каюсь я, грешный, в своем преступлении!

Племянник выхватил нож и подступил к своему дяде:

— За мученическую смерть жены ты ответишь мне кровью!

Женщина-падишах приказала есаулам оттащить его в сторону и предупредила всех:

— Если вы не будете оказывать мне уважения, я никогда не стану лечить вас.

Затем она обратилась к рабу:

— И ты, видно, совершил тяжкое преступление! Покайся, если не хочешь, чтобы я сама рассказала все, что ты сотворил.

Раб упал на колени и чистосердечно во всем признался.

Тогда его хозяин выхватил нож и кинулся на него.

— Ах, разбойник! — закричал он. — Так это ты перерезал горло моему трехлетнему сыну! А я думал, что это сделала моя жена, и прогнал из дому невинную женщину. За кровь сына ты ответишь своей кровью!

Есаулы, по приказанию падишаха, оттащили хозяина от раба.

Тут очередь дошла до больного с черными пятнами на теле. Он упал на колени и покался в своем преступлении:

— Я самый недостойный человек и неисправимый вор! Одна добрая женщина спасла меня от смертной казни, а я объявил ее беглой рабыней и продал какому-то купцу. Женщина прокляла меня, и с тех пор по телу моему пошли черные пятна.

Женщина-падишах поднялась с трона и сказала:

— Я выслушала вас, а теперь идите в караван-сарай и там отдохните с дороги. Мне нужно подумать, как исцелить ваши недуги.

В полночь в караван-сарай пришел падишахский есаул и разбудил племянника бая.

— Вставай,— сказал он,— тебя зовет падишах.

Племянник бая пошел во дворец, не понимая, зачем посреди ночи он понадобился падишаху.

«Ни на какие болезни я не жаловался и никаких преступлений не совершил,— думал он.— Что же хочет сделать со мной могущественный падишах?»

Придя в покои падишаха, он увидел сидевшую на троне красивую женщину в царских одеждах. Не узнав своей жены, он остановился у трона и почтительно наклонил голову.

Тогда женщина-падишах сказала:

— Да просветлеют твои очи! Разве не узнаешь своей жены?

Юноша вскинул голову, узнал любимую жену и кинулся обнимать ее.

Красавица рассказала ему о всех своих злоключениях и закончила так:

— Возлюбленный муж, теперь ты садись на трон и царствуй. Отец твой умер с голоду, так не допускай, чтобы в твоём царстве кто-нибудь голодал.

Пусть счастливые муж и жена беседуют, а вы послушайте, какое чудо произошло в караван-сараяе.

Гости падишаха поднялись, когда в караван-сараяе наступило утреннее оживление. Что же произошло! Слепой бай прозрел, у вора сошли с тела черные пятна, а у раба поправилась рука, и он смог наколоть дров, чтобы вскипятить чай.

После того как они все напились чаю, явился есаул и позвал их к падишаху.

Придя во дворец, они увидели сидевшего на троне племянника бая в царских одеждах, а возле него женщину, красивую, как полная луна. Все узнали ту самую красавицу, в которую каждый из них был влюблен. Жадный бай всплеснул руками, от испуга на макушке у него вздыбились волосы.

— Что с ним делать?— спросил племянник бая у своей жены.— Я прикажу его казнить вместе с рабом, который хотел погубить тебя, и вором, который продал тебя в рабство.

— Нет,— ответила красавица,— они покаются в своих преступлениях, и я прощаю их. Пусть теперь идут, куда пожелают.

Чабана, который выкопал ее из-под камней и спас ей жизнь, женщина наградила богатыми подарками, а после того устроила пир, который длился сорок дней и сорок ночей.

ил-был падишах. Его слуги ходили меж людей и подслушивали, о чем они говорят. Как-то вышел в город визирь и слышит какой-то странный стук. «Что это такое?»—подумал он и заглянул в кибитку, откуда этот стук слышался. Смотрит, сидит человек, ткет ковер и приговаривает: «О мой язык, умоляю тебя—не принеси несчастья на мою голову».

«Тут есть какой-то смысл»,—подумал визирь и стал ходить к этой кибитке каждую ночь.

На свете не было другого мастера, который бы ткал такие красивые ковры. Однажды он закончил свой ковер и вынес его на базар. Увидел ковер один из приближенных падишаха и поспешил во дворец.

— О мой повелитель,—сказал он,— я пришел вам сказать, что один человек вынес на базар ковер невиданной красоты. Этот ковер не подойдет ни к какой кибитке, кроме вашего дворца.

— Иди и приведи этого человека,—приказал падишах.

— Слушаюсь и повинуюсь!

Подошел этот человек к ковроделу и сказал:

— Тебя зовет падишах.

Свернув ковер, мастер пошел к падишаху.

Падишах нимало удивился, увидев такой чудесный ковер.

— Что стоит твой ковер?—спросил падишах.

Хозяин назвал цену. Падишах расплатился, и ковродел ушел. Тем временем падишах созвал своих визирей и векилей и сказал:

— Я купил прекрасный ковер.— Вот он!—Падишах показал ковер.— Посоветуйте, как лучше его использовать?

Один советовал постелить его тут, другой—там, третий—повесить на стену. Молчал лишь визирь.

— Мой визирь,—обратился к нему падишах,— все что-то советуют, один ты молчишь.

— Великий падишах,—сказал визирь.— Я бы советовал спросить об этом того человека, который продал ковер. Он лучше нас знает, что надо делать с этим ковром.

Падишаху понравилась эта мысль, и он приказал доставить ковродела во дворец.

— Ты соткал этот ковер,—сказал падишах, когда хозяин ковра пришел,— а мы его купили. Не посоветуешь ли ты нам, что теперь с ним делать?

«Сахатдурди»

«Мамед-джан»

«Находчивый бедняк»

«Трус Худайберды и лисица»

— Этот ковер, мой падишах, очень пригодится тебе, когда ты умрешь: на нем будут читать намаз. А сейчас его лучше всего свернуть и убрать.

Страшно разгневался падишах на эти слова ковродела и приказал:

— Возьмите этого человека и казните.

Вмешался визирь.

— Мой падишах,— сказал он,— умоляю, пощадите этого человека. Я услышал однажды, как он ткал ковер и говорил: «О мой язык, умоляю тебя — не принеси несчастья на мою голову». После того я много раз подходил к его кибитке и каждый раз слышал одно и то же. Мне кажется, что человек этот не виноват. Все дело в языке.

Согласившись с доводами визиря, падишах отпустил ковродела. Когда он вышел, визирь сказал:

— Лучше быть немым, чем иметь язык, который приносит несчастья.

САХАТДУРДЫ

А жуманазар-ага каждый день ездил за саксаулом и продавал его на базаре. На вырученные деньги он покупал муку, а Айгуль-эдже пекла чуреки. Обычно получалось три маленьких лепешки: одна для мужа, вторая для сына Сахатдурды и самая маленькая оставалась ей.

Сахатдурды обычно съедал свой чурек, закутывался в драный халат и ложился спать в ожидании следующей лепешки. Он никуда не ходил и ничего не делал.

Джуманазар-ага не раз хотел взять сына с собой, чтобы он помогал кормить семью, но все его попытки были безуспешны. Так они и жили.

«Вах, разве можно так жить? — как-то спросил себя Сахатдурды. — Не буду больше сидеть на шее старого отца. Пойду на заработки».

— Отец,— попросил он,— разреши мне пойти работать?

Джуманазар-ага настолько привык видеть в сыне лежебоку, что не обратил даже внимания на его слова.

Не дождавшись ответа, Сахатдурды накинул халат и пошел в ближайший аул. Идет-бредет. Смотрит, строится дом, а хозяин, по всему видно ишан, ходит вокруг этого дома, гневно ругается и поторапливает работающих.

— Ишан-ага,— обратился Сахатдурды,— я хочу наняться к вам в работники.

— Что ж,— ответил Эрназар-ишан,— я не против принять тебя, сынок, но сначала покажи на что ты способен. Вот тебе лопата — меси глину.

С готовностью взяв лопату, Сахатдурды залез в яму и пока штукатур обмазывал стену, намесил столько глины, что и двум работникам это было бы не под силу.

— Хорошо, хорошо,— похвалил Эрназар-ишан,— оставляю у себя. За работу положу тебе в два раза больше, чем плачу остальным. Все получают у меня в день миску плова и чайник чая. Кроме того, я даю по одной таньге деньгами, ты — получишь две.

Радости Сахатдурды не было предела, и он не утомимо работал до самого вечера. Получив обещанный плов, он съел одну миску и выпил чаю, а вторую миску плова захватил домой.

Дома удивились долгому отсутствию сына. А он, едва переступив порог, сказал:

— Отец, я принес тебе миску плова и две таньги. Плова вам с матерью хватит, а на деньги вы еще два дня можете прожить.

— Прокормил бы себя,— буркнул отец,— и то хорошо. А то как камень висишь у меня на шее.

Услыхав эти слова, Сахатдурды обиделся и, ничего не сказав, ушел из дому к ишану.

Там он съел плов и задумался: «Месить глину слишком тяжело. Так я могу потерять все свои силы, которые накапливал столько лет, лежа на боку. Пойду, поищу еще что-нибудь».

— Ишан-ага,— сказал он хозяину,— прощайте, я ухожу.

Эрназар-ишан уговаривал Сахатдурды, но так как он остался неумолим, отпустил его с богом.

Вечером Сахатдурды был уже в другом ауле. Там он узнал, что купцу Нобатгельды нужен работник.

— Что ж, молодой человек,— сказал купец,— пойдем к моим верблюдам, посмотрим, умеешь ли ты за ними ходить. Во-первых, оседлай вот этого нера.

Сахатдурды ловко набросил хатаб-кала, затянул подпруги, потрогал крепко ли держится седло.

Купцу понравилась сноровка юноши, и он сказал:

— Сегодня мы уходим в Чин-Мачин. Я — караван-баши. Если хочешь, возьму тебя.

Новая работа показалась Сахатдурды значительно легче, чем месить глину, и он с готовностью согласился. Как известно, он был большим лентяем. Но уж если ему что нравилось, он делал с большим рвением. Так и на этот раз. Не прошел караван и половины пути в Китай, лень не выдержала и осталась на до-

роге. Отделавшись от нее, Сахатдурды на каждой стоянке ложился позже всех, а утром вставал первым. Верблюды его всегда были сытно накормлены, вволю напоены и вовремя готовы в путь. Купец не мог нарадоваться на своего работника. После долгого, изнурительного пути караван сделал привал на два-три дня у встретившегося колодца. Случилось так, что когда нужно было продолжать путь, купец внезапно заболел. Позвав Сахатдурды, он сказал ему:

— Если я умру в дороге, не бросай меня в степи, а зашей в кожух и отправь домой. Но сам домой не возвращайся, останешься за караван-баши.

— Все сделаю, как вы хотите,— сказал Сахатдурды.

Купец поблагодарил его и скончался. Сахатдурды сделал все, как просил его хозяин, а потом собрал всех людей и передал им:

— Нобатгельды-ага,— сказал он,— поручил мне занять его место в голове каравана, а сам вернулся домой по какому-то срочному делу.

Караванщики удивленно переглянулись, но спрашивать не стали, почему купец вернулся. Ему виднее. Он — хозяин.

Так доехали они до Чин-Мачина, сняли караван-сарай и начали торг. Выгодно продав все товары, начали закупать то, что было им нужно.

Но оставим караванщиков за своим делом и посмотрим, что в это время делала дочь падишаха Чин-Мачина.

Девушка искала себе достойного жениха. К ней сватались многие сыновья падишахов и ханов, визирей и беков. Но ей ни один из них не нравился. Как-то она переоделась в мужскую одежду и пошла по городу. Обходя одну улицу за другой, один базар за другим, она увидела Сахатдурды. Высокий, статный, он заметно выделялся среди других.

«Вот юноша, за которого я выйду замуж»,— сказала она себе и захотела с ним тут же познакомиться. Но так как она была очень застенчива и скромна, то ничего не могла придумать и прибегла к помощи своей старой няни.

— О доченька,— сказала преданная няня,— к нему-то мы найдем подход, но согласится ли на твое замужество отец? Ты об этом подумала? А уж если ты решилась — сделаем. Сделаем свадьбу тайно, и скажи ему, чтобы он уходил из нашей страны, а то ведь отец узнает и что-нибудь сделает с ним.

Принцесса согласилась и спросила:

— А что для этого нужно сделать, няня?

— Прикажи, доченька,— стала поучать та,— сделать красивый крепкий сундук. Такой крепкий, чтобы он мог пролежать в воде даже сорок лет и с ним бы ничего не случилось. Залезь

в него и попроси какого-нибудь купца — я его найду — продать сундук этому юноше.

— Ай, а вдруг купец продаст его другому? — забеспокоилась принцесса.

— Об этом не беспокойся. Ты мне покажешь этого славного юношу, а за остальным я присмотрю.

Принцесса сделала так, как ей советовали. Служанка привезла сундук к купцу на базар и сказала:

— Продашь его тому, кому я покажу. Но не открывай. Если будут спрашивать другие, говори: «Не продается». Будут настаивать — проси в сто раз дороже. За то, что сундук попадет по назначению, получишь большое вознаграждение.

Купец с охотой принял предложение. Сундук был так красив, что не успели его выставить на виду, как от покупателей не стало отбоя. Но купец всем говорил так, как его учила старушка. Увидев толкотню, подошел Сахатдурды. Служанка мигнула купцу. Тот подобострастно поклонился чужестранцу и предложил свой товар:

— Замечательный сундук, молодой человек, только тебе могу продать. Очень уж ты мне понравился.

— Я бы с удовольствием приобрел, уважаемый, — ответил Сахатдурды, — но я далеко от родины и везти мне его будет неудобно, а здесь он мне без надобности.

Старушка снова моргнула купцу. Тот еще усерднее стал предлагать свой товар:

— Мой хан, возьми, не пожалеешь. Другого такого красивого и добротного сундука в целом свете не найдется. В него можно положить любые вещи, и они всегда будут в сохранности.

«А чего бы и в самом деле не взять, — подумал Сахатдурды, — раз так просят».

Уплатив какую-то мелочь, он привез покупку в караван-сарай и поставил в свою комнату. Вечером к нему пришли молодые караванщики, с которыми он уже успел сдружиться за долгий путь, и они стали ужинать. Вдруг сундук открылся, и из него вышла красивая девушка. Все, кто сидел, онемели от удивления, а двое-трое даже упали в обморок. Девушка дала им что-то понюхать и они быстро очнулись.

— Злой дух ли ты, или ангел? — спросил Сахатдурды.

— Ни то, ни другое, — улыбнулась девушка, и от того стала еще прекраснее. — Я — дочь падишаха этой страны. Всей душой я полюбила тебя, юноша, и прибегла к хитрости, чтобы увидеть тебя и никогда с тобой не расставаться. Очень прошу тебя сегодня же вывезти меня из города, а то ни мне, ни тебе не сдобровать — отец начнет поиски и обязательно меня найдет.

Оправившись от изумления, друзья стали поздравлять Сахатдурды с замечательной невестой и решили тут же отправить ее к жениху домой. Один из юношей нагрузил сундук на верблюда, попрощался со всеми и поехал.

Долго ли, коротко ли шел он, наконец достиг желанной цели и передал сундук родителям.

Отец посмотрел сундук кругом — за долгий путь он порядком истерся и потерял весь свой привлекательный вид — и недовольно пробурчал:

— Хм, как будто лучшего в Чин-Мачине ничего не было. На кой шайтан он мне нужен.

Старик, видимо, еще долго ругался бы, но в это время крышка поднялась, и из него вышла девушка невиданной красоты. Оглядевшись по сторонам, она увидела двух стариков, стоявших на рваной кошме в черной кибитке.

Старики обмерли. Они никогда не видели такой красавицы.

— Я — жена Сахатдурды, — сказала девушка голосом приятней пенья райской птички, — а вы — его папа и мама?

— Да, доченька! — подтвердил Джуманазар-ага. — Мы родители Сахатдурды. Старуха, угости невестку чем бог послал.

— Вах, моя милая, — засуетилась хозяйка, — и подать-то ничего, кроме чурека.

— Вы не беспокойтесь, — ответила принцесса, доставая кошелек с золотом. — Вот вам деньги, берите сколько хотите и купите, все что вам нужно.

Джуманазар-ага боязливо взял несколько монет и купил самое необходимое.

— Отец, — спросила невестка, — а разве не было ничего из фруктов, сладостей?

— Я не посмел тратить деньги, — потупив голову, сказал Джуманазар-ага.

— Тогда давайте, купим хороший дом с садом, или просто один сад.

Джуманазар-ага так и сделал. Он купил сад, огородил его, но сам не захотел бросать насиженного места и остался со старухой в своей кибитке. Невестка долго уговаривала их, но не добилась ничего и вынуждена была переселиться в сад одна. Но одной ей было боязно и она наняла несколько служанок, и они стали жить-поживать.

В это время страной, где жили родители Сахатдурды, правил падишах Пенди. Его наследник любил соколиную охоту и отдавал этому увлечению все свое время. Как-то раз охотничья страсть завела его далеко от дворца, и он оказался около прекрасного сада. Вспорхнул и затрепетал крыльями фазан. Царевич спустил сокола. Хищник бросился на свою жертву, но промахнулся и сел

на урюковое дерево, рыская глазами по зарослям. Царевич поднялся в седле, чтобы достать птицу, и увидел девушку невиданной красоты. От неожиданности он покачнулся, свалился с коня и потерял сознание. Один из прохожих положил юношу на седло и поспешил с ним во дворец.

Увидев царевича без сознания, во дворце поднялся переполох. Собрали всех знахарей — табибов и кое-как привели его в чувство. С этого дня юноша стал таять на глазах. Какие только лекарства ни применяли, каких только табибов ни приглашали — ничего не помогало.

Падишах оповестил, что тот, кто узнает чем болен сын и как его вылечить — будет хорошо вознагражден.

Пришла древняя старушка. Она попросила оставить ее наедине с царевичем. Когда все ушли, она начала растирать юношу, прощупала все его косточки, а потом спросила:

— Расскажи-ка, милый, где ты бывал в последнее время, что видел, что слышал.

Она так расположила к себе царевича, что он расчувствовался и признался:

— Я был на охоте и в одном саду случайно увидел девушку невиданной красоты. Она украла мое сердце, и с тех пор я не нахожу себе покоя. Только свадьба излечит меня от этого недуга.

Старушка пошла к падишаху и рассказала все, что узнала.

— Может быть, эта девушка чья-либо жена или невеста, — сказала она. — Я не могу обещать, что сумею сосватать ее вашему сыну, но узнаю все, все.

— Если свободна — сватай! — вскричал падишах.

Старушка безотлагательно пошла искать столь красивую девушку. Узнав, что она жена Сахатдурды, старушка огорчилась и все рассказала царевичу.

— О, — взмолился юноша, — что мне теперь делать несчастному.

— Ничего, ничего, мой ягненок, — успокаивала его старушка, — что-нибудь придумаем и поможем твоему горю... А что, если отправить кого-нибудь в Чин-Мачин, чтобы он отвез письмо Сахатдурды?..

— Какое письмо, бабушка?..

— Как какое?.. От его отца! Мы напишем так: «О дорогой мой сынок Сахатдурды! Невестка, которую ты прислал к нам, оказалась дурной женщиной. Сразу же после приезда она отделилась от нас, построила себе новый дом и живет так, как ей хочется. Нам стыдно слушать, что говорят о ней. Нет, не такую жену мы хотели для тебя. Пока не поздно дай ей развод, пусть она не считает себя твоей женой». Прочтет Сахатдурды такое письмо и разведется. А уж после этого мы ее посватаем за тебя.

Царевичу понравилась хитрая старуха с ее предложением. На второй же день в Чин-Мачин помчался посыльный с письмом.

Сахатдурды вскрыл письмо, прочитал. Когда всадник пришел за ответом, он тут же убил его, закопал в могилу и стал жить, как ни в чем не бывало.

Ждет-пождет царевич посыльного, а его нет. Посылает второго. Тот тоже не вернулся.

Едет третий — и его ждала та же участь.

Закончив все свои дела, как тому учил покойный купец, Сахатдурды возвратился домой. Ему хотелось проверить справедливы ли письма. Поэтому он заявился домой в полночь.

— Кто там? — спросил спросонья отец, услышав стук.

— Открой, ата!

— А, сынок дорогой! С приездом.

— Сагбол, — поблагодарил сын, — а где моя жена?..

— Она привела в порядок старый сад Кутлы-ага и живет в нем...

Сын весь задрожал от предчувствия недоброго, опрометью выбежал из кибитки, вскочил на коня и помчался. Он пытался тайком пробраться в сад. Но ему это долго не удавалось. Высокий дувал и колючий кустарник создали непреодолимые стены. Наконец он нашел в кустарнике отверстие.

Тихо, так чтобы никого не потревожить, он проник в сад и стал искать жену. В одной из комнат он заметил чуть светящийся огонек, заглянул и видит: лежит его супруга на коврах в сорок рядов, застланных атласной постелью, а с обеих сторон сидят служанки и бережно растирают ее тело какими-то благовониями.

«Если я разбужу ее, — подумал Сахатдурды, — она найдет причины для оправдания и разжалобит меня».

Выватив кинжал, он метнул его в спящую. Не успели девушки вскрикнуть, как убийцы и след простыл.

Наутро в народе поползли слухи: «Убита жена Сахатдурды!» Наиболее практичные люди, увидев, что хозяйство осталось без присмотра, стали понемногу расхищать все, что попадалось под руку. Не прошло и дня как все, кроме стен, было вынесено.

Последними пришли два друга — табиб и кузнец. Походили, поискали они чего бы взять и нашли только сундук, в котором привезли царевну, и ее труп. Подумали они, погадали и решили взять с собой и то и другое.

По дороге кузнец и говорит.

— Табиб, а табиб, отдай мне сундук. Я человек бедный и сделаю из него что-нибудь. А ты зажиточный — тебе он не нужен.

Табиб без спора сундук отдал, а труп взял. Дома он поло-

жил девушку поближе к очагу, обмыл ее раны. Прислушался, и ему показалось, что в ней чуть-чуть теплится жизнь. Табиб взял лекарство, приготовленное из разных трав, и стал растирать девушке руки, ноги. День сменила ночь, а он продолжал массировать. Утром, едва поднялось солнце, девушка открыла глаза. Через сорок дней принцесса поправилась и стала помогать по хозяйству. Она была большая рукодельница, и вскоре в дом к табибу пришло благосостояние.

Как-то к табибу пришла жена кузнеца. Увидев девушку, она сказала его жене:

— Вах, моя милая, почему же ты никогда не говорила, что у тебя уже такая дочь. Кажется, ведь она немного старше нашего сына, а такая взрослая. Хотя ведь девочки быстрее растут.

— Ой, что ты, соседка,—махнула рукой жена табиба,—это же не дочка! Это та самая девушка, которую отец моих детей принес вместе с твоим мужем из разграбленного сада Сахатдурды.

— Я так и знала,—стала возмущаться жена кузнеца,—что мой дурень даст себя обмануть. Притащил какой-то ободраный ящик, а упустил такую рукодельницу.

— Что ты, соседка! Если бы она попала к кому другому, обязательно умерла бы.

— Нет, не говори! Твой обманул моего и все! Но мы этого не потерпим. Мы найдем управу.

Жена кузнеца сверкнула глазами, погрозила кулаком и выскочила, точно ошпаренная.

Придя домой, она от порога крикнула мужу:

— Бери палку и идем!

— Куда это ты так торопишься? — удивился кузнец.

— Табиб обманул тебя, как какого-то сопливого мальчишку. Он отдал тебе ни к чему не пригодный ящик, а себе взял луноподобную деву.

— Как так? — удивился кузнец.

— Очень просто. Никто жену Сахатдурды не убивал. Она просто крепко спала. Это табиб напустил на нее чары, а потом в суматохе стащил ее у тебя из-под носа.

— Идем! — решительно заявил кузнец.— Мы отберем ее у этого наглеца.

Кузнец взял жердь, жена — палку, и они поспешили к табибу.

Тот, ничего не подозревая, пригласил друга и его жену в кибитку.

— Мы зайдем,—пригрозил кузнец,— когда выплатишь нашу долю за девушку.

— Какую долю? — удивился табиб.— Ты ведь сам говорил,

что ты беден и не имеешь средств, чтобы похоронить умершую по-человечески, и умолял отдать тебе сундук? Было?

— Было,— буркнул кузнец.— Но скажи, дашь мою долю или нет? — наступал он.

— Я хочу посмотреть, что ты сделаешь, если ничего от меня не получишь.

Табиб вытащил кол из изгороди и пошел на кузнеца. Жена кузнеца подняла крик. Из кибитки выбежала жена табиба. Завязалась драка. Женщины вцепились друг другу в волосы, а мужчины начали охаживать друг друга палками.

В самый разгар схватки вышла царица.

— Подождите,— крикнула она,— что вы не поделили?

— Тебя, дорогая,— еле переводя дыхание, сказал запыхавшийся кузнец.

— Говорят: «Сирота сама режет свой пупок»,— сказала девушка.— Ага,— обратилась она к кузнецу,— несите сюда мой сундук и всю добычу я разделю между вами поровну.

Кузнец со всех ног побежал и вскоре принес злополучный сундук. Девушка открыла его своим ключом и достала лук. Взяв одну стрелу и крепко натянув тетиву, она пустила ее. Стрела взвилась вверх и скрылась из глаз.

— Теперь, кто раньше найдет и принесет мне стрелу, тому я буду принадлежать.

Табиб и кузнец наперегонки побежали в ту сторону, куда полетела стрела, а жены за ними. В это время девушка столкнула сундук в реку, прыгнула в него и закрыла крышку изнутри.

Долго ли, коротко ли плыл сундук по реке, наконец доплыл до Хивы. В это время на берегу отдыхали жены падишаха — их у него было тридцать. Одна из них — самая младшая — заметила, что посередине реки плывет что-то. Послали они гребцов на лодке, и те вытащили сундук на берег, а потом, по приказанию старшей жены, отнесли сундук во дворец.

Только они поставили сундук на пол — щелкнул замочек, крышка открылась и из него вышла царица. О случившемся тут же сообщили падишаху. Он пришел и с первого взгляда влюбился.

Много дней и ночей томился он от бессонницы, наконец, не выдержал и открылся девушке в своих чувствах.

— О великий падишах,— сказала девушка,— еще не кончился срок моей разлуки. Подождем немного. Пройдет он — тогда я выйду за вас.

Падишах выслушал ответ с большим терпением и согласился подождать. Ждать надо было еще две луны и десять дней.

Наутро жены падишаха пригласили царицу идти купаться. Она охотно согласилась. Придя к реке и заметив лодку, девушка

сделала вид, что не знает что это такое. Указав на лодку, она спросила.

— А это для чего?

— Это лодка.

— На ней можно кататься по реке?

— Даже можно переплыть на тот берег,— наперебой стали объяснять женщины.

— Мне бы хотелось покататься,— вздохнула девушка.

— Садись.

— Мы и сами с удовольствием покатаемся.

— А ты не забоишься? — снова затараторили женщины.

Все сели, и лодка поплыла. Когда берег остался далеко позади, решили повернуть назад.

— Ой! — в восторге воскликнула девушка.— Так хорошо, так приятно!.. Давайте доплывем до того берега, отдохнем и вернемся!

Некоторые стали говорить, что опасно так далеко уплывать, но девушка, взяв единственное весло, чтобы грести, прикрикнула на непокорных и пригрозила веслом.

Так они плыли по течению до самого вечера. Ночью плыть было опасно и холодно — ведь все жены падишаха были раздеты — поэтому царевна решила переночевать на теплом песке, а наутро снова продолжать путь.

Едва лодка пристала, и все они вышли на берег, на горячих скакунах подлетели тридцать разбойников. Они всегда тут ночевали и, увидев посторонних, хотели их изгнать. Но то, что они разглядели, поразило их. Расхохотавшись во все горло, они скоро поделили жен падишаха. Осталась одна царевна. Посмотрели на нее разбойники и каждый захотел взять ее себе в жены — очень уж она показалась им прелестной при лунном свете. Завязался спор, потом поднялась драка. Когда разбойники как следует отдубасили друг друга и уже еле-еле держались на ногах, девушка спросила их:

— Что вы не поделили?

— Тебя! — ответили они хором.

— Стоит ли из-за меня драться?.. Каждому из вас я привезла по жене. Разве этого не достаточно? Ну, а я буду вам всем прислуживать.

Разбойники посмотрели на своих пленниц и подумали: «В самом деле, чего мы деремся? Наши жены ведь тоже не последние красавицы». Шум сразу утих, и разбойники сели ужинать, посадив рядом пленниц. Появились вино, всевозможные яства и пошел пир горой.

— А теперь давайте веселиться,— сказал главарь. Послышалась музыка. Ее сменили песни. А потом начались танцы.

Мужчины постоянно прикладывались к спиртному и вскоре напились до того, что уснули там, где кто стоял.

— Разденьте своих «мужей», — рассмеялась царевна, — и одевайте на себя их одежду, берите их оружие — и в путь.

Женщины быстро снарядились, сели на коней и поскакали. Едут ночь, едут день. Вечером у въезда в город им встретилась толпа людей. Они были заняты тем, что подбрасывали вверх какую-то птицу и следили куда она сядет. Один раз птица села на дувал, второй — на дерево, а в третий — на плечо подъехавшей во главе кавалькады царевны, одетой также в мужскую одежду.

Один из аксакалов в пояс поклонился юному всаднику и сказал:

— О высокочтимый гость! В нашем царстве издавна существует такой порядок: когда нужно возвести на престол нового падишаха, мы выпускаем эту птицу из клетки и тот, на плечи которого она опустится, становится нашим властелином. Такова воля аллаха. Эта великая честь выпала сейчас на вашу долю.

Девушка почтительно склонила голову и согласилась выполнить волю провидения. Так она стала падишахом.

Переодевшись в свой девичий наряд, царевна попросила придворного художника, взяв с него клятву молчания, написать ее портрет. Когда он был готов, она пригласила придворных и, показав портрет, сказала:

— Эта девушка причинила много хлопот людям. Я хочу повесить ее портрет у входа во дворец и того, кто придет с жалобой на нее, немедленно приводить ко мне.

Повеление тот же час было исполнено. Через несколько дней перед дворцом собралась толпа мужчин в нижнем белье.

— Мы обижены на эту женщину!..

— Дайте нам ее сюда!..

— Мы с ней поговорим! — кричали они.

Жалобщиков пропустили во дворец, отвели им отдельную комнату, поили, кормили, но никуда не выпускали.

Прошло несколько дней и с жалобой пришел старичок. Его тоже поместили в отдельную комнату.

Потом появились кузнец и табиб с женами. С ними поступили, как и с другими жалобщиками.

Наконец, перед дворцом появился Сахатдурды.

— Я хочу расправиться с ней! — кричал он. — Пусть падишах выдаст ее мне!

Его тоже поместили в отдельную комнату.

Сидят жалобщики и ломают голову:

«Эта девушка либо сестра, либо дочь падишаха, — слишком уж они похожи. Хотя бы нас отпустили подобру-поздорову».

А Сахатдурды думал: «Мне бы только увидеть ее, а там пусть меня убьют и выбросят тело собакам на съедение».

Прошло три-четыре дня. Падишах пригласил Сахатдурды и сказал:

— Сейчас мы будем приглашать жалобщиков одного за другим, а ты послушай.

Первыми привели кузнеца и табиба с женами.

— Я вас слушаю,— сказал падишах.

— Девушка, портрет которой мы увидели у входа во дворец,— сказал табиб,— пустила стрелу из лука и сказала, что кто принесет ее, тот будет ее хозяином. Стрелу мы нигде не нашли, а девушка куда-то сбежала.

— Что же вы хотите? Получить эту девушку или деньги за ваши труды?

— Лучше бы получить деньги,— сказала жена кузнеца.

Падишах приказал выдать всем четверым по пригоршне золотых, и они удовлетворенные ушли.

— А у тебя какая жалоба? — спросил падишах старичка.

— Я—падишах Хивы. У меня было тридцать жен и в мои владения приплыла эта девушка. Она мне понравилась, я полюбил ее больше жизни. Через несколько дней я остался и без девушки и без жен. Она всех их увела от меня.

— Что же хочет мой царственный брат, хивинский падишах: получить девушку, или своих жен?

— Были бы мои жены живы и здоровы,— ответил хивинский падишах,— а о девушке и думать не приходится—слишком она бойкая, а я уже старик.

Падишах распорядился одеть жен хивинского владыки в самые нарядные шелка, ему подарил дорогой халат и отправил домой со всевозможными почестями.

Ввели тридцать жалобщиков, что были в нижнем белье.

— Мы вас слушаем,— сказал падишах.

Один из разбойников (это были конечно они) выступил вперед и сказал:

— О всемогущий падишах, эта девушка подарила каждому из нас по жене, а сама согласилась прислуживать нам всем. На радостях мы устроили пир. Когда же проснулись утром, то ни жен наших, ни одежды и ни коней мы не нашли.

— Что же вы хотите? — спросил падишах.— Чтобы зам вернули жен, или вам нужны одежда и кони?

— Мы были бы довольны самым малым, тем, что по праву принадлежало нам. На остальное воля аллаха всемилостивого.

Падишах приказал выдать жалобщикам одежды, коней и с миром отпустил их.

Едва закрылась дверь за последним разбойником, вошел,

склонившись в почтительном поклоне, молодой человек в богатых, но порядком оборванных одеждах.

— Великий падишах,— сказал он,— я был страстно влюблен в эту девушку, но так как она была женой другого человека и терпеливо ждала его, я по совету одной старой сводницы написал ее мужу несколько писем, в которых называл ее дурной женщиной. Я это делал для того, чтобы муж от нее отказался. Но вместо того он однажды появился и убил свою невинную жену. Во всем был виноват я. Поэтому я ушел в добровольное изгнание, претерпел много мук, чтобы выпросить прощения у аллаха за мои тяжкие грехи. И вот, когда я услышал, что на эту девушку есть жалобы, я удивился и пришел, чтобы сказать, что она никого не могла обидеть, обижали ее.

— Ты сделал хорошее дело, что покался в своих грехах,— сказал падишах,— а теперь иди, занимайся добрыми делами, снова заслужи уважение у людей, в память о твоём посещении возьми вот этот чурек, он тебе пригодится. С этими словами падишах протянул измученному страннику большую круглую лепешку и отпустил его с миром.

— Ну, Сахатдурды-джан, что ты теперь скажешь?

— О мудрый падишах,— воскликнул последний из жалобщиков,— я теперь понял, какую ошибку я допустил, что не разобрался в кознях врагов моей жены и совершил тяжкое преступление, за которое готов понести любое наказание.

— Что ж,— сказал падишах,— наказание вам мы уже придумали.— Сахатдурды смотрел на падишаха и ждал, что он скажет.

— Мы вас... соединим с этой девушкой!

Юноша вскочил от неожиданности — он ждал, что его казнят. Встал и падишах. Он снял с лица приклеенную бороду, а с головы — тюрбан, и перед ошеломленным Сахатдурды предстала во всей красе его горячо любимая жена.

— А теперь, дорогой муж,— сказала царевна,— я объявлю народу, что отдаю всю полноту власти тебе.

Сорок дней и сорок ночей шел пир горой. С той поры молодые супруги стали жить спокойно и счастливо. И никто из них никогда не вспоминал о горестях, которые они пережили, будучи в разлуке.

ил-был некогда человек по имени Бахаведдин. Он пас своих верблюдов, а когда у него подрос сын, красавец Мамед-джан, то поручил стадо сыну и при этом дал строгий наказ:

— Сын мой, можешь продавать любого верблюда из стада, кроме одного.

И Бахаведдин показал на самую старую верблюдицу.

Мамед-джан стал пасти отцовских верблюдов. Однажды подъехал к стаду всадник и сказал:

— Пастух, продай мне одного верблюда!

— Выбирай любого,— ответил юноша.

Всадник выбрал старую верблюдицу и спросил:

— Сколько за нее хочешь?

— Эту верблюдицу я не продам.

— Почему? — спросил всадник.

— Отец не позволяет. А из остальных можешь выбирать любого.

Всадник поглядел на стадо и сказал:

— Разве тебе не хотелось бы получить моего красивого жеребца?

— Хотелось бы,— не задумываясь, ответил Мамед-джан, и у него загорелись глаза.

— Так давай меняться,— предложил всадник.— Я тебе отдам своего коня вместе с серебряной сбруей и переметной сумой, а ты мне отдашь эту верблюдицу.

Мамед-джан погладил коня по крупу и, заглянув в переметную суму, увидел там золотые монеты.

— Ладно,— сказал он.— Если ты отдашь мне коня, ничего не снимая с него, то я согласен на обмен.

Всадник спрыгнул с седла, подал поводья юноше, а затем надел на верблюдицу недоуздок, сел на нее верхом и поехал.

Тотчас же за старой верблюдицей потянулось все стадо молодых и старых верблюдов, потому что она была их родоначальницей.

Мамед-джан на коне пустился в догонку за стадом. Он отгонял верблюдов то в одну, то в другую сторону, но все было напрасно. Мамед-джан гонялся за верблюдами до тех пор, пока измученный конь не задохнулся под ним и не пал замертво.

Оставшись в степи без стада верблюдов и без коня, Мамед-джан стал сокрушаться и корить себя за то, что ослушался отца.

Боясь показаться ему на глаза, он решил не возвращаться домой и пешком пошел по незнакомой дороге.

Посреди ночи он дошел до какого-то города. Городские ворота были заперты, и он уже собрался заночевать у стены, как вдруг сверху кто-то окликнул его:

— Мамед-джан! Почему ты так опоздал?! Подойди и возьми свою поклажу!

Мамед-джан увидел, как со стены спустилась на веревке переметная сума. Она оказалась наполненной золотом. Вслед за сумой на веревке спустилась девушка. Она взяла Мамед-джана за локоть и повела его в укромное место во рву, где стояли две оседланные лошади.

— Садись скорее! — приказала девушка. — Мы должны уехать отсюда как можно дальше.

В темноте они сели на коней и поскакали. Из осторожности Мамед-джан молчал.

Девушка была дочерью хана. Она влюбилась в юношу по имени Мамед-джан и хотела выйти за него замуж. Но отец узнал об этом и пригрозил ей жестокой расправой. Тогда она решила бежать с Мамед-джаном и уговорилась встретиться с ним в полночь у городской стены. Подкупив слуг отца, девушка вывела двух коней к городской стене и стала здесь дожидаться возлюбленного. Но ее жених увлекся азартной игрой со своими приятелями, такими же гуляками, и забыл о побеге.

Когда беглецы отъехали уже далеко, дочь хана начала тревожиться:

«Почему мой возлюбленный не разговаривает со мной? За все время он не проронил ни одного слова».

На рассвете она решила передохнуть и в одном каменистом ущелье остановила коня. Тут, сойдя с коня и увидя перед собой незнакомого юношу, она вскрикнула от испуга и поняла происшедшую ошибку, но уже не могла исправить ее, так как боялась вернуться в дом отца. Незнакомый юноша показался ей более красивым, чем ее жених.

— Раз так случилось, — сказала девушка Мамед-джану, — соединим нашу жизнь.

Мамед-джан пошел к ручью, чтобы наполнить мех водой, и на берегу нашел ожерелье из кроваво-красных рубинов. Он показал это ожерелье дочери хана, и она сказала, что таких каменьев нет даже у самого падишаха. Подкрепившись едой, они сели на коней и поскакали дальше.

Наконец, они приехали в столицу другого царства. Здесь дочь хана и Мамед-джан были уже в безопасности. Дочь хана подыскала хорошую кибитку и сад и, заключив с Мамед-джаном брачный договор, зажила с ним счастливо.

Однажды Мамед-джан сказал жене:

— Я хочу отнести ожерелье в подарок падишаху. Может, он даст мне какую-нибудь службу у себя.

— Не ходи к падишаху,—стала отговаривать его жена,—ничего хорошего из этого не получится.

Мамед-джан не послушался ее и, положив ожерелье на блюдо, пошел во дворец.

Падишаху очень понравился подарок, и он посадил Мамед-джана на почетное место и наградил его шелковым халатом, назначив своим есаулом.

Однажды пошел сильный дождь, и жена Мамед-джана поднялась на кибитку, чтобы закрыть дымовое отверстие. Падишах в это время сидел у окна и от нечего делать считал кибитки своих подданных. Увидев жену Мамед-джана, он так был поражен ее красотой, что свалился с трона.

— Визирь!—закричал он.— Кому принадлежит вон та кибитка?

Визирь ответил:

— Та кибитка принадлежит твоему есаулу Мамед-джану, а красавица, которая стоит на крыше,—его жена.

— Приведи ее сейчас же, иначе тебе несдобровать!—приказал падишах.

— А что скажут твои подданные?—испугался визирь.— Пошли Мамед-джана с каким-нибудь трудным поручением и, когда он не выполнит его, отруби ему голову. Тогда можно будет забрать его жену.

Слова визиря показались падишаху разумными, и он приказал позвать Мамед-джана.

Когда Мамед-джан явился, падишах сказал:

— У меня две дочери, и они никак не могут поделить то ожерелье, которое ты подарил. Принеси мне такое же ожерелье, а если не принесешь, я прикажу отрубить тебе голову.

Мамед-джан вернулся домой опечаленный.

— Что с тобой случилось?—спросила у него жена.

— Падишах приказал найти еще одно ожерелье, такое же, какое я подарил ему. Иначе он отрубит мне голову.

— А что я тебе говорила!—накинулась на него жена.— Чтоб глаза твои лопнули! Я повадку падишаха хорошо знаю: сама дочь хана! Ну, а теперь ничего не поделаешь: отправляйся на то место, где нашел ожерелье и поищи еще одно!

Мамед-джан оседлал коня и пустился в путь. Доехав до каменистого ущелья, он пошел к ручью и увидел, что берег его весь усыпан кровавыми рубинами. Наполнив переметную суму драгоценными камнями, он собрался уже в обратный путь, как вдруг увидел лежащую на скале красавицу, у которой из раны

в боку струйкой сочилась кровь. Стекая со скалы, капельки крови превращались в крупные рубины, которые падали на берег ручья.

Мамед-джан поднялся на скалу и увидел, что девушка была мертва. В это время поднялся вихрь и загрохотал гром. Мамед-джан укрылся в пещере и стал оттуда наблюдать.

В ущелье появился страшный дэв. Вытащив из-под камня стеклянный пузырек, он дотронулся им до раны красавицы, и девушка тотчас же ожила. Дэв положил ей на колени свою безобразную голову, и красавица стала расчесывать ему усы и бороду. Дэв в это время уснул.

Утром дэв поднялся, снова умертвил девушку и отправился на охоту.

Тогда Мамед-джан вышел из пещеры, вынул из-под камня стеклянный пузырек и дотронулся им до раны красавицы.

Девушка мгновенно ожила и, увидев Мамед-джана, воскликнула:

— Эй, юноша, если кулан сюда забежит — копыта себе разобьет. Если птица залетит — крылья обломает! Как же ты попал сюда?

Мамед-джан ответил:

— Дело у меня было здесь. А теперь скажи мне, красавица, где спрятана душа дэва?

— Я не знаю, — ответила она.

— Тогда я тебя научу, как освободиться от дэва. В следующий раз, когда он придет, спроси у него: «Где твоя душа?» Дэв не захочет говорить, но ты как-нибудь упроси, чтобы он рассказал.

Мамед-джан положил стеклянный пузырек под камень, и девушка замертво упала на скалу. Мамед-джан укрылся в пещере и там уснул.

Вечером поднялся вихрь, загрохотал гром и в ущелье опять появился дэв.

С помощью пузырька он оживил девушку и приказал ей:

— Пеки лепешки! Сегодня я подстрелил джейрана и мы хорошо поужинаем.

Красавица замесила тесто, испекла лепешки, а дэв обжарил на костре мясо джейрана.

Когда они сели ужинать, красавица спросила:

— Возлюбленный дэв, где спрятана твоя душа?

Дэв двумя пальцами щелкнул ее по носу и зарычал:

— Для чего тебе это знать, негодница?

Девушка вытерла кровь, которая потекла у нее из носа, и, плача, стала просить.

— Я не могу быть спокойной, потому что не знаю, в на-

дежном ли месте хранится твоя душа. Если не хочешь, чтобы я потеряла покой, открой мне свою тайну.

Дэв сжалился над ней и сказал:

— Ладно, я открою тайну. Разломи-ка горячую лепешку и ломти смажь маслом.

Девушка исполнила приказание, и дэв поднял камень, на котором сидел. Под камнем открылся родник. Дэв бросил в воду ломти лепешки, сдобренные маслом, и на поверхность ручья тотчас же всплыла рыба с серебряным кольцом во рту.

— В этой рыбе находится моя душа,— сказал дэв и снова прикрыл родник камнем.

Из своей пещеры Мамед-джан видел все это. Утром, когда дэв, по обыкновению, умертвил красавицу и отправился на охоту, Мамед-джан оживил ее пузырьком и сказал:

— Пеки скорее лепешки!

Красавица поспешно приготовила крошево из ломтей лепешки и масла, а Мамед-джан поднял камень, на котором всегда сидел дэв, и бросил в родник все это крошево. Рыба с серебряным кольцом во рту появилась на поверхности воды. Мамед-джан выхватил рыбу за кольцо. В тот же миг поднялся могучий вихрь, загрохотал гром и затряслась земля. Это мчался дэв, чтобы спасти себя от смерти.

Мамед-джан быстро распорол ножом брюхо рыбы и выпустил оттуда душу дэва, которая тотчас же провалилась в ад. Дэв, не успев долететь до скалы, замертво повалился наземь.

До вечера бушевала буря, небо заволокло темной пеленой. Вечером, когда стихла непогода, Мамед-джан сел на коня, привязал к седлу переметную суму с рубинами, посадил позади себя красавицу и пустился в обратный путь.

Приехав домой, сказал жене:

— Пусть красавица живет у нас, пока не отыщет своего отца и мать... Я освободил ее от дэва.

Связав в длинное ожерелье привезенные рубины, Мамед-джан пришел во дворец и подал ожерелье падишаху.

Падишах сделал вид, что очень обрадовался рубинам, и отпустил Мамед-джана.

Дома Мамед-джан застал старуху, которую жена позвала шить платье для красавицы.

Старуха так была поражена красотой гостыи, что, когда начала кроить шелк, поранила ножницами свой палец. Старуха вышла из кибитки Мамед-джана и побежала прямо во дворец.

— Эй, падишах,— закричала она,— да обрушится твой дворец! Прежде у Мамед-джана была одна жена-красавица, а теперь их уже две. Вторая так красива, что я не могла оторвать от нее глаз и не заметила, как отхватила себе палец!

Расстроенный падишах по́звал визиря.

— Что мне делать? — спросил он визиря.

— Ты слишком легкое поручение дал Мамед-джану, — ответил визирь. — Прикажи ему принести молоко львицы, чтобы вылечить от простуды твою покойную мать.

Слова визиря показались падишаху разумными, и он приказал немедленно привести Мамед-джана во дворец.

Когда Мамед-джан пришел, падишах сказал:

— Ты самый храбрый из моих есаулов. Только тебе я могу поручить достать львиное молоко. Даю три дня сроку. Если не достанешь молока, прикажу отрубить тебе голову.

Опечаленный Мамед-джан вернулся домой.

— Что с тобой приключилось? — спросила спасенная красавица.

— Падишах дал мне такое поручение, которое невозможно выполнить, — ответил Мамед-джан и рассказал жене и спасенной красавице, что падишаху понадобилось молоко львицы.

— Только и всего? — рассмеялась спасенная красавица. — Это легко выполнить. Ступай в пустыню и поищи старого льва. Этот лев уже несколько лет страдает от занозы. Возьми кузнечные клещи и вытащи занозу, но сначала пусть он даст клятву, что не растерзает тебя.

Мамед-джан тотчас же отправился в путь и в скором времени нашел льва, который рычал от боли.

— Дядюшка лев! — крикнул Мамед-джан. — Я могу вытащить занозу из твоей лапы! Но сначала поклянись, что ты не тронешь меня.

— Облегчи мои страдания, человек, — ответил лев. — Я для тебя сделаю все, о чем бы ты ни попросил! Клянусь моими детьми, внуками и правнуками!

Мамед-джан подошел, осмотрел лапу льва и клещами выдернул огромный сучок.

Лев завыл от боли, но не выпустил своих когтей. Почувствовав великое облегчение, он сказал:

— За то добро, что ты мне сделал, человек, я хочу отблагодарить тебя. Проси, чего хочешь.

— Мне нужно молоко львицы, — ответил Мамед-джан.

— Эй, львицы! — на весь лес закричал лев.

Львицы послушно сбежались к нему.

— Выведите человека из леса, чтобы никто ему вреда не причинил, — приказал лев, — и пойдите с ним в город — там вас подоят.

Львицы окружили Мамед-джана, вывели его из леса и проводили до города.

Стражники у ворот, увидя Мамед-джана в сопровождении

львиц, испугались и побежали во дворец доложить падишаху.

Падишах позвал визиря и сказал:

— Я по твоему совету послал Мамед-джана за львиным молоком, а он привел львиц. Теперь иди и встречай их!

— Кто же мог подумать, что львицы не растерзают его,— изумился визирь.— Теперь нечего делать: выйди к нему и скажи, что мать выздоровела и львиного молока уже не нужно.

Падишах вышел к Мамед-джану, остановил его у городских ворот и сказал:

— Храбрый есаул, моя мать выздоровела и львиного молока теперь не нужно. Гони львиц обратно в лес!

— Ладно,— ответил Мамед-джан,— я отпущу их домой. Только ты прикажи прежде накормить их жирными баранами, а не то они растерзают и тебя и визиря.

— А сколько потребуется баранов? — спросил падишах.

— Десяток на всех!

— Эй, визирь,— приказал падишах,— гони десять баранов из своего стада!

— Эй, баи,— приказал визирь,— гоните десять баранов из своих стад, да не спорьте! А не то я сам вас растерзаю!

— Эй, батраки,— крикнули баи,— делать нечего, гоните баранов сюда, да помните: за каждого нашего барана мы с вас семь шкур сдерем!

Мамед-джан услышал, как баи грозились батракам, и сказал:

— Падишах, львицы не голодны и сейчас же уйдут в лес.

Падишах вернулся во дворец и сказал визирю:

— Я не могу больше терпеть Мамед-джана! Я хочу завладеть его красавицами женами! Дай совет, как от него избавиться!

— Ты пошли его за таким талисманом, от которого яблоко плачет, а гранат смеется,— ответил визирь.

Падишаху понравился совет визиря, и он, позвав Мамед-джана, приказал:

— Храбрый есаул! Ты исполнительен и ловок и все можешь достать. Я заболел и смогу вылечиться только тогда, когда ты достанешь талисман, от которого яблоко плачет, а гранат смеется. Если же не достанешь, я отрублю тебе голову.

— Ладно,— ответил Мамед-джан и, опечаленный, пошел домой.

Спасенная им красавица, узнав причину его печали, сказала:

— Не тужи, Мамед-джан, хоть и трудно достать этот талисман, но все же я помогу тебе. Этим талисманом владеет жестокая пери, а до ее жилища сто лет пути. Но ты сделаешь так, как я посоветую, и очень быстро доберешься до нее. Пой-

дешь по дороге на восход солнца и к ночи дойдешь до разрушенной сторожевой башни. Там заночуешь. А как только окажешься у ворот сада, в котором живет жестокая пери, отдай привратнице это письмо. Привратницей у пери служит моя сестра, и она скажет тебе, что нужно делать дальше.

Мамед-джан поблагодарил красавицу, взял письмо, простился с ней и женой и пустился в путь.

Когда стемнело, он дошел до полуразвалившейся башни и здесь расположился на ночлег.

В полночь он проснулся от топота копыт. К башне подъехал всадник на сером коне.

— Дай мне руку, Мамед-джан, и закрой глаза! — сказал всадник.

Мамед-джан исполнил приказание. Всадник посадил его на коня позади себя, и они взвились ввысь.

— Теперь открой глаза, — приказал всадник.

Мамед-джан открыл глаза. Всадника уже не было, а Мамед-джан стоял у ворот сада, залитого солнцем.

Едва успел он оглядеться, как на него кинулась девушка с обнаженным кинжалом. Это была привратница жестокой пери.

Мамед-джан поспешно протянул ей письмо.

Девушка-привратница прочла письмо, покачала головой и воскликнула:

— Как не жаль было моей сестре посылать такого красавца на гибель!

Сказав это, привратница повела Мамед-джана во дворец. Они вошли в одну из комнат, и девушка сказала:

— Оставайся здесь, не ешь, не пей, ни к чему не притрагивайся и жди. Я придумаю, как завладеть талисманом.

Вечером возвратилась жестокая пери. Прислужницы приготовили ужин и взбили все подушки и перины. Отпустив прислужниц, жестокая пери не притронулась ни к одному блюду, легла и сразу уснула.

Мамед-джан проголодался и пошел по дворцу на поиски хотя бы черствой лепешки.

Пройдя ряд комнат, он вошел в опочивальню жестокой пери и увидел на ковре расставленные блюда. Недолго раздумывая, Мамед-джан дочиста опустошил все блюда и, сытый, вернулся в свою комнату.

Ночью жестокая пери проснулась и захотела есть. Она позвала девушек-прислужниц, и, когда те зажгли светильник, пери увидела, что все блюда пусты.

Пери принялась избивать прислужниц и кричать:

— Ах, негодницы, кто позволил вам оставлять меня без ужина! Разве мало вам своей еды?!

Девушки поклялись, что никто из них не притрагивался к блюдам, а кто это сделал, они не знают.

Жестокая пери решила изловить вора.

На следующую ночь она порезала себе палец, посыпала рану солью и перцем, чтобы не уснуть от боли, и легла на свое ложе. Она притворилась спящей, а светильники оставила зажженными.

Когда в ее опочивальню вошел проголодавшийся Мамед-джан и присел к блюдам, жестокая пери вскочила с ложа и обнажила меч.

— Так вот кто ворует у меня ужин! — в гневе закричала она. Но, тут же влюбившись в красавца юношу, приумолкла.

— Как ты попал сюда, человек, — ласково спросила она, — и что тебе нужно в моем жилище?

— Я пришел за талисманом, — ответил Мамед-джан. — Мне нужен такой талисман, от которого яблоко плачет, а гранат смеется.

— Хорошо, — сказала жестокая пери и вложила меч в ножны, — я тебе дам талисман, но прежде ты должен поцеловать меня.

Мамед-джан подумал: «Дешево она ценит свой талисман», — и, подойдя к жестокой пери, поцеловал ее в губы.

Пери снова спросила:

— Так зачем же ты пришел в мое жилище?

— Затем, — ответил Мамед-джан, — чтобы остаться в нем навсегда.

— Хорошо, — сказала жестокая пери, — сегодня вечером я устрою свадебный пир.

Ее чары действовали на Мамед-джана, и он согласился жениться на ней.

Девушка-привратница узнала про это и, придя к Мамед-джану, сказала:

— Сегодня вечером, когда будешь сидеть на пиру, будь хмурым и печальным. Если жестокая пери станет расспрашивать тебя, ты ни слова не отвечай ей, пока она не скажет: «Клянусь пророком Сулейманом, я исполню все твои желания!» Только после этого ты ей скажешь: «Я хочу получить в руки обещанный талисман». Дальше сам увидишь, как обернется дело.

Вечером Мамед-джана нарядили в шелковые одежды и привезли на свадебный пир. Он сел рядом с жестокой пери, разодетой в шелк и парчу, и печально опустил голову.

Жестокая пери не вытерпела и сказала:

— Не печаль меня в день нашей свадьбы! Клянусь, я исполню все твои желания!

— Я хочу получить обещанный талисман! — сказал Мамед-джан, и жестокой пери ничего больше не оставалось, как при-

казать принести талисман, исцеляющий все человеческие недуги и снимающий злые чары.

Прислужницы принесли талисман, и яблоки, лежавшие на золотом подносе, начали плакать, а гранаты — смеяться.

Жестокая пери отдала талисман Мамед-джану и сказала: — Теперь, мой возлюбленный, будем пить вино и веселиться!

Но лишь только талисман очутился в руках Мамед-джана, как чары жестокой пери перестали на него действовать.

— Красавица пери, — сказал он, — то, что мне нужно было, находится в моих руках. Теперь я хочу вернуться домой.

Жестокая пери так рассердилась, что приказала разбить всю посуду и выбросить плачущие яблоки и смеющиеся гранаты.

— Пусть будет по-твоему, человек, — сказала она, когда приказание ее было исполнено. — Мне не нужен жених, которого приходится удерживать силой.

Позвав девушку-привратницу, жестокая пери велела вывести Мамед-джана за ворота.

— Пусть этот смертный сто лет шагает к себе домой! — в гневе сказала она.

Когда Мамед-джан очутился за воротами сада, привратница сказала:

— Не горюй, Мамед-джан, тот же всадник мигом доставит тебя домой. Знай, что моя сестра, которую ты избавил от дэва, и я — мы обе пери, и всегда сумеем выручить тебя из беды.

Она дала ему прядь своих волос и на прощание сказала:

— Если тебе будет когда-нибудь трудно, сожги несколько моих волосков, и я, превратившись в голубку, прилечу на помощь.

Откуда ни возьмись, появился всадник с закрытым лицом, взял руку Мамед-джана и посадил его на коня позади себя.

— Закрой глаза, Мамед-джан, — приказал он и, взвившись в небесную высь, помчался звездной дорогой.

— Теперь открой глаза, — сказал он Мамед-джану.

Мамед-джан открыл глаза и увидел себя стоящим перед дворцом падишаха.

Падишах в это время сидел в саду и наслаждался запахом цветущих яблонь.

Как только Мамед-джан с талисманом в руках появился в саду, с яблонь тотчас же посыпались лепестки цветов, а гранатовые деревья расцвели.

— Да избавишься ты от всех болезней! — приветствовал падишаха Мамед-джан. — Я принес тебе талисман.

Лицо у падишаха стало как кислое яблоко, но он скорчил радостную улыбку и сказал:

— Хвала тебе, есаул Мамед-джан, за твою ловкость и отвагу!

Говоря так, падишах придумывал, что бы еще такое поручить Мамед-джану, чего он наверняка не сумел бы выполнить.

— Построй мне за одну ночь дворец с четырьмя воротами,—сказал падишах.— Такой дворец, чтобы за северными воротами меня встречала зима, за южными—лето, за восточными—весна, а за западными—осень. Если ты не построишь такого дворца, я прикажу отрубить тебе голову.

Мамед-джана уже не страшили угрозы падишаха, потому что у него была прядь волос доброй пери.

— Ладно,—сказал он,— к утру будет дворец. Только ты прикажи, чтобы не стреляли в голубей на том месте, где будет строиться дворец.

Падишах отдал такой приказ, а Мамед-джан пошел на то место, где должен был стоять дворец, и поджег несколько волосков из пряди доброй пери. В небе сразу показалась огромная стая белых голубок. Одна из них опустилась на плечо Мамед-джана и спросила:

— Зачем звал меня?

Мамед-джан узнал по голосу добрую девушку-привратницу и рассказал ей о новом требовании падишаха.

— Только и всего? —спросила добрая пери.— Тогда иди домой, а наутро возвращайся сюда—дворец будет готов.

И тут же она приказала стае голубок построить дворец.

Утром Мамед-джан пришел к падишаху и доложил:

— Дворец готов. Забирай пожитки и переселяйся.

Падишах с визирем недоверчиво поглядели на Мамед-джана, но все же вышли и увидели дворец такой красоты, какой еще никогда не приходилось им видывать. С четырех сторон дворец был окружен садом, и в каждой из стен были пробиты ворота.

А внутри дворец был краше, чем даже желал падишах. Поэтому он сразу переселился в него со всеми своими женами и детьми.

На другой день падишах позвал визиря и сказал:

— Что ты за визирь, если не можешь дать мне дельного совета. Как же мне, наконец, избавиться от Мамед-джана?

Визирь подумал и сказал:

— Есть еще последнее средство.

— Какое? Говори скорее!

— Пошли его на тот свет узнать, как поживают твои покойные родители. Оттуда он уже наверняка не вернется.

Падишаху понравился совет визиря, и он велел позвать Мамед-джана.

— Эй, храбрый есаул Мамед-джан,— сказал он,— до сих пор все, что я ни приказывал, ты исполнял в точности. В награду за службу я приказал казначею выдать тебе одну серебряную таньгу. А теперь я желаю, чтобы ты побывал на том свете и принес мне вести от моих покойных родителей. Если не сумеешь выполнить это, я через три дня прикажу отрубить тебе голову.

Мамед-джану желание падишаха показалось невыполнимым, и он, понутив голову, поплелся домой.

Спасенная пери стала утешать Мамед-джана.

— Вернись во дворец,— сказала она,— и попроси падишаха заготовить десять верблюжьих вьюков дров. Потом заберись на дрова и скажи, чтобы их подожгли. А тем временем сожги несколько волосков из пряди, которую тебе дала моя сестра. А там сам увидишь, что произойдет.

Мамед-джан немедленно пошел во дворец и попросил сложить костер из десяти верблюжьих вьюков дров.

— Только дым костра сможет перенести меня на тот свет,— сказал он падишаху.— А на другой день ровно в полдень прикажи разгрести золу, чтобы помочь мне возвратиться с того света.

Падишах приказал сложить дрова и развести костер.

Собралось много народу.

Мамед-джан забрался на дрова и, когда запылал костер и его заволокло дымом, он сжег несколько волосков из пряди доброй пери.

Откуда ни возьмись, закружилась над ним белая голубка. Это прилетела добрая пери.

— Мамед-джан,— сказала она,— ты не пугайся, что бы с тобой ни случилось.

И она превратила его в соломинку, подхватила соломинку клювом и вынесла из костра. Добрая пери принесла соломинку в дом Мамед-джана и снова превратила его в человека. Сестра доброй пери написала письмо падишаху от имени его покойного отца и запечатала письмо большой печатью.

Ночью Мамед-джан положил письмо за пазуху, пробрался на площадь и зарылся там в золу от костра.

В полдень на площадь пришел падишах с визирем, и собрался народ.

Падишах приказал разгрести золу. Он хотел показать народу обуглившиеся кости Мамед-джана, чтобы после никто не попрекал его женитьбой на женах своего подданного.

Но как только стали разгребать золу, из нее выскочил живой Мамед-джан. Собравшиеся разинули от изумления рты, а Мамед-джан подошел к падишаху, поклонился ему и сказал:

— Видел я на том свете твоего покойного отца и отца визи-

ря. Оба они здоровы и шлют вам привет. Отец твой написал письмо и просил еще передать на словах, чтобы ты поскорее явился к нему.

Мамед-джан протянул падишаху письмо. Падишах сломал печать и прочел:

«Свет моих очей, возлюбленный сын мой! Живу я неплохо и царствую над покойниками, как царствовал над живыми. Отец твоего визиря служит мне и, как его сын тебе, подает умные и дельные советы. Приходи ко мне поскорей, сынок! Я очень скучаю по тебе, а главное, состарился и не знаю, справлюсь ли один с царством покойников. Приходи же, сынок, непременно приходи, да и своего визиря прихвати!»

Падишаху очень захотелось навестить покойного отца.

— Эй, визирь,—сказал он,— раскладывай костер, отправимся на тот свет к нашим отцам. Навестим их, узнаем, какой плов едят на том свете, а затем вернемся к живым.

— У меня и тут дел много,—ответил визирь,— а отец мой подождет. Пусть он служит визирем хоть самому дьяволу, лишь бы сюда не возвращался. А если тебе пришла охота отправиться на тот свет, так отправляйся без меня.

— Если будешь мне перечить,—вспыхнул падишах,— я отрублю тебе голову, и тогда тебе нечем будет на том свете есть плов и подавать советы! Собирайся сейчас же со мной на тот свет!

Визирю ничего не оставалось делать, как подчиниться воле падишаха.

— Мамед-джан,—спросил он,— больно ли было, когда пламя схватило тебя?

— Нет,—ответил Мамед-джан,— меня пламя не охватывало, а подняло дымом вверх и понесло на тот свет. Ты прикажи побольше дров навалить да обложить со всех сторон хворостом, чтобы дыму было побольше.

Падишах томился нетерпением, пока складывали дрова и хворост. Когда все было готово, он залез вместе с визирем на дрова и приказал поджечь их.

Костер запылал, и на глазах у собравшегося народа огонь охватил падишаха и визиря. Они начали вопить.

— Ой, не могу больше терпеть! — кричал падишах.

— Ой, дым не поднимает нас! — вопил визирь.

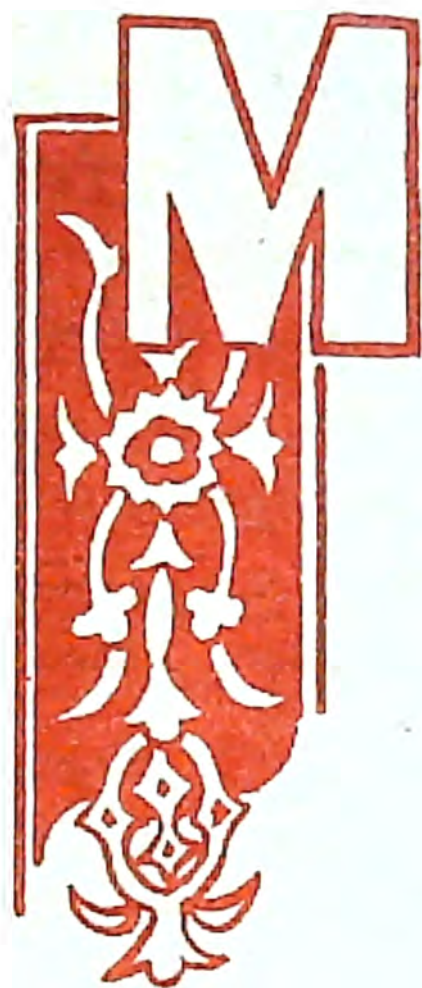
— Потерпите! — успокаивал их Мамед-джан.— Это ваши тела отяжелели от грехов! Сейчас дым сгустится и поднимет вас вверх!

Так падишах с визирем сгорели на костре.

Когда костер прогорел, Мамед-джан разгреб золу и показал народу обуглившиеся кости.

Народ стал ликовать и благодарить Мамед-джана за избавление от злого падишаха и визиря.

ЗА СОБСТВЕННЫЕ НОГИ

Младший брат Бяхлили Дана — Харун Рашид — был, как известно, падишахом. Как-то он пригласил к себе брата и сказал:

— Эй, Бяхлили, бросай свою науку и бедность. Вот тебе казна, бери чего хочешь и делай, что желаешь.

— Великий падишах, — сказал мудрец, — правда твоя, что мы братья, но от казны падишаха — мне ничего не нужно. Лучше оставь меня в покое, и я буду заниматься своим делом.

Сказав все, что считал нужным, Бяхлили Дана откланялся и пошел в свою кибитку. Кибитка Бяхлили Дана стояла недалеко от дворца падишаха, и Харун Рашид каждый раз в окно видел печальный образ старшего брата и слышал его грустный голос.

Как-то Харун Рашид немало удивился, услышав из кибитки Бяхлили Дана звук дутара и веселое пение.

— Идите пригласите брата сюда, — приказал падишах своим есаулам. — Надо узнать, что с ним. Не сошел ли он с ума?

Есаулам не приходилось повторять. Через короткое время они пришли вместе с мудрецом.

— Дорогой Бяхлили, — сказал Харун Рашид, — раньше я видел тебя всегда печальным и слышал твой грустный голос, сегодня ты меня озадачил своей радостью. Что произошло?

— О великий падишах, сегодня я был на базаре, — сказал Бяхлили Дана.

— Ну и что же? — удивился брат. — Разве там ты увидел что-то, что развеселило тебя?

— Мой падишах, я был у мясных лавок и видел, что и козла и барана вешают каждого за свои ноги. До сих пор я печалился из страха, что вот мы с тобой братья и нам придется вместе гореть на одном огне за твои надругательства над людьми, которые ты творишь, сидя на троне. Сегодня же я воочию убедился, что за грехи отвечает каждый сам по себе.

Бяхлили Дана раскланялся и оставил падишахские покои.

ТРУС ХУДАЙБЕРДЫ И ЛИСИЦА

ил когда-то человек по имени Худайберды. Он очень боялся лисиц, и когда встречался с ними в степи или в лесу, то старался обойти или объехать их стороной. Поэтому он и прослыл трусом.

Однажды жена и дочь Худайберды наткали бумажной материи и поручили ему продать ткань на базаре.

Когда Худайберды садился на лошадь, чтобы ехать в город, жена попросила привезти ей халвы, а дочь — леденцов.

— Ладно, привезу вам гостинцы, — пообещал Худайберды и выехал со двора.

В лесу навстречу ему вышла лисица.

— Куда путь держишь, Худайберды? — спросила она.

Худайберды хотел повернуть лошадь назад, но лисица стала бегать вокруг да размахивать хвостом.

— Жена и дочь послали меня на базар продать ткань, — ответил Худайберды.

— Зачем же тебе возить ее на базар? — сказала лисица. — Продай лучше мне. А когда поедешь обратно, я тебе на этом же месте положу деньги.

— Ладно, — согласился Худайберды. — Только уговор: когда поеду обратно, чтобы деньги уже лежали под кустом.

— Будь спокоен! — сказала лисица.

Худайберды поверил, отдал ей материю и поехал в город.

На базаре он увидел халву и леденцы и вспомнил про наказ жены и дочери. Но купить эти сласти ему было не на что. Он сел на свою лошадь и ни с чем отправился домой.

Подъехав к тому месту, где его встретила лисица, Худайберды не нашел под кустом ни денег, ни материи, ни лисицы.

Он долго ждал, когда лисица принесет ему деньги, но так и не дождался и вернулся домой с пустой переметной сумой.

— Привез халву? — спросила у него жена.

— Нет, жена, не было халвы на базаре, — ответил Худайберды.

— Привез леденцов? — спросила дочь.

— Нет, дочка, все леденцы раскупили, пока я дошел до лавки бакалейщика.

— А деньги за товар привез? — спросила жена.

— Эх, жена,— ответил Худайберды,— когда я ехал на базар, мне встретилась лисица. Она купила материю, а деньги обещала положить под куст. Только она обманула и не принесла деньги.

Жена напустилась на Худайберды:

— Где ж это видано, чтобы кто-нибудь торговал с лисцей? Да разве ей можно верить! Теперь она сидит в своей норе да потешается над тобой. Сейчас же иди отыщи ее нору и потребуй деньги или материю!

— Что ты, жена! — испугался Худайберды.— Как мне идти к ней, когда она пригрозила. «Если, говорит, ты не продашь мне материю, то я тебя съем вместе с лошадью».

— Трус! — закричала жена.— Недаром же тебя в глаза трусом называют! — и стала подступать к нему с кулаками.

— Пстой, жена,— сказал ей Худайберды,— мне с дэвами легче дело иметь, чем с лисицами. Лучше пошли меня за деньгами к дэвам.

— Где хочешь, там и доставай деньги! — продолжала кричать жена.— Вот еще храбрец нашелся! К дэвам собрался идти, а от лисьего хвоста убегает!

— Вот увидишь, пойду к дэвам,— твердил свое Худайберды.— Завтра же пойду и потребую у них деньги!

На другой день Худайберды начал собираться к дэвам. Люди узнали про это и подняли его на смех:

— Наш трус Худайберды собрался с дэвами сражаться!

Худайберды пошел в курятник, взял одно яйцо и положил в карман. На дороге нашел ослиный хвост и засунул себе под папаху. Потом он пошел в поле проверить расставленные сети и увидел в них фазана. Худайберды забрал его и сунул за пазуху, затем смотал в связки несколько веревок и, простившись с женой и дочерью, пустился в путь.

Худайберды доплелся до пещеры, где жили дэвы, вошел в нее и приветствовал их.

Старший дэв сказал ему:

— Мы бы растерзали тебя и съели вместе с потрохами, если бы ты нас не приветствовал. Ну, говори, кто ты такой?

— Меня зовут Худайберды-силач,— ответил он.

— Тогда садись к нашему очагу и будь гостем.

Худайберды уселся, и старший дэв сказал ему:

— Среди нас есть один дэв-силач. Если ты его поборешь, то можешь просить у нас чего хочешь, а если он победит, тогда мы немедля съедим тебя.

Дэвы позвали своего силача, и тот начал борьбу с Худайберды. У Худайберды сразу захрустели кости, и глаза

полезли на лоб. Ожидая своего смертного часа, Худайберды запрокинул голову, а дэв-силач увидел, что тот уставился в небо, и спросил:

— Что высматриваешь в небе?

Худайберды собрался с последними силами и ответил:

— Я высматриваю ту звезду, под которую тебя сейчас подброшу.

Услыхав это, дэв-силач выпустил Худайберды и бросился бежать. Худайберды побежал вдогонку.

— Стой, стой! — закричал старший дэв. — Не губи нашего силача! Мы дадим за него выкуп!

— Ладно, — согласился Худайберды, — пусть он живет. А выкуп мне дайте без обмана.

Тут Худайберды подсел к дэвам и сказал:

— Теперь я хочу посмотреть, чьи блохи больше: мои или ваши?

Старший дэв снял с себя блоху величиной с кулак. Худайберды вытащил из-за пазухи фазана и подбросил его.

Фазан, шумно хлопая крыльями, улетел прочь.

— Вот так блоха! — изумились дэвы.

— У богатыря и блохи богатырские, — сказал Худайберды. — А теперь покажите, какой толщины у вас волосы.

Старший дэв вырвал из своей головы волос толщиной в десять конских волос, а Худайберды вытянул из-под пахи ослиный хвост.

Удивились дэвы и сказали:

— Вот так волосы! И как только голова твоя их выдерживает?!

— У богатыря и волосы богатырские, — ответил Худайберды. — Напоследок давайте померимся силою ног. Кто из вас сможет выжать масло из земли?

Дэвы поднялись и начали разминать свои ноги. Худайберды тем временем незаметно вынул из кармана яйцо, положил его на камень и слегка присыпал песком.

Дэвы начали изо всех сил топтать ногами. Земля затряслась, но масла не было видно.

— А где же масло? — спросил Худайберды.

Дэвы стали топтать ногами так, что от их топота повалилась пятисотлетняя чинара, но масла не было.

— Ни капли масла не выдавили, — сказал Худайберды. — Теперь глядите, как я буду выжимать масло.

С этими словами он нажал ногой на закопанное в песке яйцо, и тотчас же из песка выступил желток.

Дэвы с изумлением обступили Худайберды, а старший дэв сказал:

— Ну и силища же у тебя!

— Теперь будем состязаться, кто из нас больше деревьев повалит! — предложил Худайберды.

Дэвы согласились и начали выдергивать из земли вековые деревья вместе с могучими корнями.

После того как каждый дэв выдернул по десятку деревьев, Худайберды размотал свои веревки.

— Ты что собираешься делать? — спросил старший дэв.

— Не хочу выдергивать каждое дерево поодиночке! — ответил Худайберды. — Я обвяжу веревками весь ваш лес и сразу повалю.

— Что ты! — испугались дэвы. — Этот лес посадили наши деды! Пощади его, мы прибавим к выкупу еще и подарки!

— Ладно, пусть будет по-вашему, — согласился Худайберды. — Тащите выкуп сюда и подарки.

Дэвы засуетились, взяли заступы и пошли откапывать зарытое в землю золото.

Перед уходом старший дэв сказал Худайберды, показывая на сорокаведерный котел с пловом:

— Если проголодаешься, присаживайся к котлу и ешь сколько сможешь, а мы, когда вернемся, доедим, что после тебя останется.

Дэвы ушли, а Худайберды вырыл яму, перетаскал в нее лопатой весь плов из котла и засыпал яму землей.

Когда дэвы вернулись, они увидели Худайберды, залезшего в котел и облизывающего его дно. От удивления они и рты разинули.

— Столько плова нам всем не съесть, сколько он один съел.

Старший дэв сложил в пещере семь мешков золота и сказал Худайберды:

— Ложись спать, а утром я прикажу кому-нибудь из дэвов отвезти тебя домой.

Дэвы устроили в пещере постель и дали Худайберды тигровую шкуру, а сами вышли наружу и стали потихоньку совещаться.

— Что нам делать с этим Худайберды-силачом? — сказал старший дэв. — Он унесет наше золото и, чего доброго, еще обложит нас данью.

— Теперь он непременно повадится ходить к нам за золотом, — сказал другой дэв.

— Давайте убьем его, — предложил старший дэв. — Ночью, когда он уснет, подкроемся к нему и убьем.

Худайберды подслушал их разговор и не лег спать на постель, а положил под тигровую шкуру камни, сам же спрятался в углу.

Поздно ночью дэвы подкрались к пустой постели Худайберды и долго дубасили камни, покрытые шкурой. Старшему дэву и этого показалось мало: он приказал еще поджечь хворост, на котором была разостлана постель Худайберды.

Покончив с этим, голодные дэвы принялись варить плов. Ранним утром, когда плов поспел, они присели к котлу, но в это время из пещеры, позевывая и потягиваясь, вышел Худайберды.

Дэвы в таком ужасе повскакали с мест, что опрокинули котел и вывалили весь плов на землю.

— Что-то мне плохо спалось,— сказал им Худайберды.— Сначала будто моросил дождь и мелкие капли падали на меня, а когда я плотней закутался в шкуру, то так упарился, что даже вспотел.

Старший дэв в страхе сказал одному из дэвов:

— Сажай себе на плечи Худайберды-силача, забирай семь мешков золота и уноси его отсюда, пока мы целы!

Дэв взвалил на себя мешки с золотом, посадил сверху Худайберды и поднялся ввысь.

В пути дэв спросил Худайберды:

— Славный силач, ты так много ешь плова, а в теле твоём нет никакой тяжести. Почему бы это?

— Потому,— ответил Худайберды,— что я не хочу обременять тебя всей своей тяжестью. Я закинул на небо веревку и держусь за нее.

Тогда дэв попросил:

— А ну, отпусти веревку! Я хочу почувствовать тяжесть твоего богатырского тела.

— Ладно,— сказал Худайберды,— сейчас почувствуешь.

Он вытащил из-за пояса нож и стал медленно загонять его между лопатками дэва.

— Худайберды! — взмолился дэв.— Хватайся опять за веревку, а то я не выдержу тяжести и мы упадем!

Худайберды спрятал нож, и дэв полетел быстрее.

Наконец, они спустились в том лесу, где жила лисица, обманувшая Худайберды.

— Отпусти меня домой, Худайберды-силач,— попросил его дэв.— До твоего дома осталось недалеко: взвали себе на плечи семь мешков золота и шагай спокойно.

Худайберды увидел под деревом лисью нору.

— Нет, дэв,— сказал он,— уговор был такой, чтобы ты довез меня до дому. Если устал лететь, пойдем пешком.

Мешки с золотом придется нести тебе. Люди привыкли видеть, что я переношу разом по нескольку верблюдов и быков, и если теперь увидят на моей спине эти легкие мешки, то будут надо мной смеяться.

Все это слышала лисица, высунувшая свою морду из норы.

Дэву ничего не оставалось делать, как донести мешки с золотом до кибитки Худайберды. Здесь Худайберды отпустил его, и дэв поспешил в ближайший лес, чтобы передохнуть немного перед тем, как лететь обратно.

В лесу встретила его лисица:

— Откуда идешь, дэв?

— Отнес домой Худайберды-силача и семь мешков золота,— ответил дэв.

Лисица начала смеяться:

— Вот еще, нашел храбреца-силача! Да он даже меня боится! Он из-за трусости отдал мне материю, которую вез на базар, а вы ему платите дань!

Лисица еще пуще залилась смехом. Но дэв ей не поверил. Тогда лисица сказала:

— Если не веришь, я тебя поведу к его кибитке. Он, как увидит меня, тотчас же убежит, и ты сможешь взять обратно все свое золото. Только уговор: ты мне дашь в награду немного золота на зимнюю шубу.

Дэв согласился, привязал себя веревкой к шее лисицы и пошел с ней к Худайберды.

Завидев издали лисицу и дэва, Худайберды забрался на свою кибитку и крикнул сверху:

— Эй, лисица! Ты проиграла мне в кости трех дэвов, а ведешь только одного! Где же остальные два?

Услышав это, дэв закричал на лисицу:

— Ах, негодная обманщица! Ты хотела хитростью отдать меня Худайберды-силачу!

Он рванулся, лисица взвилась на веревке и с такой силой ударилась о землю, что разлетелась на мелкие куски, а дэв побежал так быстро, что только пятки засверкали.

С той поры Худайберды прославился как храбрый силач.

ПОДАРОК

Много труда и времени положил Мирали на бахчу. И его усилия не пропали даром: урожай удался на славу.

— Ата,— обратился он как-то к своему отцу,— разреши мне отвезти несколько самых лучших наших дыней падишаху?

— Эй, сын мой,— покачал седой головой отец,— не дело ты затеял. Ты думаешь, он наградит тебя? Напрасные надежды! Владыки неблагодарны.

Мирали усмехнулся, нагрузил на ишака два хурджуна с отборными дынями и поехал. Издали завидев Мирали, Султансоюн переоделся стражником и встал у входа во дворец. Мирали хотел было пройти мимо, но стражник остановил его.

— Эй, парень, куда ты?

— Хочу угостить дынями Султансоюна,— ответил ничего не подозревавший Мирали.

— Эх и глупая же твоя голова,— сказал стражник.— Чем везти такие дыни сюда, продал бы их на базаре. Толку будет больше. Ведь Султансоюн человек неблагодарный.

— А я и не жду благодарности,— сказал Мирали.— У меня только одно желание, чтоб он попробовал какие они.

— Ну если так, заезжай во двор, а я пойду спрошу разрешения,— сказал стражник.

Султансоюн вернулся во дворец, снова переоделся и уселся на свой трон.

— Великий падишах! — вошел и, склонив голову, произнес Мирали.— Я привез вам самых лучших дынь со своей бахчи.

— Что ж, они неплохи,— взглянув на подарок, сказал Султансоюн,— но у меня есть лучше. К тому же я ничем не смогу тебя отблагодарить. Если хочешь — можешь их везти обратно.

— Я же вам уже говорил, что мне от вас ничего не надо,— сказал Мирали.

— Что ты говорил?

— О, что вы слышали. Зачем же повторять.

Султансоюн удивился наблюдательности Мирали и щедрился: дал ему пригоршню золотых таньга.

Мирали поблагодарил и вышел. Придворные окружили Султансоюна и наперебой заговорили:

— О великий падишах, если ты будешь давать такие

деньги каждому, кто принесет тебе пустяковину, то твоя казна очень скоро станет пустой.

— Эти деньги не даются каждому,— улыбнулся Султансоюн,— а только умному, и не за дыни, а за слово.

— Чем же он отличился от нас?— спросил удивленный визирь.

— А вот чем,— сказал Султансоюн.— Он выманил у меня деньги словом. Теперь попробуйте словом же взять их у него.

— Дозвольте мне попробовать,— вызвался один из визирей.

— Дозволяем,— усмехнулся Султансоюн.

Визирь опрометью выбежал из дворца и поспешил за Мирали. Увидев того вдали, он крикнул:

— Эй, молодой человек, остановись!

Мирали подождал.

— Скажи мне,— глубокомысленно начал визирь,— где середина земли?

— Середина земли?— переспросил Мирали.— Кто же этого не знает: она под правым копытом передней ноги моего ишака.

— Откуда ты знаешь?— прищурив глаза, допытывался визирь у Мирали.

— Не веришь?— невозмутимо сказал Мирали.— Возьми и измерь, а я пока подожду.

Визирь помялся, помялся и ни с чем вернулся во дворец.

— Где же мои деньги?— спросил Султансоюн.

— Я их не сумел взять,— признался визирь.

— Эх, ты!— вырвалось у другого визиря.

— Может быть ты попытаешься?— спросил Султансоюн.

— Разрешите— верну!

— Ну, с богом!— благословил Султансоюн.

Мирали прошел уже половину пути, когда его догнал другой падишахский визирь.

— Эй, парень,— высокомерно начал он,— или ответь мне на вопрос, или верни деньги падишаха.

— Задавай!— ответил Мирали.

— Сколько звезд на небе?

Мирали взглянул на собеседника, улыбнулся одними глазами и вежливо сказал:

— Кто же этого не знает? Их ровно столько, сколько волосинок на моем ишаке.

— Ты уверен?— не сдавался визирь.

— Сомневаетесь— посчитайте!

Визирь не нашелся, как выйти из этого затруднения,

и посрамленный поплелся во дворец.

Посмеявшись вдоволь над вторым неудачником, Султансоюн громко спросил:

— Кто еще хочет попытать счастья?

Вызвался главный визирь. Он вскочил на своего любимого рысака и быстрее ветра домчался до Мирали.

— Эй, парень, ответь мне на вопрос — получишь коня, не сумеешь — отдашь деньги падишаха.

— Слушаю — спрашивай!

— Ты, конечно, знаешь, что на небе живет белая курица?

— А как же об этом не знать! — усмехнулся Мирали.

— Скажи, о чем она сейчас кричит?

Мирали поднял голову и прислушался.

— Слышу, — сказал он. — Только понять не могу. Разрешите мне подняться на твоего коня?

— Пожалуйста! — с готовностью отозвался визирь.

Поднявшись на стремянах, Мирали прислушался и обрадованно воскликнул:

— Слышу, слышу!

— Что?

— Она говорит: «Мирали, удобнее усаживайся в седле и прищпорь коня, а визирю достаточно будет и ишака!»

Мирали натянул поводья, взмахнул плеткой, и застоявшийся красавец конь с места взял в галоп.

Визирю ничего не оставалось делать, как взобраться на вислоухого ишака и тащиться домой. На обратном пути визирь как мог проклинал мудрого Мирали. Вид у визиря был не лучше, чем у побитой собаки.

Султансоюн, увидев возвращающегося главного визиря, от души расхохотался.

— Ну что? — со слезами на глазах спросил он. — Теперь вы поняли, каков Мирали?

Главный визирь слез с ишака, ударил его палкой, чтобы он ушел с глаз долой, и сказал: «Недаром говорится — не борись с сильным и не состязайся с резвым!»

дин падишах тяжело заболел. Лекари усердно лечили его, но не могли вылечить. Придворные стали ждать смерти падишаха, и каждый наперебой старался услужить ему, надеясь, что падишах отдаст самому услужливому престол.

Однажды падишах призвал к себе визиря и придворных и сказал:

— Если вы не найдете исцеляющего лекарства, то я, прежде чем сам умру, всем вам отрублю головы.

Придворные разбежались и в страхе принялись искать лекарство. Не найдя его, они пришли к визирю и спросили:

— Может ли падишах исполнить свою угрозу?

— Может! — ответил визирь. — Сумасшедший и бога проклянет.

Тогда они снова кинулись на поиски и, наконец, нашли одного лекаря, который взялся исцелить падишаха.

Пришел лекарь к падишаху и сказал:

— Да продлится твоя жизнь, милостивый падишах! Есть только одно средство для твоего исцеления. Если исполнишь, что я скажу, — выздоровеешь, а не исполнишь — умрешь.

— Говори скорее, — приказал падишах.

— Пусть приведут к тебе одного умного и одного дурака, — сказал лекарь. — Убей того и другого и выпей их кровь.

Падишах тотчас же приказал визирю найти самого умного человека и самого глупого.

Визирь сел на коня, поехал в медресе и нашел там ученого муллу, который двадцать лет сидел в келье, изучая изречения мудрецов. Визирь посадил его на коня и привез во дворец.

После того он поехал на поиски дурака. Каждого встречного он спрашивал: «Считаешь ли ты себя дураком?» — но никто не захотел признать себя дураком. Тогда визирь отправился в пески и повстречал пастуха в рваной одежде.

«Вот этот и есть самый глупый дурак в царстве», — решил визирь. Ни о чем не спрашивая пастуха, он избил его камчой и погнал впереди себя во дворец.

— Привел к тебе дурака, — сказал визирь падишаху.

Пастух от всей души приветствовал падишаха, но тот даже не взглянул на него.

— Падишах, зачем я понадобился тебе? — спросил пастух.

— Сев на верблюда, не прячься за седло, — ответил падишах. — Я тяжело болею, а ты — мое лекарство.

— Большая честь быть твоим лекарством, — сказал пастух. — Но как я смогу исцелить тебя?

— Если я выпью кровь одного умного и одного дурака, — ответил падишах, — то непременно выздоровею.

— А как ты угадаешь: кто самый умный и кто самый глупый? — поинтересовался пастух.

Падишах ответил:

— Зачем мне ломать себе голову? Вот сидит мулла — он самый умный. А ты — самый глупый.

— А разве можно считать умным того, кто заучивает наизусть изречения умных? — спросил пастух. — Если для твоего исцеления нужен действительно умный человек, то это не кто иной, как сам лекарь.

Мулла, дрожавший от страха, с облегчением вздохнул, а сидевший тут же лекарь закричал:

— У меня от рождения никогда ума не было! Вот ни-сколечко ума не было!

— Этому никто не поверит, — сказал пастух. — Если бы у тебя не было большого ума, то как бы ты мог узнать, какое лекарство нужно падишаху?

Падишах нашел слова пастуха разумными и приказал:

— Гоните вон муллу! А вместо него вяжите лекаря!

Мулла обрадовался и пустился бежать так проворно, что только пятки засверкали, а лекарь помертвел от страха.

«Муллу я спас, — подумал пастух, — а теперь нужно позаботиться о себе». И он сказал падишаху:

— Ты считаешь, что я — самый последний дурак. Но если бы это было верно, мне не давали бы каждый месяц по ягненку.

— Кто же тогда дурак? — спросил озадаченный падишах.

— Всякий вор непременно дурак, — ответил пастух. — Ты сам подумай: вора ловят, избивают, сажают в темницу, а он снова идет воровать.

— Где же найти главного вора? — спросил падишах.

— Горы без волка не бывают, а казна — без вора! — ответил пастух и поглядел на визиря.

Визирь побледнел и сказал падишаху:

— Я приведу самого главного вора, — и он тут же послал есаулов в темницу.

Падишах выпил кровь лекаря и вора и исцелился от недуга. В благодарность он подарил пастуху осла с отрублен-

ным хвостом и оставил его своим конюхом.

Как-то раз падишах с визирем поехали на охоту, а пастух последовал за ними на своем осле.

Проезжая мимо одного сада, они увидели девушку. Она шла с кувшином к ручью. Девушка была такой красоты, что не ешь, не пей, а только любуйся на нее.

Падишах, визирь и пастух с первого взгляда влюбились в красавицу. А она даже не обернулась в их сторону.

Падишах отказался от охоты, сейчас же возвратился во дворец. Как только стемнело, он переоделся, тайком вышел из дворца и направился к саду красавицы.

На его стук вышла из ворот служанка и вынесла скатерть и блюдо, на котором лежали печенка и легкое.

Падишах не знал, что делать с этим блюдом, и приказал служанке отнести его своей хозяйке.

Через некоторое время служанка вернулась и сказала падишаху, что красавица не желает его видеть.

Тут слышались чьи-то шаги, и падишах, испугавшись, спрятался за деревом.

К воротам подошел визирь. Как только он постучался, служанка вынесла ему то же самое блюдо и скатерть.

Визирь не знал, что с этим делать, и отослал блюдо, а вместе с ним и скатерть, обратно.

Служанка унесла блюдо, а потом возвратилась и сказала, что красавица не желает видеть визиря.

Не успела служанка захлопнуть ворота, как слышался топот ослиных копыт.

Испуганный визирь кинулся за дерево и столкнулся там с падишахом. Он не успел упасть ему в ноги и просить прощения, но падишах удержал его, шепнув:

— Посмотрим, что будет дальше!

Из темноты тем временем показался пастух. Он подъехал на осле к воротам и постучался.

Служанка вынесла завернутое в скатерть блюдо с той же печенкой и легким.

Пастух вытащил из-за пояса нож, отделил печенку от легкого, нарезал их мелкими кусочками, старательно перемешал, проделал в скатерти много дырок и проткнул через них нарезанные кусочки печенки и легкого. Потом он все это завернул в скатерть, сломал нож пополам и отослал красавице.

Служанка вскоре вернулась и сказала:

— Ответ получишь в свое время.

Утром, когда солнце поднялось на высоту птичьего полета, падишах вызвал к себе визиря и спросил:

— Что означает ночная проделка этого странного пастуха и ответ красавицы?

Визирь только руками развел.

— Тогда посылай немедленно сватов к красавице,— приказал падишах.— Пусть скажут ей, что я хочу осчастливить ее — жениться на ней.

Горько было слушать это визирю, но послушаться он не посмел.

Сваты вскоре вернулись и передали ответ: «За падишаха не пойду».

Падишах разгневался и закричал:

— Как смела она отказать мне — владыке целого царства! Убить ее, негодницу!

Услышав крик падишаха, прибежал пастух.

— Милостивый падишах! — сказал он.— Выслушай мое желание!

— Вот еще! — заорал падишах.— Какие могут быть желания у пастуха?!

Тут вмешался визирь и поддержал пастуха:

— Не гневайся, падишах, пастух твой подданный, а каждый подданный желает тебе здоровья и имеет еще какое-нибудь доброе пожелание. Так выслушай его.

— Ладно,— смягчился падишах,— пусть говорит!

— Милостивый падишах,— сказал пастух,— достойно ли владыке царства убивать слабую, беззащитную девушку? Если народ узнает об этом, то пойдут толки: «Падишах, мол, убил девушку за то, что она не захотела выйти за него замуж. А не захотела она, потому что падишах глупей дурака, кровь которого он выпил».

— Верно говорит пастух,— поддержал его визирь.

Падишах подумал и сказал:

— Хорошо, я дарю ей жизнь. Пусть она, неблагодарная, выходит замуж за кого хочет.

Тогда визирь попросил падишаха:

— Позволь мне послать к этой девушке сватов.

Падишах разрешил, и визирь немедленно отправил сватов в дом девушки. Сваты скоро вернулись и принесли ответ: «Не пойду за визиря!»

Пастух осмелился тогда обратиться к падишаху:

— Милостивый падишах, разреши и мне послать к этой девушке свата.

Падишах рассмеялся:

— Девушке, которая отвергла и меня и визиря, разве может понравиться простой пастух?

Все же он разрешил пастуху послать свата.

Когда сват вернулся, падишах стал смеяться пуще прежнего:

— Беги, пастух, к девушке! Она велела тебе немедленно переселяться к ней в дом!

Сват поклонился падишаху и сказал:

— Да, девушка дала согласие выйти замуж за пастуха. Это известие изумило падишаха и расстроило визиря.

Падишах вспомнил ту ночь, когда он сам, а затем визирь и пастух поочередно стучались в ворота, и спросил пастуха:

— Ты стучался ночью в ворота?

— Нет, милостивый падишах,— ответил пастух.

— Лжешь! А печенку и легкое разве она не посылала тебе на блюде?

— Нет, милостивый падишах!

— Если не скажешь правду, я прикажу казнить тебя, а если скажешь — помилую! — разгневался падишах.

— Клянусь, милостивый падишах, я ничего этого не знаю!

Тогда визирь сказал:

— Хитрый пастух обманывает. Его непременно нужно повесить.— Пастух продолжал запереться, и падишах приказал казнить его.

На пастуха надели петлю.

Красавица, узнав, что ее жениха повели на казнь, насыпала в тыкву золы и приказала служанке бросить тыкву к ногам пастуха.

Служанка побежала к виселице.

Туда же пришли падишах и визирь. Падишаху очень хотелось узнать тайну той ночи, и он сказал пастуху:

— Если расскажешь, что означает твоя проделка с печенкой и легким, я помилую тебя.

Пастух в ответ только головой покачал.

Тогда падишах приказал палачу повесить пастуха.

В это время служанка красавицы подбежала к виселице и бросила тыкву. Тыква разбилась, и зола посыпалась из нее.

Увидя это, пастух закричал:

— Милостивый падишах, не казни меня! Я все расскажу!

Падишах тотчас велел палачу остановиться и, засмеявшись, сказал пастуху:

— Значит, ты все-таки испугался смерти?

— Нет, милостивый падишах,— сказал пастух.— Я ни тебя, ни смерти не боюсь...

— Лишнего не болтай,— в нетерпении перебил его падишах,— рассказывай все, как было.

— Милостивый падишах,— начал пастух,— ночью я дей-

ствительно стучался в ворота девушки, и она прислала мне на блюде печенку и легкое. Этим она хотела спросить: «Если я дам согласие выйти за тебя замуж, будем ли мы, живя вместе, как печень и легкое в одном теле, держаться порознь друг от друга или между нами не будет преград?» Я нарезал печенку и легкое на мелкие кусочки и смешал их. Этим я дал ответ: «Между нами не будет никаких преград».

— Предположим так,—сказал падишах.—А почему ты продырявил скатерть и проткнул сквозь дырки кусочки печенки и легкого?

— Этим я хотел сказать девушке,—ответил пастух,—что если и мое тело будут так же точно дырявить и мучить пытками, я никому не открою тайну, и никто не узнает, что ночью я приходил к ней. Потом я переломил свой нож и послал девушке: это означало, что слово мое крепко, как та сила в руке, что сломила булат.

— Предположим так,—сказал падишах.—Но почему же ты сейчас рассказываешь мне свою тайну, а раньше не хотел говорить?

— Он испугался смерти,—сказал визирь.

— Нет,—возразил пастух.—Не из страха перед смертью я рассказал тайну, а потому, что служанка девушки бросила мне под ноги тыкву. Тыква разбилась, и зола из нее высыпалась. Этим невеста моя хотела сказать мне: «Я не желаю, чтобы ты умирал из-за меня. Пусть наша тайна рассеется по свету, как рассеялась зола, которая была сокрыта в тыкве».

Падишах приказал освободить пастуха, назначил его придворным конюхом, женил на красавице и устроил им свадебный той.

Визирь из зависти не пришел на пир.

Через некоторое время падишах послал пастуха в степь, чтобы он присмотрел за табуном лучших коней. Визирь воспользовался этим и предложил падишаху:

— Теперь самое подходящее время: пастуха ночью не будет дома, мой падишах может пойти к его красавице жене.

Падишах согласился и с нетерпением стал дожидаться ночи.

Пастух догадался о намерении падишаха и вечером, когда табунщики уснули, возвратился домой и спрятался.

Жена собиралась уже ложиться, как вдруг в комнату вошел падишах: нарядный, с закрученными усами и холеной бородой.

Красавица поняла, зачем пробрался к ней падишах, и сказала ему:

— Добро пожаловать, падишах! Садись, я расскажу тебе сказку.

— Только не болтай лишнего, рассказывай покороче,— с нетерпением сказал падишах.

— Лев дружил с лисой,—начала рассказывать жена пастуха.— Однажды лиса говорит льву: «Пойдем, приятель на охоту. Я знаю в степи одно место, где можно отыскать кулана».—«Ладно,—сказал лев,—пойдем». Лиса привела льва на то место, где жил кулан. Лев догнал кулана и схватил его. Вдруг он увидел на ноге кулана кровавую рану и спросил лису: «Эй, умница, что это у него за рана?» Лиса ответила: «Это его волк поранил. Он хотел схватить кулана, но кулану удалось убежать». Услышав это, лев сказал: «Эй, приятельница, лев, который не побрезгует добычей волка, хуже шакала». С этими словами он отпустил кулана.

Падишах сразу догадался, с кем его сравнивает девушка, и не желая, чтобы его сравнивали с шакалом, поспешно поднялся и ушел.

Красавица легла спать, а пастух отправился к табуну.

Наутро пастух возвратился в город, но домой не пошел, а остался во дворце падишаха.

Красавица узнала, что ее муж находится во дворце, позвала своего брата и сказала:

— Иди во дворец, схвати за шиворот моего мужа и тащи его домой. Когда падишах спросит, зачем ты тащишь пастуха, ответь так: «Я ему продал сад, а он не пользуется им. Если не хочет владеть, пусть возвратит обратно».

Брат красавицы так и поступил.

Пастух, когда его схватили за шиворот, догадался, как надо себя вести, и спросил:

— Куда ты меня тащишь?

— Домой,—ответил брат красавицы.

— Зачем? —спросил падишах.

— Затем, что я продал ему сад, а он не пользуется им,—ответил брат красавицы.—Если не хочет им владеть, значит он ему не нужен. А если не нужен, то пусть возвратит обратно.

Тогда падишах сказал пастуху:

— Раз ты купил сад, надо пользоваться им.

Пастух ответил:

— Милостивый падишах, как же мне пользоваться своим садом, если я нашел там следы льва?

Визирь сердито сказал:

— Этот пастух всегда задает нам загадки.

— Нет,—возразил падишах.—Это не загадка, а отгадка.

И, засмеявшись, обратился к пастуху:

— Чужой след навсегда исчезнет из твоего сада. Лев никогда не тронет добычу волка.

Пастух пошел домой и с этого дня счастливо зажил со своей женой.

ХОРЕЗМИН

В далекие времена на царство падишаха Куня-Ургенча напали враги. Много тогда погибло людей, но еще больше убежало в пески и степи. Война шла пять дней и пять ночей. На шестой день произошло перемирие.

Во время нападения на город, у двух мальчиков-братьев погибли родители. Мальчики долго плакали, не зная, что им делать. Они вместе со всеми беженцами ушли в степь. Люди, жалея сирот, делились с ними своим хлебом и водой, а когда наступил мир, привезли мальчиков обратно в аул.

В конце аула была финиковая роща, а за ней — озеро. Один бедняк повел детей к этой роще, вырыл для них землянку, поселил их там и отдал свое старенькое одеяло. Рыбакам, которые ловили рыбу в озере, он наказал: «Давайте мальчикам каждый день от своего улова — аллах вознаградит вас за это». Попрощался бедняк с сиротами и ушел.

Мальчики потеряли своих родителей, когда были совсем маленькими. Живя в землянке, они не знали, кого как из них зовут и называли друг друга «Эй». Когда же они немного подросли, решили сами дать себе имена. Старший сказал: «Я тебя буду звать Хебеши, а ты меня — Хорезмин». На том и порешили.

Стали братья отроками. Смастерили себе луки и стрелы, часто уходили охотиться на зайцев и птиц, научились ловить рыбу. Иногда их навещал бедняк, который слепил им землянку. Он приносил старенькую одежду и говорил: «Сыновья мои, завтра у такого-то бая будет той, приходите насытить свои желудки». Мальчики шли на той, но, стыдясь своей рваной одежды, садились где-нибудь в сторонке и оставались голодными.

Но вот братья стали юношами. Сделались они хорошими охотниками и зажили как все: не богато, не бедно. Младше-

му, Хебешу,—двадцать лет, а старшему, Хорезмину,—двадцать один год.

Однажды к падишаху Куня-Ургенча пришел страшный аждарха: длинный, как два каната, с головой как казан, с пастью как отверстие тамдыра, с клыками как зубья бороны, с грудью, как скала и сказал:

— Я пришел, чтобы проглотить вас всех.

Падишах и все его нукеры от страха лишились языка. Когда же пришли в себя, то стали упрашивать аждарха:

— Хочешь, мы отдадим тебе весь свой скот, дадим золота и серебра.

— Нет, я хочу человеческого мяса. Если вы будете давать мне каждый день по одной девушке, то я не трону вас,—грозно захохотал аждарха.

Падишах выдал ему одну девушку и избавился от него на один день. На следующий день аждарха пришел снова и ему дали еще одну девушку. Родители с плачем и криками расставались со своими дочерьями.

Аждарха стало жалко их и он сказал:

— Я не буду пожирать девушек в городе. За городом у бархана растет большой карагач, приносите туда девушек с завязанными глазами, и я буду их поедать там.

Так каждый день к указанному месту привозили по одной девушке и аждарха пожирал их. Вскоре в городе не осталось ни одной девушки, кроме дочери падишаха. Когда ему сообщили об этом, он сказал:

— Если так, то отвезите и мою дочь, иначе мы погибнем все.

Дочь падишаха нукеры отвезли, привязали к карагачу и уехали.

Теперь послушаем о Хорезмине и Хебеше.

Утром после чая Хорезмин спросил Хебеша:

— Брат, ты пойдешь сегодня ловить рыбу?

— Да, я пойду ловить рыбу, а ты иди на охоту в пески,—ответил Хебеш.

Хорезмин взял с собой восемь стрел и отправился в пески на охоту. Долго ли, коротко ли он шел, вдруг видит привязанную к карагачу девушку. Он подошел к ней.

— Чья ты дочь и что здесь делаешь?—спросил ее Хорезмин.

— Я—дочь падишаха. Меня оставили здесь на съедение змею,—ответила девушка.

Лицо девушки совсем пожелтело. (Недаром до сих пор больному человеку говорят: «Тебя как будто оставили на съедение змеи»). Юноше стало жаль девушку, и он решил:

«Спасу ее от аждарха чего бы это мне ни стоило». Он вынул свой нож, вырыл яму и до утра ждал в ней змея. Утром, когда поднялось солнце, на дороге появился аждарха. Хорезмин лежал, не шевелясь до тех пор, пока аждарха не приблизился на расстояние ста шагов. Увидев девушку, аждарха поднял голову и пополз быстрее. Хорезмин пустил в него первую стрелу. Стрела попала прямо в пасть аждарха и застряла в голове. Вторая стрела пронзила насквозь его тело. От боли змей подскочил и забился в судорогах. Хорезмин пустил в аждарха остальные стрелы и добил его. Затем Хорезмин вытащил из-за пояса нож, вырезал из спины змея кусок кожи, освободил девушку и сказал:

— Иди и отдай эту кожу своему отцу.

Пришла девушка домой, видит: родители справляют по ней поминки. Все люди города собрались во дворце. Увидев ее, падишах едва не лишился чувств. А дочь падишаха бросила перед отцом кожу аждарха и радостно сказала:

— Охотник Хорезмин убил аждарха и освободил меня. Он просил передать тебе вот этот кусок кожи!

— Если так, то приведите скорее сюда Хорезмина! — обрадовался падишах. — Я вознагражу его. — Эй, нукеры, вы слышите — Хорезмина ко мне!

Но ни нукеры, ни другие приближенные падишаха не знали кто такой Хорезмин.

— Эй, дайхане, не знакомы ли вы с Хорезмином? — спросил падишах.

— Мы знаем его, это один из братьев-сирот, родители которых погибли во время нападения врагов.

Через некоторое время Хорезмин предстал перед падишахом.

— Это ты убил аждарха? — спросил его падишах.

— Да, я, — ответил Хорезмин.

— Приведите ему лучшего коня, оденьте на него самый дорогой халат и выдайте два батмана золотых таньга, — приказал падишах.

Казначей принес два батмана золотых таньга и поставил их перед Хорезмином. Хорезмин взял в руки глиняный кувшин с золотом, высоко поднял его над головой и со всего размаху ударил о камни. Кувшин разлетелся на мелкие части, а монеты рассыпались по земле.

— Что это значит? — разозлился падишах.

— Это яд и отравы, — сказал Хорезмин. — Если ты — падишах и отец нашего народа, ты должен был знать, что во время войны погибли мои родители. Мы с братом остались сиротами, когда одному из нас было три, а другому четыре

года. Мы росли в нищете и страданиях, но ты ничем не помог нам. Теперь ты можешь забрать свои таньга, нам ничего от тебя не надо. Мы можем прожить своим трудом. Мы не зависим от твоего богатства. Я убил сегодня аждарха и спас твою дочь. Но есть еще аждарха самка, она не наестся вашими девушками и пожрет вас всех. Вся опасность еще впереди.

Услыхав такие слова, падишах испугался. Он собрал всех своих приближенных, и они вместе стали упрашивать Хорезмина помочь им. «Мы дадим тебе все, что ты захочешь, только, пожалуйста, спаси нас»,—говорили они.

— Мне ничего от вас не надо, достаньте мне пятьдесят метров каната, алмазную саблю, каждому из нас по одному тамдыру чурека и посуду для воды. Остальное вас не касается,—ответил Хорезмин.

Падишах приказал принести все, что попросил Хорезмин. Забрав с собой все это, братья отправились к страшному карагачу. Они отыскиали там следы убитого аждарха и пошли по ним. Братья шли три дня и три ночи. Наконец достигли большой норы аждарха. Скорее это была глубокая, как колодец, яма. Около норы не было свежих следов, и братья поняли, что самка-аждарха сидит в норе. Хорезмин посмотрел вокруг и увидел пасущихся овец. Это были овцы, принесенные аждарха.

— Давай привяжем один конец каната к поясу и спустимся в нору.—Или ты полезай, или я полезу,—предложил Хорезмин.

— Я спущусь,—сказал Хебеши.

— Ладно, полезай, если сможешь сразиться с аждарха, то честь тебе, а если нет, дернешь за канат, я вытяну тебя,—ответил Хорезмин.

Хебеши привязал канат к поясу и стал спускаться в нору. Не достигнув пяти-шести метров до дна норы, Хебеши увидел лежащую аждарха. Дно колодца было очень широким и аждарха спала, сунув голову во впадину и вытянув хвост. Она была в два раза больше убитого аждарха. Около спящей аждарха сидела девушка, отмахивала платком мух от чудовища. Девушка услышала шум над головой и посмотрела вверх. Она увидела, что к ним с канатом на поясе и с саблей в руках спускается юноша.

— О ты, несчастный, уходи отсюда! Пусть я одна останусь с этим чудовищем,—проговорила девушка.

Хебеши испугался и дернул за канат. Хорезмин быстро вытянул его наверх.

— Что ты там видел?—спросил он брата.

— Там спит аждарха в два раза больше убитого. Около нее сидит девушка и отгоняет мух. «Уходи отсюда, пусть я одна останусь с этим чудовищем. Оно проглотит тебя как только проснется»,— сказала она мне,— ответил Хебеши.

— Нет, брат, ты не выдержал. Давай сюда конец каната,— проговорил Хорезмин и, привязав канат к своему поясу, стал спускаться в нору.

Когда до дна колодца осталось всего один метр, наверху к Хебеши подошел старичок.

— Ах ты, несчастный Хебеши, чего ты тут сидишь. Аждарха уже доедает Хорезмина. Бросай канат и убегай отсюда, а не то аждарха проглотит и тебя.

Хебеши от испуга бросил канат и побежал прочь от норы.

Хорезмин свалился на аждарха и девушку. На шум его падения аждарха только выпустила дым из носа и, перевернувшись на другой бок, уснула. Хорезмин перерезал горло аждарха. Аждарха изо всех сил ударила хвостом по земле и все вокруг потемнело. Хорезмин ударил второй раз саблей по голове аждарха. Затем он разрубил змею на семь частей. После того как аждарха подохла, Хорезмин обратился к девушке:

— Ты чья дочь?— спросил он ее.

— Я— дочь мясника,— ответила девушка.

— Почему аждарха не съела тебя?

— Аждарха спросила меня: «Кто твой отец?» Я ответила, что он мясник. «Значит ты умеешь резать баранов?» Я от страха сказала, что умею. «Говорят, что люди из мяса барана делают хороший кебаб, умеешь ли ты его готовить?» Я ответила, что могу. «Если ты будешь готовить мне кебаб, отгонять мух, когда я буду спать, я не съем тебя»,— сказала аждарха, и я согласилась. Вот я и стала готовить для аждарха кебаб и отгонять от нее мух во время сна.

— Чем же занималась аждарха?— спросил ее Хорезмин.

— Аждарха съедала за один раз семерых овец и спала после этого семь дней и ночей. Во сне она видела в каких горах или крепостях лежит золото и серебро. Потом, принеся богатство, прятала под замок в своем подземелье. А другой аждарха приносил каждый день по девушке и по стаду овец,— сказала девушка.

— А где ключи от этого подземелья?— спросил Хорезмин.

— Вон там пониже лежит синяя кошка, ключ висит у нее на шее. Сейчас эта кошка спит, но, когда она проснется, тебе не сдобровать,— сказала девушка.

Хорезмин осторожно подошел к кошке и, взмахнув саблей, разрубил ее на две части. Он взял ключи и, открыв

подземелье, увидел множество сокровищ со всего света. Хорезмин набрал в кувшин два батмана золота и, привязав его к канату, сказал девушке:

— Я вылезу наверх и вытяну сначала кувшин с золотом, а потом подниму тебя, только помоги мне.

Хорезмин поднялся наверх по стенам ямы, поднял золото и девушку. Наверху они поели и, отдохнув, тронулись в путь. Когда они проходили мимо леса, оттуда вышел Хебеши.

— Ты почему убежал?—спросил его Хорезмин.

— Ко мне подошел старик и сказал, что аждарха уже доедает тебя, и если я не убегу, то съест и меня. Я испугался и убежал. Я думал, что это какой-то святой, но это был шайтан,—рассказал Хебеши.

Хорезмин накормил Хебеши и снова они отправились в путь. Через три дня братья и дочь мясника достигли города и вошли в покои падишаха.

— Теперь проси от меня чего хочешь,—сказал обрадованный падишах Хорезмину.

— Мне ничего твоего не надо. У меня у самого много богатства. Если хочешь почтить меня, то дай мне четырех молодцев поздоровее и тридцать верблюдов, я хочу привезти все богатство,—ответил Хорезмин.

Падишах дал ему все, что он попросил, и Хорезмин перевез все богатства аждарха. Падишах строил в городе крепость и платил один алтын за сорок дней работы. Увидев это, Хорезмин решил отомстить падишаху и тоже стал строить крепость.

— Падишах платит вам один алтын за сорок дней работы, а я буду платить алтын за день,—объявил он работающим. Крепость, построенная Хорезмином, была прекраснее всех крепостей на свете. Крепость падишаха рядом с крепостью Хорезмина выглядела как курятник. После этого Хорезмин устроил большой той для бедных и раздал им золото.

Через некоторое время Хорезмин снова собрал у себя юдей и сказал, что собирается жениться. Тогда падишах уня-Ургенча ему предложил:

— Я отдам свою дочь за Хорезмина, не ищите невесты.

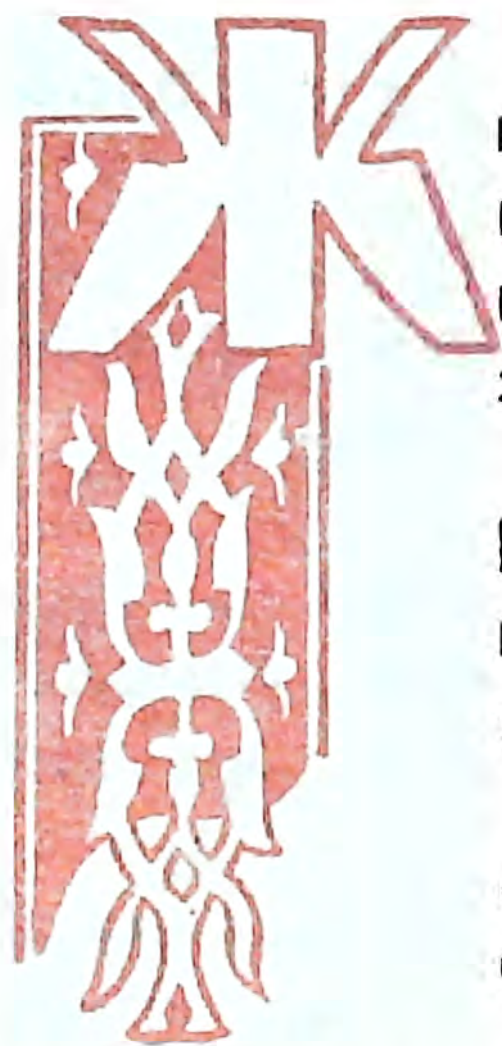
— А я отдам свою дочь за Хебеши,—сказал мясник.

Устроили той на сорок дней и ночей. На этом тое беднякам раздавали золото и серебро. После тоя падишах вскоре заболел и перед смертью наказал:

— После моей смерти пусть царствует Хорезмин, у меня нет сыновей, кроме него. У нашей страны нет названия. Хорезмин же спас свой народ от смерти, пусть теперь наша страна называется «Хорезмин».

Отсюда и пошло название Хорезм.

НАХОДЧИВЫЙ БЕДНЯК

ил-был падишах. Славился он тем, что любил потешаться над своими подданными. Как-то он призвал к себе самого бедного дайханина и сказал ему:

— Ты беден, и я хочу тебя сделать богатым. Вот тебе письмо, иди к главному казначею и потребуй от него, чтобы он тебе выдал все, что я приказал.

Бедняк вышел от падишаха и задумался: «К чему бы такая забота обо мне? Надо узнать, что в этом письме».

Стояла лютая зима. Снегу выпало — горы. Бедняк промерз в своих рваных чарыках и ветхом чекмене, пока нашел грамотного человека.

— Я, великий падишах, велю тебе, главный казначей, выдать предъявителю этого письма мой подарок — тридцать батманов снега. За невыполнение приказа тебя ждет самое строгое наказание, которое существует в нашем государстве — смерть, — писал падишах.

«Ну что ж, — сказал себе бедняк, — подарок поистине царский».

Спрятав письмо, он пошел и стал заниматься своими делами.

Миновала зима. Прошла весна. Наступило лето.

«Сейчас самое время получить подарок падишаха», — сказал себе бедняк и отправился в казначейство.

Пришел он к казначею, отдал письмо и ждет, что он будет делать. Казначей прочел и побледнел.

— Горе мне, — сказал он, схватившись за голову, — где я сейчас возьму этот снег?

— Не мое дело, — сказал бедняк. — Таково повеление падишаха. Если не дадите снега, я пойду пожалуюсь.

— Что ты, что ты, милый человек, — взмолился главный казначей, — у меня жена, дети, кто их будет кормить-поить... А что если я тебе вместо снега дам деньги, а?

Бедняк долго не соглашался. И лишь когда главный казначей назначил сумму, достаточную, чтобы прожить бедняку без нужды до конца своих дней, — согласился.

Падишах немало удивился, когда ему доложили, что пришел какой-то человек и хочет выразить ему свою благодарность за высокую падишахскую милость.

— Я что-то не помню такого случая в своей жизни,— рассмеялся падишах,— чтобы я кому-то оказывал ее. Ну, зовите, зовите этого человека. Посмотрим. Послушаем.

— О великий падишах,— сказал бедняк, склонив голову в низжайшем поклоне,— я пришел, чтобы выразить вам свою искреннюю благодарность за вашу милость ко мне.

— О какой милости ты говоришь?— спросил падишах.

— Зимой вы подарили мне тридцать батманов снега.

Вспомнив об этой своей шутке, падишах расхохотался. Засмеялись и приближенные.

— Но так как в то время у меня своего снега было вдоволь,— продолжал бедняк,— то я оставил его на сохранение в вашем казначействе. Сегодня я пришел, чтобы получить его, а казначей, оказывается, израсходовал его на свои нужды. Поэтому он вынужден был заплатить мне вот этими деньгами.

С этими словами бедняк высыпал перед падишахом целую пригоршню золотых.

Падишах рассмеялся пуще прежнего и приказал в награду за находчивость дать бедняку еще столько же золотых.

СЫН ВДОВЫ

одной бедной вдовы был сын. Никто не мог сравниться с ним в храбрости. Благодаря этому дружили и никогда не разлучались с ним сын бая и сын купца.

Однажды, гуляя все вместе, они подошли к колодцу и заметили следы какого-то огромного чудовища. Юноши заглянули в колодец и увидели: из него, как из тамдыра, вырывается пламя. «Мы, наверное, нашли жилище дэва. Теперь мы его убьем и заберем себе все его богатство»,— решили они. Юноши вернулись домой, а на следующий день пришли к колодцу с саблями и длинной веревкой.

— Я первым полезу убивать дэва,— сказал сын бая и стал привязывать веревку к поясу. Друзья согласились и стали опускать его в колодец.

— Вай, тяните меня назад, я горю!— закричал тот, и его сразу вытянули вверх.

— Эх, ты, трусишка,— ухмыльнулся сын купца.— Опускайте меня!

Тотчас он привязал веревку к поясу и взял в руки саблю. Но не успел он и скрыться в колодце, как слышался его крик: «Вай, горю, вай, вытаскивайте обратно!» И сына купца тоже вытащили наверх.

Сын вдовы покачал головой и сказал:

— Да, видно, аллах не наделил храбростью вас обрих. А ну-ка опускайте в колодец меня. Если я буду кричать, не обращайтесь внимания. Пусть лучше сгорю в огне, чем прослышу трусом.

Он тоже привязал веревку к поясу, взял саблю и стал спускаться вниз. Как ни жарко было, он ни разу не крикнул и достиг дна колодца. Оказавшись на дне, сын вдовы огляделся вокруг, и увидел красивую пери, от которой исходило сияние. Около нее спал огромный дэв. Увидев юношу, пери взмолилась:

— О человек, убей дэва пока он спит. Спаси меня от этого чудовища.

— Хорошо, я спасу тебя,—сказал сын вдовы.—Но убивать дэва спящим—это нечестно. Я разбужу его, и мы померимся силами.

Юноша пощекотал саблей ему пятки. Дэв вскочил на ноги. Увидев человека, он схватил палку и так стукнул ею, что одна половина колодца рухнула вниз. Пока дэв замахивался второй раз, юноша успел ударить дэва по голове саблей. Голова чудовища отлетела, и кровь из шеи полилась как из арыка. Дэв скорчился и испустил дух. Сын вдовы собрал золото и серебро и отправил его наверх товарищам. Затем он привязал веревку к поясу девушки.

Вытянув из колодца золото, серебро и красивую пери, сын бая и сын купца оставили сына вдовы в колодце, а добычу поделили между собой. Сыну бая досталась пери, а сыну купца—золото и серебро. После этого они вернулись домой и стали жить как ни в чем не бывало.

Долго ждала вдова своего сына, но так и не дождалась. Поспрашивала, искала, плакала и решила, что он погиб.

Теперь посмотрим, что же было с ее сыном.

Оставшись один в колодце, он попытался выбраться наружу, но колодец был очень глубоким и вылезти юноше не удалось. Долго он думал, как ему быть, но так ничего и не придумал. Измученный, юноша уснул. Когда он спал, во сне кто-то сказал ему: «Сегодня в обед сверху появятся два барана для дэва, один—белый, второй—черный. Ты бросайся на одного из них. Если бросишься на белого, он вынесет тебя наверх, а если на черного, то попадешь в мир, откуда нет возврата».

Юноша проснулся и стал ждать. Вскоре появились два барана. Юноша прыгнул к белому барану, но ошибся и оказался у черного. Баран подхватил его и отвез туда, откуда нет возврата.

Оказавшись в неведомой стране, сын вдовы побрел куда глаза глядят. Вскоре навстречу ему попался дайханин, который пахал землю. Юноша поздоровался с ним.

— Откуда и куда путь держишь, братец? — спросил его пахарь.

— Я и сам не знаю куда иду. Слишком долго об этом рассказывать. Лучше давай я буду пахать, а ты принесешь мне что-нибудь поесть, — попросил сын вдовы.

— Поесть я принесу, только ты паши без шума, — сказал ему пахарь.

— Хорошо, я и слова не вымолвлю, — ответил юноша.

Дайханин согласился и отправился за едой. Когда он скрылся с глаз, юноша задумался: «Почему пахарь велел мне не шуметь? А что же будет, если я подниму шум?». Тут он нарочно стал покрикивать, подгоняя волов. Вдруг на крик из леса выбежали шесть тигров и бросились к нему.

«Так вот почему дайханин просил меня пахать молча», — подумал юноша и, схватив двух подбежавших тигров за шеи, стал бить их лоб об лоб. Тигры так испугались, что присели на задние лапы и задрожали. А остальные — бросились в лес.

Юноша спокойно выпряг быков и, поставив вместо них тигров, стал пахать поле. За несколько часов вспахал он столько, сколько можно было бы вспахать за несколько дней. Возвратившись, дайханин посмотрел на юношу и тигров и диву дался.

— Подходи, ага, не бойся, — позвал его сын вдовы. Дайханин с опаской подошел.

— Ага, принес ли ты что-нибудь поесть? — спросил его юноша.

— Да, я принес тебе поесть, — ответил дайханин.

— Отпустить мне тигров или пахать на них? — спросил юноша.

— Да, сынок, отпусти их, пусть убираются отсюда прочь, — сказал дайханин.

Тогда юноша сказал тиграм:

— Не смейте больше показываться здесь. И сколько бы ни кричал дайханин не мешайте ему пахать. Сам я тоже буду недалеко отсюда, и если вы еще раз попадетесь мне, то я убью вас!

После этого он выпряг тигров, они бросились бежать, не разбирая дороги.

Юноша сытно поел и сказал пахарю:

— Спасибо, ага, за угощение. Теперь я сыт и отправлюсь дальше.

Долго ли, коротко ли шел юноша, наконец, на пути ему попалась цветущая чинара. Он прилег под ней отдохнуть и вдруг услышал тревожные крики птенцов на чинаре. «Чем они встревожены»,—подумал юноша. Подняв голову, он увидел летящего аждарха. Юноша быстро вскочил на ноги и два раза выстрелил в него. Обе стрелы попали в цель. Аждарха упал неподалеку от чинары, стукнул хвостом о землю и издох.

Покончив с чудовищем, юноша снова лег и уснул крепким сном. А птенцы Сымруг вылетели из гнезда и стали порхать над ним. Вскоре прилетела сама птица Сымруг. Увидев человека, она решила: «Так вот кто каждый год пожирает моих детей! Сейчас я принесу скалу и брошу на этого злодея». Она тотчас улетела, и возвратившись со скалой, уже хотела сбросить ее на спящего, как вдруг услышала голоса своих птенцов:

— Мама, мама, не убивай этого человека! Он спас нам жизнь. Видишь вон того аждарха? Он летел, чтобы сожрать нас, а юноша убил его.

Сымруг благодарно посмотрела на спасителя, отнесла скалу обратно в горы и, возвратившись, расправила свое большое крыло над юношей, закрыв его от солнца. Когда сын вдовы проснулся, то увидел, что около него порхают птенцы Сымруг, а их мать простерла над ним свое крыло. Юноша очень удивился этому.

— О человек, не удивляйся и не беспокойся, ведь ты убил того аждарха, который каждый год пожирал моих детей, а я не знала кто это делает. А теперь я знаю. Из-за этого аждарха у меня до сих пор не было наследников. Ты убил моего врага, я никогда не смогу расплатиться с тобой, сколько бы я ни сделала для тебя хорошего,—сказала ему птица.

— Да, я хорошо отдохнул под твоим крылом,—сказал юноша.—А теперь, если ты позволишь, я отправлюсь дальше.

— Ты сначала скажи, чем я смогу помочь тебе?—спросила Сымруг.

— Мне ничего не надо,—ответил сын вдовы.

Сымруг выдернула из крыла два пера и сказала:

— Возьми два моих пера и хорошенько спрячь их у себя. Когда тебе придется туго, зажги одно из них и я явлюсь к тебе на помощь.

Сын вдовы простился с птицей Сымруг и отправился

дальше. Долго ли, коротко ли он шел, наконец достиг одного города. Остановился в доме у бедняка. Живя у него, юноша заметил, что все жители этого города ходят в траурных одеждах.

— Почему все люди вашего города одеты в черное? — спросил юноша у хозяина дома.

— О мой брат, у нас большое горе,—сказал бедняк.— В нашем городе протекала река. Теперь у истока этой реки лежит аждарха. По условиям наши люди каждый день должны были относить ему на съедение одну девушку. Когда аждарха глотал очередную жертву, то вода текла по нашей реке, а теперь он сожрал всех девушек нашего города. Завтра аждарха проглотит последнюю девушку — дочь падишаха, поэтому народ оделся в траур.

— Где находится этот аждарха? — спросил юноша.

— Если идти вверх по этой реке, то на краю города наткнешься на аждарха,—указал хозяин.

На рассвете следующего дня сын вдовы захватил с собой оружие и отправился к указанному месту. Через некоторое время он достиг истока реки и увидел там большого аждарха. Подойдя поближе к чудовищу, юноша выпустил в него из лука несколько стрел, а потом подбежал и саблей отрубил ему голову. Вода, смешанная с кровью аждарха, потекла в город. Юноша вырезал со спины аждарха кусок кожи и отправился в дом, где он остановился.

Люди города, увидев окрашенную кровью воду, решили: «Кто-то убил аждарха» — и побежали сообщить об этом падишаху.

На следующий день падишах объявил в народе: «Кто убил аждарха, пусть придет ко мне, я отдам за него свою дочь».

Люди думали, гадали, но кто убил чудовище, узнать не могли. Прошло какое-то время, и к падишаху пришел бедняк.

— Мой падишах,—сказал он.— В моем доме остановился один гость. Может быть, он убил аждарха.

— Пойдите и приведите ко мне этого человека,—приказал падишах своим есаулам.

Когда привели сына вдовы во дворец, падишах приветливо встретил его и спросил:

— Сынок, не ты ли убил аждарха?

— Да, мой падишах, вы избавились от этого чудовища. Я убил его.

— Если это так, то где твое доказательство? — продолжал падишах.

Юноша вынул из-за пазухи кусок кожи аждарха и по-

ложил его перед падишахом. Увидев это, падишах воскликнул:

— Вот теперь я верю, ты настоящий богатырь! Ты сделал для нас большое дело, и я хочу отдать тебе свою дочь.

— О мой падишах, я не сделал ничего такого, чтобы жениться на вашей дочери, я просто помог чем сумел. И кроме того, может быть, у вашей дочери есть на примете кто-нибудь,— ответил юноша.

— У нее нет никого, а если даже и есть, то за такое дело, которое ты сделал, мы отдаем тебе девушку,— сказал падишах.

— Но у меня есть уже избранница,— ответил юноша и рассказал падишаху, как встретился с пери и как они были разлучены. Еще он сказал о том, что жаждет встречи с ней, и попросил падишаха помочь ему в этом.

— Сынок, тогда давай договоримся с тобой так:— Мы будем названными сыном и отцом. У меня нет никого, кроме дочери. Теперь у меня будет дочь и сын,— сказал падишах.

— Хорошо, я буду вашим названным сыном, у меня тоже нет никого, кроме старой матери,— ответил юноша.

После этого падишах повел его к себе во дворец. Сын вдовы стал шахом и занялся играми и охотой.

Однажды, когда шах лежал, отдыхая, он вспомнил о птице Сымруг. Утром он сказал об этом отцу и едва успел зажечь перо, как перед ним предстала Сымруг.

— Я попал в эту страну, живется мне хорошо, но я хочу увидаться со своей матерью, не можешь ли ты помочь мне?— спросил он.

— Я все могу сделать,— сказала Сымруг.— Только ты заколи семь быков и наполни их кожу водой и мясом. Когда мы будем лететь и я буду просить мясо, то давай мне воду, а когда буду просить воду,— давай мясо.

Юноша сделал все, как сказала ему Сымруг, и пошел к отцу.

— Отец, я хочу слетать на птице Сымруг к себе на родину, чтобы привезти мать и пери, а заодно отомстить сыну бая и сыну купца. Я прошу вас отпустить меня на несколько дней,— сказал он ему.

Падишах посадил его на Сымруг и пожелал счастливого пути. Сымруг поднялась высоко в небо и полетела в дальние края.

Во время путешествия, когда Сымруг просила воды, юноша давал ей мясо, а когда она просила мясо, юноша давал ей воду.

Один раз, когда Сымруг попросила воды, а юноша хотел дать ей мяса, он увидел, что мясо кончилось. Тогда он отрезал кусок от своей ноги, не подав и вида. «Что это за мясо такое вкусное»,—подумала Сымруг и не стала его глотать, а положила под язык. Через некоторое время она села на вершине одной горы и сказала:

— Видишь вон ту кибитку на краю аула? Это кибитка твоей матери, иди туда.

Сымруг дала ему еще четыре пера и научила: «Если проведешь этим пером по щеке, у тебя отрастет седая борода, если проведешь этим пером, то будешь снова юношей. Мать твоя ослепла. Потрешь ей глаза этим пером и она станет зрячей. А последнее перо зажжешь, когда я понадоблюсь тебе».

Юноша простился с Сымруг и хотел идти, но нога так болела, что он не смог сделать и шага. Тогда Сымруг подошла к нему, вынула из-под языка мясо и приложила его к больному месту. Нога у юноши перестала болеть, и он пошел к кибитке матери. Дорогой он провел пером по щеке, и у него отросла седая борода. Когда юноша вошел в кибитку, мать не узнала его. Не задумываясь, сын вынул перо, потер глаза матери, и она стала зрячей. Старушка поблагодарила его и стала рассказывать о своем пропавшем сыне.

— А узнаешь ли ты своего сына, если увидишь его?—спросил юноша.

— О, конечно, я узнаю своего ягненка,—ответила она.

Тогда юноша вышел из кибитки и потер щеки другим пером и, приняв прежний вид, снова вошел в дом.

— О сынок, это ты!—воскликнула мать и бросилась к нему в объятия. Потом она рассказала о сыновьях бая и купца и о пери.

— Я скоро вернусь, мама,—сказал тогда сын и, взяв с собой саблю, ушел. Он отомстил сыновьям бая и купца и стал хозяином казны дэва и мужем пери. Снова возвратившись к матери, юноша зажег последнее перо и перед ним предстала Сымруг. Юноша погрузил на нее казну дэва, посадил мать, пери, сел сам, и птица Сымруг благополучно доставила всех в страну падишаха.

Сорок дней и ночей длился той юноши и пери.

Сорок дней веселились люди. Я тоже был на том тое и нес вам оттуда гостинец, но не донес—упал и все потерял.

ДОБРО И ЗЛО

молодых супругов родился сын. Рос он тихим, ласковым. Когда ему исполнилось семь лет, произошел такой случай.

По соседству жил один человек, любивший хвастаться. «На свете нет умнее меня!»—часто повторял он.

Как-то он рыл землю и наткнулся на сундук. Посмотрел туда-сюда, попробовал открыть—не поддается. «Наверное, золотой клад»—обрадовался хвастун. Он сбил замок, и только приподнял крышку, как из сундука выскочила змея и обвилась вокруг шеи этого хвастуна. Шипя и показывая жало, она стала расти на глазах.

— Змея, я освободил тебя, сделал доброе дело,—взмолился хвастун,—а ты на добро отвечаешь злом—хочешь задушить меня.

— А меня всегда этому учили,—ответила змея человеческим голосом.

Долго спорили они, кто прав из них, кто виноват, но так ни к чему и не пришли. В это время мимо проходил караван верблюдов. Спрашивает хвастун самого старого из них:

— Скажи, верблюд, можно ли отвечать на добро злом?

— Можно,—прошамкал верблюд.—Все впереди идущие верблюды—мои сыновья и внуки. Я их вырастил и воспитал. А теперь, когда я стал стар и еле-еле волочу ноги, они хотят бросить меня одного в пустыне. Разве это доброе дело?

— Слышишь,—злорадно прошипела змея, плотнее обвивая шею хвастуна.

— Подожди душить,—взмолился хвастун,—спросим еще у других.

Пошли. На пути встретился большой высохший тутовник. Хвастун остановился и спросил:

— Эй, дерево! Ты много прожило на свете и много повидало на своем веку. Скажи, можно ли отвечать злом на добро?

— Можно,—проскрипел тутовник.—Много лет я давал густую тень для отдыха всему живому, сочную мою листву ел шелкопряд. Мой хозяин на коконах и шелке разбогател. А теперь он хочет спилить меня на дрова. Разве так нужно отплачивать за добро?

— Слышишь,— снова зашипела змея и еще плотнее сжала шею.

— Подожди, змея, подожди,— снова стал просить хвастун.— Еще у кого-нибудь спросим.

Снова идут они. Попались им по дороге дети. Увидев на шее старика змею, они забыли про игру и разбежались кто куда. На месте остался только семилетний сын молодых супругов.

Хвастун подошел к нему и спросил:

— Скажи, мальчик, можно ли отвечать на добро злом?

— Э, отец,— сказал малыш,— не надо спрашивать о зле и добре. Лучше скажи, почему у тебя на шее змея?

— Я копал землю,— начал хвастун,— и вырыл сундук. Мне показалось, что в нем должен быть золотой клад. Открыл крышку, а оттуда выскочила змея и обвила мою шею. Теперь она не отпускает меня и хочет задушить за то, что я ее спас.

— Ба,— удивился малыш,— ты, наверно, неправду говоришь. Разве может такая большая змея поместиться в сундуке?

— Это правда, мальчик,— стал уверять хвастун.— Она была в этом сундуке.

— Эй, змея,— сказал малыш,— это правда, что ты такая большая могла поместиться в сундуке?

— Да, помещалась,— прошипела змея.

— Не может этого быть,— упрямо сказал малыш.

— Не веришь, смотри,— прошипела змея и, соскользнув с шеи старика и выпустив воздух, легла в сундук, оставив голову снаружи.

— Э, а голова-то не помещается! — усмехнулся малыш.

— Еще как помещается,— прошипела змея, пряча голову.

Мальчик в то же мгновение захлопнул крышку, запер сундук на замок и спросил у обрадовавшегося хвастуна.

— Отец, ты сам прятал этот сундук туда, где его нашел?

— Нет.

— Если не прятал, то надо помнить пословицу: «Не бери того, чего сам не положил!» Теперь надо отнести сундук туда, где он был.

Хвастун удивился рассудительности мальчика и от всей души благодарил его за свое спасение. Сундук он закопал на том месте, где нашел, и больше никогда в жизни не хвастался.

КАК ЯРТЫ-ГУЛАК НАШЕЛ ОТЦА И МАТЬ

Было ли это или не было — ехал по раскаленным от солнца пескам старик. Он ехал на ишаке и вел за собой на поводу верблюда. Старик до свету работал на мельнице и очень устал. Верблюд нес на себе тяжелые мешки и тоже устал. Ишак же устал потому, что на нем сидел старик. А до аула было еще далеко.

От бархана к бархану, от одной песчаной горы до другой, целый день вела старика дорога. Даже птица не знает, где конец этой дороге. Ветер и тот не знает, где конец пустыне. А человек называет эту пустыню Каракумы, что по-туркменски значит «черные пески». Вот где ехал старик.

Он ехал и пел песню, длинную, как его жизнь, и печальную, как его мысли, потому что он был уж очень стар, и борода его стала белой, как грудa хлопка, но у него не было сына — помощника в старости. О чем старик думал, о том и пел:

Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с ноготок,—
Лицом подобный цветущему маку,
Нравом подобный веселому солнцу,
А трудолюбием подобный пчеле,—
Вот тогда был бы я счастлив...

Вдруг старик услышал, что кто-то его зовет:

— Эй, ата-джан, дорогой отец! Если у тебя нет сыночка, так возьми меня в сыновья.

Старик удивился. Он остановил ишака и стал смотреть себе под ноги, но увидел на дороге только сухие кусты верблюжьей колючки.

Но голос раздался снова:

— Если хочешь увидеть орла, не смотри на землю!

Тогда старик поднял глаза к небу, однако и там не нашел ничего.

А голос сказал совсем громко:

— Эй, ата-джан, кто же ищет барса среди облаков?!

Старик взмолился:

— Перестань прятаться! Покажись сейчас же!

Ему очень хотелось поскорей увидеть своего долгождан-

ного сыночка. И вдруг он его увидел: маленький мальчик выглянул из верблюжьего уха! Он весело посмотрел на старика и пропищал тоненьким-тоненьким голоском:

— Я здесь, здесь! Ты видишь меня? Будь так добр, помоги мне выбраться из этой тесной кибитки, а то я задохнусь.

Старик вынул мальчика из верблюжьего уха и посадил себе на ладонь,— вот какой он был маленький! Голова его спереди была гладко выбрита, как у всех туркменских мальчишек, а за ушами торчали две тугие черные косички.

— Как же тебя зовут? — ласково спросил старик мальчика.

— Зови меня как хочешь! — бойко ответил малыш и принялся заплетать свои косички. Он проделывал это так спокойно, будто сидел у себя дома на мягкой кошме-подстилке, а не на шершавой ладони.

Старик покачал головой:

— Какой же ты маленький! Клянусь, ты не больше половины верблюжьего уха!

Малыш глянул на старика и засмеялся:

— Вот так меня и зови! Это мне по душе!

И старик назвал мальчика Ярты-гулак, что значит «половина уха».

— Всем ты хорош, Ярты-гулак, — вздохнул старик, — но будешь ли ты мне добрым помощником в старости? Ты слишком мал!

Сынок хитро подмигнул отцу и ответил:

— Ата-джан, алмаз тоже не велик, но за один алмаз отдают сотню больших верблюдов.

И прибавил:

— Но ты, отец, не отдавай меня и за тысячу верблюдов, потому что я принесу в твой дом счастье и удачу.

С этими словами Ярты-гулак вскочил на ноги и, как заправский погонщик, закричал на задремавшегося ишака:

— Ио, ио, мой ишак! Вези нас скорее к дому, а то у моей матери плов пригорит!

Ишак встряхнул ушами, и все четверо двинулись в путь.

Пускай они едут, а ты послушай, что было со старухой.

Старуха сидела посреди двора на белой кошме-подстилке и ткала ковер. Она завязывала маленькие шерстяные узелки и думала о своем горе. А когда у человека горе, он или плачет, или поет. Вот старуха и пела:

Был бы у меня сынок,
Сынок хотя бы с ноготок,

Выткала бы я для него ковер —
Алый, как лепестки гвоздики,
Золотистый, как солнце на закате,
Синий-синий, как ночное небо.

Когда старуха глянула за ворота, она увидела, что ее старик несется вскачь на своем ишаке прямо к дому, а старый верблюд, приплясывая, бежит за хозяином.

— Эй, мать! — закричал старик еще издалека. — Счастье приходит и к молодым и к старым. К нам пришло оно очень поздно, но тем лучше мы его оценим. Я привез тебе сына!

Старуха даже рассердилась:

— Зачем ты смеешься над нашим горем?

— А почему бы судьбе не порадовать нас и не подарить нам маленького сыночка? — ответил старик и указал на мальчика.

Ярты-гулак сидел между ушей верблюда и важно поглядывал на родителей.

Старуха глянула на мальчишку и всплеснула руками:

— Ой, сыночек, какой ты красивый, какой румяный!

Она взяла мальчика в свои теплые руки и не могла на него наглядеться.

— Почему только ты такой маленький?

Ярты отозвался:

— Не горюй, эдже-джан: маленькому сыночку пойдет на халат меньше шелка!

И мать унесла сына в кибитку.

Это было днем, а потом пришел вечер.

Старуха обошла всех своих соседок и позвала их на «уме» — помощь по хозяйству. Она ничего не пожалела для гостей: наварила плову большой казан, напекла сдобных лепешек и поставила на стол деревянное блюдо, полное кишмиша и ломтиков сладкой дыни.

Целый вечер пели соседки, до поздней ночи звенел дутар.

И под звуки песни сшили женщины для Ярты-гулака три халата — из маленького платочка, тюбетейку — из коробочки хлопка, а туфли-ичиги стачали из нежной кожи цыпленка.

Они нарядили Ярты-гулака, посмотрели на него справа, потом посмотрели слева, хлопнули в ладоши и засмеялись:

— Вот это настоящий джигит!

Ярты-гулак поклонился родителям и важно сказал:

— Спасибо вам за заботу. Отдыхайте на старости. Теперь я возьмусь за хозяйство.

ТРИ ЛЕПЕШКИ

Однажды утром старуха намолочила ячменной муки на ручной мельнице, замесила тесто на кислом молоке, развела жаркий огонь в глиняной печке — тамдыре — и испекла три пышные лепешки. Она помазала их сверху хлопковым маслом, уложила в чашку, чашку завязала в чистый платок и стала надевать туфли-ичиги.

— Куда ты собралась, эдже-джан? — спросил у матери Ярты-гулак.

Мать ответила:

— Я хочу отнести отцу обед в поле.

Ярты стал упрашивать:

— Не ходи! Я сам отнесу обед.

Но мать не соглашалась:

— Куда тебе, ты еще маленький!

Ярты засмеялся:

— Я мал, да удал! Будь спокойна: я вовремя накормлю отца обедом.

Мать тоже засмеялась и согласилась, потому что у нее и без того было много работы по дому.

На прощанье она сказала Ярты:

— Не шали по дороге, сынок, нигде не задерживайся, а то я буду беспокоиться о тебе. Приходи скорее обратно.

Но верно говорят люди: «Ребенку поручи, и сам за ним беги!»

Проворный Ярты-гулак поставил узелок с лепешками себе на голову и зашагал по дороге в поле, напевая веселую песенку:

Я мал, да удал —

Я всех сильнее!

Я мал, да удал —

Я всех проворней!

Так он шел и глазел по сторонам, потому что вокруг было очень много такого, чего Ярты еще никогда не видел: то жук проползет, то бабочка пролетит, то птица защебечет в высоком небе. Но кто смотрит по сторонам, тот не глядит себе под ноги: Ярты споткнулся и упал в небольшую ямку.

Другой бы на месте Ярты не стал горевать, выскочил и пошел бы дальше. Но как было выбраться из ямки Ярты-гулаку, если он сам-то был ростом не больше половины вер-

блюжьего уха? Для него это была не ямка, а яма, глубокая, как колодец.

«Эй, мое дело плохое»,— подумал мальчик, сидя на дне ямки, и прежде всего посмотрел, цела ли чашка. Но чашка с лепешками упала на мягкий песок и не разбилась. Тогда Ярты собрал все свои силы, взвалил узелок себе на плечи и стал карабкаться вверх. Однако песчаные края ямки осыпались у него под ногами, и Ярты скатывался обратно. Тогда он стал цепляться руками за корешки, торчавшие из земли. Но крепкие корешки резали ему руки, а тонкие обрывались, и Ярты снова оказывался на дне ямки. И сколько Ярты ни старался подняться вверх, тяжелая ноша тащила его вниз!

Вдруг он услышал конский топот. Какой-то джигит скакал по дороге и пел удалую песню:

Конь, мой конь,
Ты стройней джейрана!
Конь, мой конь,
Ты сильнее барса!
Мой конь,
Подобный степному ветру!

Топот приближался. Ярты выглянул из ямки и в двух шагах от себя увидел всадника.

— Дядя-джигит! — крикнул Ярты. — Остановись, пожалуйста! Тебе ничего не стоит вытащить мой узелок, а один я с ним провожусь до самой ночи!

Но всадник даже не услышал Ярты-гулака и проскакал мимо.

И Ярты по-прежнему остался сидеть в своей ямке.

Но вот он услышал другую песню:

Я хочу пушинкой стать,
Лепестком урюка стать,
Я хочу душистым ветром стать,
Чтобы в дальних горах летать...

Ярты опять выглянул и увидел девочку. Она шла по дороге и распевала песню, подгоняя ишака, нагруженного мешками с травой.

— Эй, кыз-джан! Милая девочка! — закричал во весь голос Ярты-гулак. — Помоги мне поднять мои три лепешки! Солнце уже высоко, а мой отец еще не обедал!

Но девочка испугалась голоса, который так громко звал ее откуда-то из-под земли, потому что она не увидела в дорожной пыли маленького мальчишку. Она громко закричала и со всех ног бросилась прочь от Ярты-гулака, а вслед за ней поскакал и ишак.

Опять Ярты остался один.

Скучно было ему сидеть в песчаной ямке.

«Если бы я не глазел по сторонам,— думал малыш,— я давно был бы уже в поле, и отец мой получил бы свои три лепешки».

Но вот на дороге показался третий путник. Толстый купец качался на горбе белого верблюда и сонным голосом напевал себе под нос:

Солнце бросает на землю золотые лучи,—
Ай-ай-ай, зачем оно не бросает золото?
Луна бросает на землю серебряные лучи,—
Ай-ай-ай, зачем она не бросает серебро?
Туча бросает на землю алмазные дожди,—
Ай-ай-ай, зачем она не бросает алмазы?
Я собрал бы все,
Я стал бы богаче всех!

Ярты даже залюбовался великолепным верблюдом, украшенным расшитой попоной, и заслушался звоном серебряных колокольчиков, подвязанных у него на шее. Когда же купец поравнялся с ним, мальчик, вежливо обратился к купцу:

— Прошу тебя, ага-бай, протяни только руку и подними из ямы мою ношу. Поверь мне, для тебя она не будет тяжелой.

Но купец даже не взглянул на Ярты-гулака и голосом, тягучим, как виноградная патока, спросил:

— А сколько ты заплатишь мне за услугу, мальчишка? Ярты так рассердился на жадного купца, что не ответил ему ни слова.

Купец проехал мимо, позванивая колокольчиками, а Ярты сказал сам себе:

«Семь дум — одна голова! Надо мне самому вытаскивать узелок из ямки, или мой отец не получит обеда до захода солнца. Где силы нет — позови ум на помощь!»

Малыш развязал свой шерстяной кушак, разорвал его вдоль и свил из него крепкую веревку. Одним концом он обвязал узелок, а другой конец веревки взял в зубы и стал карабкаться вверх.

Не зря говорит народ: «У самой длинной дороги бывает конец». Теперь, когда узелок уже не давил малышу на плечи, выбраться из ямки оказалось куда проще. Ярты напряг все свои силы и вскоре очутился на дороге. Он осмотрелся и заметил неподалеку белого ягненка.

— Вах, вах! Когда нет коня,— поскачешь и на ишаке! — воскликнул мальчик.

Он привязал веревку к ноге ягненка, взял длинную хвостинку и с громким криком погнал ягненка прочь от ямки. Ягненок испугался, заблеял и бросился бежать. Но мы же знаем, что к его ноге была привязана веревка, а к веревке была привязана чашка с лепешками. Ягненок побежал и вытащил узелок из ямки.

— Хош! Спасибо! — поклонился Ярты ягненку и отвязал от его ноги веревку.

Ягненок убежал, а Ярты подпоясался кушаком, поставил себе узелок на голову, приосанился и пошел в поле, как ни в чем не бывало, распевая свою веселую песню:

Я мал, да удал.

Я всех сильнее!

Я мал, да удал —

Я всех проворней!

Поле отца было уже близко, когда над головой мальчика раздалось громкое карканье. Ярты глянул вверх и увидел врага: черный ворон пустыни кружился над его головой. Он с шумом хлопал своими крыльями и опускался все ниже и ниже. Ярты пустился бежать. Но не так-то легко уйти от врага, если у тебя на голове тяжелая ноша. Ворон стал настигать Ярты. Мальчик нырнул в густую траву и, спасаясь от птицы, стал делать петли: он бежал то направо, то налево. Но громкое карканье раздавалось все ближе и ближе. Жадная птица уже разинула клюв, чтобы схватить свою добычу, но не тут-то было: проворный Ярты скатился на дно сухого арыка и побежал по нему прямо к отцовскому полю. Бежать по гладкому дну арыка было куда легче, чем пробираться в густой траве. Противник стал отставать. Ярты летел, как на крыльях, он видел уже впереди зеленую полосу отцовского поля и чуть не запел от радости. Но вдруг на его пути показался новый враг: навстречу мальчишке, разинув пасть и страшно ворча, бежал сам мохнатый Бар — гроза всех аульных ребят. Ярты даже присел от страха. Пес тоже остановился.

— Пропали мои лепешки! — закричал Ярты во весь голос. — Если не съел их черный разбойник, они попадут в ненасытную пасть собаки!

Но и ворон был уже близко. А собака присела на все четыре лапы, готовая броситься на Ярты-гулака и его вкусную ношу. Однако шустрый Ярты не растерялся. Он бросил на землю свой узелок, выхватил из него лепешку и бросил ее собаке. Конечно, все случилось так, как задумал Ярты: собака прыгнула за добычей, но ее опередил ворон. Он схва-

тил лепешку и взмахнул крыльями, чтобы взлететь на воздух, но мохнатый Бар сделал большой прыжок и вцепился в птицу зубами. Ворон бросил лепешку и стал бить противника своим жестким клювом, и оба покатились по арыку с громким карканьем и глухим рычаньем. А Ярты сидел на краю арыка и кричал собаке:

— Возьми, возьми его! Не отдавай злодею лепешки!

И пес с еще большей яростью начинал трепать врага. Но Ярты уже кричал ворону:

— Эй ты, большеносый калтаман-разбойник! Неужели ты, царь пустыни, уступишь дворовой собаке?!

И тогда ворон еще сильнее принимался долбить собаку своим каменным клювом.

Так они дрались, а Ярты увязал потуже свой узелок и побежал прямо к отцу.

— Ата-джан! Я принес тебе на обед лепешки! — крикнул мальчик, увидев отца, пропускавшего в арык воду. И старик улыбнулся сыну. Он вытер руки пучком травы и взял у Ярты узелок с лепешками. А потом посадил малыша к себе на ладонь и сказал:

— Ай, хороший вырос у нас сынок! Не успели мы с матерью оглянуться, а он уже стал настоящим джигитом! Помни, милый: тепло бывает отцовскому сердцу, когда отец видит возле себя заботливого сына.

И старик принялся есть пышные лепешки из ячменной муки, отламывая своему сыну по маленькому кусочку.

Никогда не едал Ярты таких вкусных лепешек!

ВИНОГРАДНИК СОСЕДА

Весной хорошо, зимой хорошо, летом хорошо, а осенью еще лучше.

Осенью спадает зной, осенью снова расцветают цветы, осенью созревают яблоки и гранаты, виноград и зеленый инжир, созревают арбузы и золотые дыни.

В это осеннее утро Ярты-гулак сел на своего ишака и поехал в поле за травой для козы. Он каждый день хоть чем-нибудь да помогал матери по хозяйству. Тропинка огибала виноградник соседа, а что может быть лучше и богаче, чем виноградник осенью? Тяжелые грозди сгибали лозы до

самой земли, а теплый ветер доносил их пряный и сладкий запах до самой дороги.

— Ай, хорошо! — воскликнул малыш и подъехал к винограднику. Таких крупных ягод он еще никогда не видел! К тому же солнце так припекало, что мальчику захотелось отдохнуть в прохладной тени: виноградник казался ему густым и непроходимым лесом.

Он спрыгнул с осла и шмыгнул под зеленые своды. У Ярты даже потекли слюнки: сколько тут было ягод!

«Сорвать бы хоть одну ягодку!» — подумал малыш, но он помнил, что это не его виноградник, и старался даже не смотреть на сочные грозди.

А потом сказал сам себе: «У соседа тысячи тысяч ягод в винограднике. Если я съем одну, то я его не обижу».

Он побежал к кусту и даже сам не заметил, как сочная, прозрачная, как янтарь, ягода оказалась у него в руке. Теперь уже было поздно раздумывать: назад ягодку не прилепишь! И Ярты откусил от нее, как от большого яблока, потому что ягода винограда была только чуть поменьше его головы.

Медовый сок потек по пальцам Ярты, кожица захрустела на зубах, нос и тот не остался без дела: он стал липким от сладкого сока. Очень вкусный был виноград у соседа!

И вдруг Ярты услышал шаги. Шаги приближались. Ярты испугался: это шел сам хозяин! Ярты даже слышал, как звенят в руках виноградаря ножницы, которыми он одну за другой срезал тяжелые грозди. И хотя мальчик знал, что сосед не рассердится на него, он покраснел, как лист осенью, и спрятался под большой гроздью, упавшей на землю. Тотчас же рядом с собой он увидел большую руку соседа и услышал сверху голос:

— Ай-ай-ай! Надо завтра же всей семьей приняться за сбор винограда, а то пропадет у нас урожай!

С этими словами сосед поднял с земли упавшую гроздь и положил ее в свою корзину, а вместе с гроздью в корзинку попал и проворный Ярты-гулак. Он хотел выпрыгнуть, но сверху на него упала вторая гроздь, а затем третья, и малыш уже не мог выбраться из-под ягод. А сосед нарезал полную корзину винограда и пошел к своему дому, весело напевая:

Эй, виноград, ты радуешь глаз!

Эй, виноград, ты даешь нам вино!

Ты превращаешься в сладкий кишмиш

И становишься вкусным бекмесом-патокой,

Потому что солнце отдало тебе
Всю свою сладость и силу...

Ярты очень понравилась песенка соседа, он не утерпел и крикнул из корзины во все горло:

— Ай, спасибо!

Сосед был уже не молод годами, но до сих пор никогда не слыхал, чтобы корзина умела кричать. Он подскочил, как ужаленный ядовитой змеей, уронил корзину на землю и бегом бросился к своему дому.

Он бежал по винограднику быстрее жеребенка и кричал:

— Вай, беда! Вай, горе! На наш виноградник напали злые духи — джины!

В это время жена соседа доила козу. Она увидела, что муж ее бежит с растрепанной бородой, и так испугалась, что опрокинула подойник, и молоко потекло по земле. А сосед продолжал кричать, как лишенный разума.

Тогда жена взяла его за руку и повела к дому.

— Сколько раз я тебе говорила, хозяин, чтобы ты не ходил по солнцу в одной тюбетейке. Лучи солнца ударили тебе в голову, и ты перестал отличать белое от черного!

Так сказала жена соседа, уложила мужа на одеяла и обернула ему голову мокрым полотенцем. Но муж продолжал бредить и кричал про джинов-духов и про корзину.

Тогда хозяйка покрыла себе голову большим платком и пошла разыскивать корзину.

А теперь слушай, что было с Ярты-гулаком.

Когда сосед бросил корзину на землю, Ярты вывалился из нее вместе с виноградом. Он вскочил на ноги, дернул себя за косички и сказал:

— Эй, парень,—ты кругом виноват перед соседом! Сначала ты съел его виноград без спроса, а потом испугал хозяина до полусмерти. Помогу-ка я бедному человеку, отнесу к нему во двор корзину.

Как сказал, так и сделал. Он ухватился за край корзины и потащил ее, но корзина цеплялась за землю, и Ярты никак не смог с нею сладить. Тогда он забрался под корзину, ухватился за нее снизу, приподнял и побежал к соседскому дому. Теперь уже корзина не цеплялась за землю, она сама словно летела по тропинке, и это так понравилось Ярты-гулаку, что он даже запел свою песню:

Я мал, да удал —

Я всех сильнее!

Я мал, да удал —

Я всех проворней!

Но навстречу Ярты-гулаку бежала хозяйка. Увидев корзину, которая сама бежит по дороге, да еще распевает песни, хозяйка так завизжала, словно встретила великана-дэва. Она бросилась домой, не разбирая дороги, споткнулась о корни дерева и упала. Она лежала и продолжала кричать о помощи.

Ярты хотел подойти к хозяйке и успокоить ее, но его халат зацепился за край корзины. Он метался под ней, как суслик в капкане. Наконец рванулся и, оставив половину халата на прутьях корзины, выбрался на свободу. Он побежал напрямик к тому месту, где все еще кричала женщина,— через заросли колючей травы, через груды сухих прошлогодних листьев.

Сухие листья прилипали к его халату, залитому сладким соком винограда, за листья цеплялись сухие ветки и колючки, колючки тащили за собой прошлогодние стебли, и вскоре уже не Ярты бежал по винограднику, а катился страшный колючий клубок, покрытый землей и пылью.

А теперь послушай, что было дальше.

Женщина кричала очень громко, и ее крик услышал сын. В это время он работал в глубине сада и ставил подпорки под ветви, чтобы лозы не гнулись под тяжестью урожая. Услышав громкие крики матери, юноша подумал, что на нее набросились все собаки аула, и поспешил на помощь.

Он бежал, перепрыгивая через арыки, через корни деревьев — и вдруг навстречу ему из кустов выкатилось странное чудовище — не то еж, не то дикообраз!

Чудовище закричало:

— Скорей! Скорей на помощь! — и исчезло в кустах так же быстро, как появилось.

Парень так испугался, что отскочил назад, поскользнулся и с размаху рухнул в давно нечищенный арык, наполненный не водой, а грязным илом.

Оставь его и послушай, что делают старик и старуха.

Старик и старуха сидели в своей кибитке и считали деньги, полученные от продажи хлопка. Денег было немного, и счет был недолог.

Старик взял одну таньгу и опустил ее в карман своего халата. Он сказал:

— На эти деньги я куплю для Ярты новый тельпек — белую баранью шапку.

Старуха взяла другую монету и спрятала ее под платок. Она тоже сказала:

— Я куплю для сыночка сладкой тягучей халвы. Он хорошо помогал тебе в поле и заслужил награду.

Так сказала старуха и засмеялась от радости.

И вдруг в кибитку вкатилось невиданное чудовище. Чудовище закричало, и отец с матерью сразу узнали голос Ярты-гулака:

— Ата-джан! Дорогой отец! Беги скорее к соседям. Несчастье пришло к ним в дом: хозяин болен, хозяйка лежит без памяти, а сын-наследник тонет в грязном арыке!

Старик не сказал ни слова. Он накинул халат и, забыв про свои преклонные годы, как молодой джигит, помчался к дому соседа.

Конечно, старуха сразу узнала Ярты-гулака. Она взяла его на руки и запричитала:

— Вах! Пришла к нам беда, равной которой я не видела! Сынок мой, глазок мой, где разорвал ты свой новый халат и потерял свою нарядную тюбетейку? Где расцарапал лицо свое, подобное спелому яблочку? Где выпачкал свои маленькие руки, равных которым нет на свете? Скажи скорей своей матери,— в чем причина стольких несчастий?

Ярты опустил голову, помолчал и ответил нехотя:

— Я думаю, эдже-джан, что причина всех этих бед скрывается в одной виноградине, взятой без спросу в чужом винограднике!

И мы скажем:

— Сладок виноград, но не тот, что растет на лозе соседа.

МАЛ, ДА УДАЛ

Прибежали в аул чабаны—пастухи—и давай кричать:

— Помогите, соседи! Повадился ходить в стадо степной волк—каждый день по барашку уносит! Мы ставили капканы, но он не пошел в капкан, потому что хитер. Мы рыли ямы, но в яму он не попал, потому что умен. Мы все вместе ходили в засаду, но не убили волка, потому что он очень силен и ловок, а такого большого мы никогда не видели. Пойдемте, убьем его!

Покачали головами дайхане:

— Нам ли идти на волка, если чабаны и те не могут с ним справиться?

Развели руками и разошлись.

А Ярты-гулак все слышал. Как раз в это время он сидел на дувале—стене—и заплетал свои тугие косички.

— Эй, чабаны! — звонко крикнул Ярты пастухам. — Возьмите меня охранять стадо. Я волка не испугаюсь.

Чабаны глянули на Ярты-гулака и принялись хохотать: — С мухой тебе сражаться, а не со страшным зверем! Но мальчик не унимался:

— Конь виден на скачках, а джигит-молодец в бою. Испытайте меня на деле!

Тогда старый пастух сказал:

— От пробы вино не киснет. Если ты избавишь нас от волка, мы скажем тебе спасибо. Не избавишь — сам на себя пеняй, а мы в обиде не будем. Скажи только, в чем нужна тебе наша помощь.

— Помощь друга — опора в беде, — поклонился чабанам Ярты-гулак, — если будет нужно, я вас позову, а пока ступайте к своему стаду. Вы увидите, что я сдержу свое слово и не дам в обиду ваших барашков.

Чабаны ушли к своему стаду, а Ярты торопливо стал собираться в дорогу.

Он согнул себе лук из тонкой куриной кости, сделал стрелы из острых колючек терна, а вместо копья взял старое шило. Потом он стал просить старуху:

— Испеки мне, мать, чурек на дорогу. Я иду сражаться со страшным волком.

Мать не хотела отпускать сына в такую опасную дорогу, но Ярты-гулак так ее просил, так приставал, что она уступила. Она испекла сыну не простой чурек, а сдобную слоеную лепешку и помазала ее сверху каймаком — сметаной.

— Будь, сынок, осторожен и помни, что ты у нас один, как сердце в груди. Без тебя мы умрем от горя.

Так сказала старуха сыну на прощание. Ярты-гулак завернул лепешку в лист винограда, поклонился матери и зашагал по дороге, напевая веселую песню:

Я мал, да удал, —

Далека дорога.

Где верблюд не пройдет, —

Пробежит мышонок.

Он очень долго бродил по пескам, разыскивая следы волка, и, наконец, увидел его в зарослях саксаула. Волк спал и храпел так громко, что листья на деревьях дрожали. Но мальчик не испугался. Он подкрался к волку, натянул свой лук и одну за другой спустил в зверя все свои стрелы.

Стрелы-колючки не могли повредить волку, но одна стрела угодила ему прямо в нос, и волк проснулся.

Ярты вскочил на ноги, замахнулся на волка своим острым копьем-шилом и закричал:

— Пришел твой последний час! Я — могучий пальван и владыка пустынь — приказываю тебе сдаться!

Но волк и не подумал сдаваться. Он даже не заметил в траве могучего пальвана. Ему показалось, что это просто пищит комар. Но запах сдобной лепешки, которую Ярты привязал к своему поясу, заставил волка насторожиться. Зверь поднялся на ноги, оцетинил шерсть, разинул пасть, облизнулся и одним духом проглотил сдобную лепешку, а вместе с ней и могучего пальвана.

Ой, плохо пришлось Ярты в волчьем брюхе! Чуть не заплакал малыш от испуга, но вовремя спохватился.

«Плакать молодцу не к лицу! — решил мальчишка. — Настоящий пальван не то что из брюха, из-под земли выйдет на свободу!»

Он собрал все свои силы и стал пробираться поближе к волчьей пасти, чтобы видеть, что будет дальше.

А волк выпался, зевнул, отряхнулся и знакомой тропой побежал к стаду. Скоро он увидел овец. Он притаился в кустах полыни и стал выжидать, чтобы добыча сама подошла поближе. Потом он наметил себе самую жирную овечку и пополз к ней, хоронясь в высокой траве. Он полз так тихо, что даже песок не шуршал у него под брюхом. Он был уверен в своей победе, он знал, что пастухи не увидят его, потому что у волка шерсть такая же серая, как сухая, опаленная солнцем, трава пустыни.

Но Ярты-гулак все видел.

Когда волк хотел уже прыгнуть и схватить добычу, из волчьей пасти раздался громкий крик:

— Эй, чабаны, берегите баранов! Гоните волка!

Пастухи вскочили и тоже закричали:

— Гоните волка!

Они спустили собак и с палками бросились за зверем.

Волк побежал. Собаки за ним. За собаками пастухи.

А Ярты-гулак все кричал и кричал:

— Сюда! За мной! Этот волк живет в зарослях саксаула! Убейте скорее его!

Насилу волк унес ноги. Он не так испугался собак и палок, как того, что кто-то в нем сидит и кричит. Такого с ним еще никогда в жизни не бывало!

Волк долго отлеживался в своем логове. Но голод не давал ему покоя. Он не мог заснуть всю ночь, а под утро, пока еще не взошло солнце, и пастухи еще крепко спали, серый снова вылез из логова и пошел на охоту.

На этот раз волку тоже не повезло. Когда он подошел к стаду, кто-то опять закричал у него из пасти:

— Эй, чабаны! Волк здесь! Берегите стадо!

И пастухи опять прогнали зверя.

Для волка настали черные дни. Ни днем, ни ночью он не мог подойти к стаду. Попробуй-ка подойди, если зоркий сторож сидит не в степи у стада, а в твоём собственном брюхе! Чего только ни делал волк, чтобы избавиться от Ярты-гулака: он прыгал и катался по земле, он рвал в бешенстве шерсть на своём брюхе, но дерзкий сторож не уходил и смеялся над ним:

— О премудрейший из волков! Разорви скорее своё ненасытное брюхо, вот тогда я тебя оставлю в покое!

И волк целыми днями выл от злости и голода.

А теперь послушай, что было дальше.

Чабаны узнали, где хоронится степной волк, и повели народ в облаву на зверя. А если народ скажет—гром загремит.

Пришел волку последний час!

Как могучий горный поток, помчались охотники по пескам пустыни. Волк услышал погоню и побежал. Он бежал изо всех сил, он прятался в руслах сухих арыков, но его поднимали собаки. Он хоронился за барханами, зарывался в песок, но везде его настигала погоня. Волк обессилел, но он был хитер: он прыгнул в заброшенный колодец и притаился на дне. Чабаны потеряли след зверя и повернули к дому. Но Ярты-гулак не дремал: как только он услышал, что топот погони стал удаляться, он крикнул из пасти волка:

— Эй, соседи, куда вы? Разбойник здесь! Он прячется на дне колодца!

Люди повернули к колодцу, нашли волка и убили его. Это был самый большой волк во всей пустыне.

Старый чабан снял с него шкуру, и Ярты-гулак тотчас выскочил из волка.

Все очень удивились, а мальчик сказал:

— Здравствуй, чабан! Теперь ты видишь, что я сдержал перед тобой свое слово!

Чабан ответил:

— Верно, ты сдержал свое слово, малыш.

Он повернулся к дайханам и прибавил:

— Этот джигит день и ночь охранял наши стада и избавил нас от страшного огромного зверя. Дадим ему в награду пять самых лучших баранов.

В этот вечер Ярты-гулак гнал к дому своего отца пять самых лучших курдючных баранов и напевал свою веселую песню:

Я мал, да удал,
Маленький мышонок
Всюду проскочит!

Старик и старуха очень обрадовались, когда увидели
своего сыночка да еще с такой наградой.
И мы тоже будем радоваться!

ЗАКОЛДОВАННЫЕ ВОЛЫ

Солнце еще не позолотило верхушки далеких гор,
когда Ярты проснулся.

Он умылся из прохладного арыка, схватил на
ходу маленький кусочек ячменной лепешки и по-
бежал запрягать волов. Он запрягал их в старую
соху и громко пел:

Я мал, да удал.
Я умен да счастлив,
Счастлив да удачлив!
Не тот богатырь,
Кто ростом велик,
А тот богатырь,
Кто сдвинет горы!

Он пел очень громко, и его песня разбудила старика
и старуху. Они выбежали из кибитки и увидели, что сынок
уже выезжает за ворота.

Они удивились.

— Ата-джан! Эдже-джан! — закричал им Ярты-гулак и
помахал на прощание тюбетейкой. — Приходите в полдень на
поле, посмотрите, как я вспашу землю под хлопок!

Старик и старуха переглянулись.

— Ай да сынок! Даром что мал, а свое дело знает! —
сказал старик.

А старуха развела руками:

— Беда с мальчишкой! Не управиться ему одному с во-
лами. Ступай, отец, помоги Ярты-гулаку.

Так сказала старуха и повернула к дому, а старик пошел
вслед за сыном.

— Ио, ио! Приналягте! — кричал на все поле Ярты-гу-
лак, сидя между воловьими рогами. Умные животные по-
слушно шли вперед, и ровная борозда ложилась вслед за
сохой.

Когда старик пришел на поле и увидел, как ловко управляется с волами его сынок, он очень обрадовался.

«Теперь у меня есть помощник, и я могу отдохнуть!»

Так подумал старик и лег спать в тени тутового дерева, которое росло на краю поля.

В это время на горячем коне проезжал мимо богатый и толстый бай. Он увидел, что волы одни, без пахаря, пашут землю, и тотчас остановил коня.

— Вот это чудо! — закричал бай. — Да с такими волами я могу рассчитать половину моих работников и сберегу кучу денег!

Он стал звать:

— Эй, кто здесь хозяин?

Старик проснулся и, увидев, что его зовет жадный бай, испугался. Он низко склонил свою седую голову перед богачом и ответил:

— Хозяин-то я, но я покуда не знаю, что нужно от меня почтенному соседу.

Конечно, и бай узнал старика и сразу смекнул, как повернуть дело. Он хлестнул коня, подскакал поближе и закричал:

— Так это твои волы? Тем лучше! Я беру их себе в счет долга.

Старик не понял:

— Какого долга?

Бай рассмеялся:

— Плохая же у тебя, старик, память. Вчера ты взял у меня два мешка ячменя для посева, за них-то я и возьму волов.

— Сжался! — взмолился старик. — Не обещал ли ты ждать до осени, а сегодня еще весна.

— То было вчера, а сегодня я передумал, — ответил бай, — ты взял два мешка, а я беру двух волов. Или не ровен счет? Ну, отвечай же, чего молчишь?

— Без волов мы все пропадем — и я и моя старуха! Пожалей меня! — застонал старик.

Но Ярты-гулак уже подкрался к отцу и шепнул ему на ухо:

— Ата-джан, отдавай волов. Ничего не бойся. Говорю тебе, — не пройдет и дня, как богач их сам пригонит обратно.

И старик ответил баю:

— Жаль мне моих волов: таким волам цены нет. Ты видишь, что они сами пашут землю. Но долг — это долг. Возьми волов и никогда не упрекай меня в неблагодарности.

Старик поклонился баю. Бай, довольный своей хитростью,

погнал к своему дому чудесных волов, которые сами пашут землю. Ярты-гулак опять сидел на своем месте между воловьими рогами; уж он-то знал своим волам настоящую цену!

Скоро они въехали на широкий байский двор, обнесенный высоким дувалом.

Еще от ворот толстяк закричал своей жене:

— Эй, Гюльджан! Напои волов и брось им побольше клевера! Запомни: эти волы не простые, и ты сама будешь за них отвечать, если что-нибудь с ними случится!

После этого он уселся на ковре посреди двора и рассчитал подряд всех своих батраков, которые работали в поле, потому что теперь они были ему не нужны.

Все это видел Ярты-гулак. Он видел, как горевали батраки, потому что бай отнимал у них последний кусок хлеба. Он смотрел на богача и думал:

«Погоди, злой человек,—ты дорого мне заплатишь за людские слезы!»

Потом он сполз с головы вола, потихоньку выбрался за ворота и побежал к дому своих родителей.

На другой день толстый бай выехал в поле, чтобы посмотреть, как ученые волы сами будут пахать его байскую землю. Но упрямы как встали на краю поля, так и не сдвинулись с места. Сколько ни кричал на них богач, сколько ни уговаривал,—они только махали хвостами, но не хотели идти вперед.

Бай разъярился. Он выхватил камчу—нагайку—и так сильно ударил волов, что они рванулись с места и поскакали. Вкривь и вкось они потащили за собой соху, без толку ковыряя землю и засоряя арыки. Богач бежал вслед и кричал:

— Вах, горе мне! Они испортят все мое поле!

Он вскочил на коня и во весь опор погнал его к старикову дому.

— Негодный! — закричал бай.—Я отдал тебе два мешка отменного ячменя, а твои волы не стоят и полмешка кукурузы!

И он рассказал, что случилось с волами в поле.

Старик выслушал богача и развел руками:

— Эй, мой бай! С такими волами надо уметь обращаться, или ты не увидишь от них ни капли пользы!

Старик повел бая обратно на хлопковое поле. Вместе с ним отправился и Ярты-гулак. Он забрался в рукав ватного халата старика, а когда они пришли в поле, вылез из рукава и в два прыжка очутился на своем любимом месте—между высокими воловьими рогами. Волы тотчас же тронулись, и за сохой потянулась ровная глубокая борозда.

— Разве плохо пашут мои волы? — спросил старик бая. — Сердце радуется, когда глаза смотрят на их работу!

До захода солнца пахал Ярты байскую землю, а когда наступил вечер, он погнал волов к богачу в усадьбу.

Пришла ночь. Все в байском доме уснули. Ребенок уснул в резной деревянной люльке, дочери хозяина — на мягкой подстилке, Гюль — любимая жена бая — под атласным одеялом, а хозяин дома храпел на белой кошме, подложив под голову длинную подушку — мутаку. Не спали только Ярты-гулак да месяц в небе.

Когда месяц поднялся высоко и золотая звезда стала между его рогами, Ярты-гулак сказал сам себе:

— Пришло время, Ярты, рассчитаться с баем!

Он поднял волов и во весь опор погнал их прямо в двери байского дома. Волы с разбегу ударились в дверь рогами, раздался треск, и красавица Гюль проснулась.

Она закричала:

— Вставай, Мамед, или я умру от страха!

Она кричала мужу прямо в ухо, но хозяин спал крепко и не проснулся. А стук становился все громче и громче. Глинобитные стены дрожали от могучих ударов. Гюль очень испугалась; она схватила светильник, в котором было налитое хлопковое масло, зажгла его и подбежала к двери.

— Кто там стучится? — спросила красавица, трясаясь от испуга. Но ей никто не ответил. Дверь треснула, распахнулась, и огромная рогатая голова просунулась в кибитку. Раздался могучий хриплый рев, и Гюль уронила светильник.

Тут уже все вскочили со своих подстилок! Но в темноте никто не мог понять, что случилось. Гюль кричала, что сам шайтан ворвался в дом, дочери бая кричали, что это землетрясение, а ребенок плакал от страха. Толстый бай схватил в руки ящик с золотом, чтобы скорее убежать из этого проклятого дома, но его всюду встречали разъяренные страшные морды и оглушал протяжный могучий рев.

Не растерялся только один батрак: он поймал волов и крепко привязал их возле дувала. Только теперь хозяин понял, что не шайтан и не землетрясение, а заколдованные волы разбудили весь дом среди ночи. Он лег на свою кошму, но долго еще ворочался с боку на бок, прежде чем заснул. Заснула Гюль под атласным одеялом, заснули дочери на мягкой подстилке, и ребенок уснул в резной деревянной люльке.

Но толстый Мамед и его семья не долго наслаждались покоем.

Вдруг во дворе заблеяли овцы, закричали верблюды и

ишаки затрубили во все горло. Хозяину показалось, что само небо упало на землю.

Он вскочил и закричал:

— Вот теперь это землетрясение! Вы слышите, как ходит земля у нас под ногами!

Все выбежали во двор и увидели, что стена, за которой стоял байский скот, обрушилась, а бараны, ишаки и верблюды с криком, воем и громким ревом разбегаются из байской усадьбы. Арба, на которой только что привезли глиняные кувшины, лежит посреди двора вверх колесами, и звонкие черепки устилают землю. А по двору, разрушая все на своем пути, со взмыленными мордами несутся по-сумасшедшему заколдованные волы.

Богач завопил во весь голос:

— О проклятые волы! Волы, подобные черному ветру! Чудовища, подобные чуме и буре! Пусть будет проклят тот час, когда я ввел вас в свой мирный дом!

Женщины плакали и кричали:

— В этих волов вселился шайтан! Уведи, прогони, отец, этих зверей, или мы все погибнем!

Тогда богач решил:

«И тут я не прогадаю: отдам старику волов, а чтобы не быть в накладе, потребую с него за ячмень деньгами».

Он взял палку и погнал волов из усадьбы.

А теперь слушай про старика со старухой.

Старик и старуха всю ночь сидели на пороге своей кибитки. Всю ночь они не могли заснуть и всю ночь вспоминали своего маленького сыночка.

Старик пел:

Где ты, наш сынок,
Проворный сынок,
Подобный орлу и барсу?

Старуха пела:

Ушел наш сынок,
Прекрасный сынок,
Подобный цветку и солнцу!

А потом они пели вместе:

Вернись, наш сынок,
Равного которому нет никого на свете!

Вдруг они услышали, что кто-то громко стучит в калитку.

Старик спросил:

— Эй, кто стучится к нам в такое позднее время?

Мамед закричал из-за дувала, потому что это был он:

— Это я, милый сосед. Жалко мне тебя стало. Я при-

гнал к тебе твоих чудесных волов. Возьми их обратно, а за ячмень заплати мне деньгами!

Старик не знал, что сказать богачу, и пошел открывать калитку. Но тут он услышал, что кто-то шепчет ему на ухо, и сразу узнал голос Ярты-гулака:

— Ата-джан, ни за что не бери волов!

Тогда старик поклонился ночному гостю и сказал:

— Эй, мой бай! Откуда деньги у бедняка? Уговор — это уговор: я взял ячмень, а ты получил волов. Владей ими на здоровье.

— Ай, вах! — закричал богач. — Ты разорил меня! Но я человек терпеливый, я подожду, и ты вернешь мне долг с нового урожая.

Но старик понял хитрость бая и покачал головой:

— Ну, нет! Лучше прыгнуть в котел с кипятком, чем попасть к тебе в кабалу. Волы у тебя, и мы в расчете!

Так ответил старик богачу и даже засмеялся в усы, а богач начал стонать: не мог же он вернуться домой с заколдованными волами! Наконец он сказал старику:

— Я — человек добрый. Я дарю тебе этих волов, но запомни мою щедрость и рассказывай о ней во всех домах и на всех дорогах.

Старик очень удивился и хотел уже согласиться, но Ярты опять зашептал ему на ухо:

— Ни за что не бери волов, ата-джан!

Тогда старик еще ниже поклонился баю и ответил:

— Как же я возьму обратно скотину, за которую не могу уплатить денег? Все соседи будут считать меня вором! Если же я скажу им, что сам бай подарил мне волов, они ни за что не поверят! Нет, как сделано, пускай так и будет. Веди волов обратно в свою усадьбу и не тревожь меня по ночам.

Так сказал старик и ушел в кибитку. Он опустил ковер, заменяющий двери, а старуха принялась варить похлебку для своего дорогого сыночка. Но Ярты уже не было в доме.

Теперь слушай, что было с толстым баем.

Волк жаден, но бай еще жаднее. Он не хотел бросить волов на дороге, он не хотел угнать их в пески пустыни, а хотел выручить за волов большие деньги.

Он сказал:

— Я спрячу скотину в тутовой роще за аулом, а утром продам волов на базаре.

Так решил бай и погнал волов по дороге. Конечно, он не видел Ярты-гулака, который опять сидел на своем любимом месте, между высокими воловьими рогами. Если бы бай

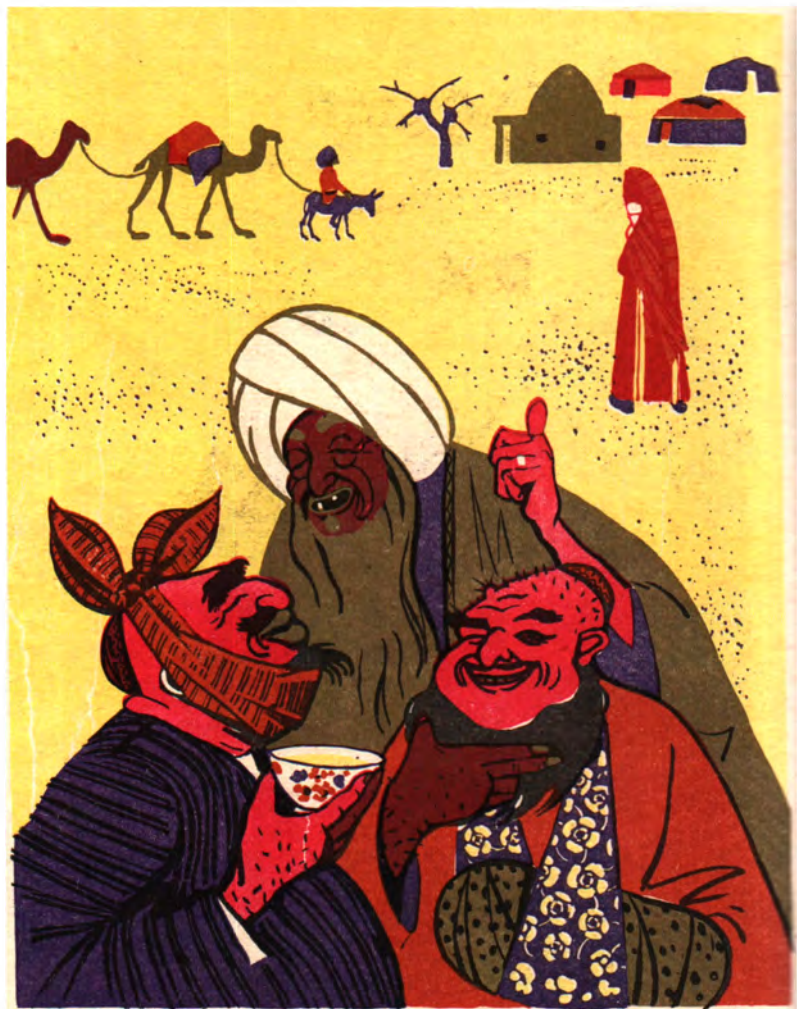
«Хорезмин»

«Сын вдовы»

«Добро и зло»

знал, что на волах сидит мальчишка, он бы понял, почему волы бегут направо, когда он велит им бежать налево. Он бы знал, почему волы бегут назад и грозят ему страшными рогами, когда он старается гнать их вперед своей длинной хворостиной.

Так они колесили по аулу до рассвета и до рассвета не могли добраться до тутовой рощи. Бай измучился, сел на краю дороги и заплакал от злости.

Он сел как раз рядом с виноградником муллы. А мулла был сварлив и умел кричать громче, чем сотня старых женщин. Случилось же так, что волы подобрались к кустам винограда и принялись объедать молодые листья вместе с цветами. Тогда мулла выбежал из дома и стал кричать на бая. Он поднял свои руки к небу и завыл, как шакал:

— О нечестивец! Ты связался с самым шайтаном! Эти звери погубят тебя и твоих внуков, твоих детей и твоих правнуков, как погубили мой виноградник! Убей их или плати деньги за виноград. Если ты этого не сделаешь, сам аллах отвернется от тебя на том свете!

Крик муллы разбудил весь аул. Прибежали люди и стали спорить: одни кричали, что мулла прав, другие кричали, что бай не виноват, и никак не могли сговориться между собой.

А про волов все забыли.

Голодные волы подошли к баю и стали жевать полу его нарядного шелкового халата. Они думали, что это не зеленый халат, а черкез — кустарник, — который бывает весной зеленым и сочным. Пока люди спорили, заколдованные волы съели половину халата, и только тут все заметили, что случилось с почтенным баем.

Люди перестали спорить и принялись хохотать. Нищие батраки — и те смеялись над гордым баем. Никогда еще знатный бай не видел такого позора! Он завизжал от злости, схватил палку и погнал волов в пески пустыни.

Но разве уйдешь от беды, если она у тебя за плечами.

Когда толстый бай пригнал волов к песчаному морю, он достал свою камчу с резной серебряной рукояткой и изо всей силы хлестнул волов, чтобы они ушли от него подальше. Он даже заплакал от досады, потому что ему было очень жаль волов, за которых на базаре можно было взять хорошую цену. Растирая рукавом слезы, он поплелся к своей усадьбе.

Пройдя сто шагов, бай оглянулся, чтобы посмотреть, как далеко ушли волы, и увидел, что заколдованные животные неторопливо идут следом за ним. Бай закричал, замахал руками и побежал по дороге. Но волы тоже побежали. Он

сворачивал направо, но и волы бежали направо. Он сворачивал налево, и волы сворачивали налево! Солнце уже стояло над головой, а они все еще бегали по пустыне.

Наконец бай пустился на хитрость: как заяц, он присел за барханом и прикрылся кустом черкеза. Но волы тотчас же оказались рядом и преспокойно принялись уплетать зеленые листья.

Толстый бай побежал на четвереньках, как черепаха, пополз, как ящерица, по пустыне и спрятался на дне сухого арыка. Когда он выглянул, он увидел, что упрямые животные стоят перед ним.

Три дня продолжалась погоня. Три дня и три ночи скитался бай по пустыне. Что только он ни выдумывал, чего только ни делал, чтобы избавиться от проклятых животных: он зарывался в песок с головой, карабкался на стены старинных башен, которые стоят над песками, как грозные часовые, он прыгал в глубокие каменные колодцы, но нигде не мог спрятаться от чудесных волов.

Толстый бай стал худым, как щепка, как подушка, из которой вытрясли все перья, как бурдюк, из которого вылили все вино до капли. Его одежда превратилась в лохмотья. Он сел на песок и завыл, как гиена:

— Ай, вах! Нет на земле несчастья, равного моему несчастью! Пойду к старику, поклонюсь ему в ноги, посулю ему самого жирного барана, лишь бы он избавил меня от этих упрямых чудовищ!

И бай побежал к старикову дому.

Как всегда, старик и старуха проснулись очень рано. Они разостлали посреди двора кошму-подстилку и сели пить чай с горячим чуреком.

Вдруг старуха вскочила и выронила из рук пиалу с горячим чаем. Она закричала:

— Вах! Посмотри, отец,—к нам во двор лезет разбойник!

Старик глянул и увидал за дувалом страшного человека.

— Кто бы ты ни был, чудовище,—замахал на него руками старик,—не тревожь бедных людей, ступай своей дорогой!

— Я не чудовище, я — Мамед-ага — твой несчастный сосед,—раздался в ответ из-за дувала слабый голос. Калитка открылась, но старик даже не узнал Мамеда: лицо его было исцарапано, а нарядный халат висел клочьями.

— Смилуйся, добрый человек! — завопил богач на весь двор.— Возьми назад своих волов, возьми сейчас же, и ты получишь в награду самого жирного барашка из моего стада.

Так сказал бай и указал на волов, которые смиренно стоя-

ли за дувалом. Старик хотел было согласиться, но Ярты-гулак вскарабкался отцу на плечо и шепнул:

— Три барана, ата!

И старик повторил:

— Три барана, почтенный бай!

Богач взмолился:

— Ай, вах! Почему ты сразу не попросишь всю мою усадьбу? Или хочешь разорить мой дом?

Но старик строго глянул на богача:

— Тому, кто разорил десятки домов, три барана — не слишком большой убыток.

Делать нечего — пришлось баю согласиться.

На всю округу наварила старуха плову из байских баранов, а старик пригласил в гости всех бедняков аула и батраков жадного бая.

До поздней ночи шумел той во дворе Ярты-гулака.

На пиру все наелись досыта и досыта посмеялись над жадным баем.

А теперь слушай про Ярты-гулака.

Рано утром, когда солнце еще не вставало, Ярты проснулся. Он умылся прохладной водой из арыка, побежал к волам, вскочил на свое любимое место — между рогами — и погнал волов в поле — пахать под хлопок отцовскую землю.

Пускай Ярты пашет. Пускай громко звенит дутар!

СКАЗКА О МУЛЛЕ, СУДЬЕ И ЯРТЫ-ГУЛАКЕ

Когда в поле зеленеет хлопок, — это радость, а когда он станет белым, — это богатство. Но чтобы хлопок стал белым, как горный снег, его нужно поливать. Вот и пошли старик со старухой поливать свое хлопковое поле, а Ярты-гулак остался хозяйничать дома.

Еще до света он убрал кибитку и вымел двор, а потом принялся чистить большой казан, в котором старуха каждый день варила плов или кашу из тыквы. Он так старательно скреб казан шершавым камнем и так прилежно тер его тряпкой, что медный казан заблестел, как солнце, а тряпка стала чернее ночи от сажи и сала.

Вдруг Ярты услышал на улице крик. Он сразу узнал голос муллы, потому что один только мулла во всем ауле

умел так громко кричать. Как был — с тряпкой в руке — Ярты-гулак вскарабкался на дувал и увидел, что старый мулла-аксакал тащит за ворот бедного человека.

— Полюбуйтесь, правове́рные, на злодея! Он украл у меня воду!

Так кричал мулла на всю улицу и тащил бедняка прямо к дому судьи — кази.

За муллою бежал народ. Ярты тоже выскочил за калитку: где народ — там и Ярты! Не мог же он сидеть дома, если в ауле происходит такое важное событие!

Чтобы не опоздать, Ярты-гулак уцепился за полу пробежавшего мимо мальчишки, вскарабкался к нему на спину и поспел как раз вовремя.

Весь аул стоял уже во дворе у кази. Судья сидел на богатом ковре и, нахмутив брови, допрашивал человека, одетого в грязные лохмотья.

— Клянусь жизнью, я не крал воды! — оправдывался бедняк. — Вода сама полилась мне в рот прямо с неба!

Судья его не слушал, а мулла громко вопил на весь двор, подняв руки к небу.

— Вах, аллах! Вы слышите, как лжет этот мошенник, сын обманщика, внук плута и правнук нечестивца! Не спросясь, он проглотил мою воду, а когда я потребовал от него плату, этот бездельник, этот бродяга и оборванец показал мне дыры на своем грязном халате!

Мулла кричал очень громко и не давал ни слова сказать бедняку.

Ярты-гулак сидел на тюбетейке самого рослого из крестьян. Ему было все хорошо видно и все хорошо слышно. Но даже и он с трудом разобрался, в чем было дело.

А дело было так: бедняк шел издалека. Он дошел до аула и, утомившись от зноя, прилег отдохнуть прямо на дороге под высоким дувалом. Не мог же он знать, что за этим дувалом живет сам почтенный мулла. А мулла в это время пил у себя во дворе чай и остатки зеленого чая выплеснул через дувал на дорогу. Было так жарко, что бедняк спал раскрывши рот, — и чай муллы попал ему прямо в глотку.

Услышав, как было дело, народ начал шуметь, оправдывая бедняка. Но старый мулла не сдавался. Он подбежал к своему другу-судье и закричал еще громче:

— О справедливейший из справедливых! Ты слышишь — это была даже не просто вода, а драгоценный, душистый, самый лучший зеленый чай. Если за кражу отрубают руку, то не следует ли за кражу чая отрубить голову нечестивцу? Но я добр и великодушен, я не требую его смерти: прикажи

злодею заплатить мне деньги или заставь его отработать долг при мечети,—и небо благословит тебя!

Старый мулла так утомился от крика, что пот градом катился по его лицу, к тому же солнце стояло уже высоко и беспощадно палило землю. Он вытащил из кармана белоснежный платок, сел рядом с судьей на ковер и стал вытирать им свое лицо и шею и с видом победителя оглаживать свою длинную белую бороду.

На бедняка было жалко смотреть: он понимал лучше всех, что ему не миновать кабалы, и испуганными глазами смотрел то на судью, то на муллу.

В народе поднялся ропот, потому что крестьяне отлично знали, что кази был не только близким другом, но и родственником седобородого муллы.

«Собака знает, о чем щенок лает,—думали они про судью.— Что стоит ему засудить такого же как и мы бедняка!»

Все молчали. Молчал и Ярты-гулак. Во все глаза он смотрел, что будет дальше.

Наконец судья раскрыл книгу, в которой записаны все законы, и стал разыскивать такой закон, по которому правый становится виноватым, а виноватый всегда остается правым.

Тут уж Ярты не выдержал: с шапки на шапку, с тюбетейки на тюбетейку — он стал пробираться вперед, чтобы лучше всех услышать, как решит дело всесильный судья. Так он добрался до самого муллы. Сперва он вскочил ему на чалму, потом перебрался за ворот бархатного халата, осторожно соскользнул по подкладке и оказался в широком кармане рядом с белоснежным платком муллы. Он выглянул из кармана и стал следить за судьей.

Судья поднял голову и торжественно обратился к мулле:

— Согласно нашим законам и нашим обычаям, ты, почтенный мулла, должен поклясться при всем народе, что говорил на суде только чистую правду. Клянись, но помни, чему учит нас старинная мудрость: у того, кто клянется ложно, лицо почернеет!

Мулла понял хитрость своего друга и обрадовался, что ценою одной только клятвы он получит дарового работника. Он воздел свои руки к небу и еще торжественнее, чем судья, возгласил:

— Клянусь небом,—я говорил только чистую правду и готов сто раз повторять: если я клялся ложно, пусть лицо мое почернеет!

Так сказал мулла и снова полез в карман за платком, потому что солнце поднялось еще выше, и обильный пот ручьями струился у него по лицу.

Увидев рядом с собой в кармане пухлую руку муллы, проворный Ярты не растерялся и, недолго думая, сунул мулле в руку не белоснежный платок, а грязную старухину тряпку, испачканную сажей.

Конечно, мулла этого не заметил и принялся старательно вытирать свое лицо. В толпе засмеялись, но мулла был так доволен исходом дела, что не обратил на это никакого внимания. Он преспокойно продолжал вытирать свои щеки, глаза и нос грязной старухиной тряпкой. Он тер их до тех пор, пока они не стали так же черны, как старый казан.

Тут уже смех превратился в хохот. Хохотали мужчины, широко разинув свои бородатые рты, хохотали женщины, стыдливо прикрывая рот рукою, хохотали старики и старухи, утирая слезы, выступившие на глазах от смеха, а ребятишки визжали и катались по земле от радости. Такой потехи они еще никогда не видели!

Судья хотел объявить приговор, но его уже никто не слушал: все смеялись и показывали пальцем на муллу. Судья глянул на своего друга и превратился в столб от удивления: лицо грешника почернело!

Судья закричал:

— Аллах великий! Ты черен, как сам шайтан!

Он схватился за голову и опрометью бросился бежать из суда.

Смущенный мулла потрогал свои щеки, потом посмотрел на ладони и увидел, что они стали чернее сажи. От ужаса у него помутилось в глазах: он был навсегда опозорен! Кто поверит теперь мулле, который при всем ауле произнес ложную клятву!

Он подхватил полы своего дорогого халата и бегом помчался домой. Он бежал, словно джейран, за которым гонятся собаки, а вслед ему неслись свист и крики:

— Отвечай, мулла,—почему твое лицо стало черным?

— Не бедняк-нищий, а ты сам—первый обманщик во всем ауле!

И вместе со всеми кричал Ярты-гулак. Не мог же он промолчать, если кричит весь аул!

Мулла добежал до первого арыка и, весь дрожа от стыда и гнева, принялся отмывать сажу с лица. Чего он только ни делал: он тер свое лицо жесткой травой, он скреб свои щеки ногтями, но проклятая жирная сажа никак не хотела сходить с его волосатой рожи. Долго, очень долго не мог старый мулла отмыться, но еще дольше не мог он смыть с себя позора.

А крестьяне разошлись со двора судьи.

Вместе с ними ушел и бездомный нищий. Ярты-гулак проводил бедняка до ворот аула и на прощание сказал ему:
— Далека твоя дорога, бездомный путник. Но помни, в нашем ауле ты всегда найдешь и приют и дружбу. Спроси только Ярты-гулака.

Бедняк ответил:

— Спасибо тебе, Ярты. Ты очень хорошо сделал, что выручил меня сегодня.

И мы скажем:

— Хорошо.

СКАЗКА О БОРОДАТОЙ НЕВЕСТЕ

Солнце встает рано, но Ярты-гулак вставал еще раньше. Он выбегал из кибитки и каждое утро слушал, как на соседнем дворе красавица Бахты-Гюль распевает песенки.

Это были веселые песни, потому что Бахты-Гюль была счастлива, как цветок, а само имя Бахты-Гюль по-туркменски значит «цветок счастья».

— Аю! Бахты-Гюль,— окликал девушку Ярты-гулак и, как проворный кузнечик, в три прыжка вскакивал на дувал.

— Здравствуй, Гюль! — кричал Ярты. — А вот и я! Солнце взошло!

И красавица Гюль отвечала:

— Здравствуй!

Она сажала малыша к себе на колени и играла с ним. Она дарила ему маленькие подарки — то ягодку кишмиша, то ядрышко каленого ореха или кусочек тягучей халвы. Вместе с ним она пела лялэ — свои девичьи песни:

Как лимон, сады желты,
С веток падают листы.
Стал янтарным виноград,
Стал рубиновым гранат...

Ярты сидел на зеленом листе винограда и покачивался, как в люльке.

Он тоже затягивал свою любимую песенку:

Он пел, как жаворонок, запрокинув голову и раздув шейку:

Я мал, да удал —
Я всех проворней!..

Так каждый день они вместе встречали утро.

Но в это утро, выбежав из кибитки, Ярты-гулак не услышал веселой песни.

Тогда он стал звать свою подругу:

— Аю! Бахты-Гюль! Где ты?

Он прислушался, но в ответ вместо песни услышал плач.

Мальчик испугался. С ветки на ветку, с листка на листок он вскарабкался на дувал и заглянул на соседний двор.

У него даже сердце остановилось от жалости: посреди двора, на старой кошме, сидела красавица Бахты-Гюль и, закрыв руками лицо, причитала:

— Пропади, моя красота! Охрипни, мой звонкий голос! Пусть я стану безобразной и неуклюжей, как старая черепаха!

— Не плачь, Гюль! Красота твоя веселит сердце и украшает землю. Зачем ты ее проклинаешь? — принялся утешать свою подругу Ярты.

Но красавица заплакала еще громче:

— Беда пришла в наш дом! И всему виной мои песни и моя несчастная красота! Старый купец Мухаммед — такой старый, что не может уже ходить без палки, — услышал мой голос. Он пришел в наш дом и увидел меня. Он вспомнил, что мой отец должен ему два мешка рису, и требует, чтобы отец отдал ему меня вместо долга. Он хочет, чтобы я пела только для него, чтобы я подавала ему жирный плов и сладкие вина. Он хочет, чтобы я стала его женой. Но я не хочу петь песен в неволе, не хочу быть стариковой рабыней. Пусть лучше охрипнет мой голос, а красота моя исчезнет навсегда!

Так плакала прекрасная дочь соседа, и слезы, крупные, как жемчужины, катились у нее по лицу и падали на ее бедное платье.

— Гюль, не плачь! Гюль, перестань! — умолял свою подругу Ярты, — а то я сам зареву, как наш старый ишак. Ты же знаешь, что я никому не дам тебя в обиду. Скорее на карагаче вырастут груши и яблоки, чем ты станешь женой старика!

Очень горько было девушке в эту минуту, но она не могла удержаться от улыбки. Она подняла Ярты на ладони и сказала ему:

— Глупенький мой! Мухаммед-ага богат, как мешок с деньгами, и дружит с самым муллой и кази. Не спасет нас твое доброе сердце: все будет так, как захочет богач.

Ярты-гулак рассердился:

— Неправда! Не золото бери, ум возьми! Не смотри, что я ростом не выше цыпленка: смысленый и смелый всех врагов одолеет!

Красавица только вздохнула в ответ: она не хотела обидеть Ярты-гулака; но разве могла она ему поверить?

Вот так печально встретили Бахты-Гюль и Ярты-гулак это утро.

А теперь слушай, что было в полдень.

В полдень послал Мухаммед-ага своих родственниц и служанок за невестой.

Разряженные в золото и шелка женщины с песнями и музыкой подошли к дому отца Бахты-Гюль и громко постучались в ворота. Девушка спряталась в самый темный угол кибитки, но они вошли в дом и вскоре нашли ее. Они завернули ее в цветистый ковер, усадили на белого верблюда и с песнями повезли через весь аул к дому старого Мухаммед-ага. Они разбрасывали по дороге медные монеты и мелкое печенье-пишме. Ребятишки и бедняки бежали следом, они искали деньги в дорожной пыли и говорили друг другу: «Сегодня в нашем ауле богатая свадьба!»

Всем было весело. Невесела была только невеста. Горько плакала Гюль, когда за ее спиной захлопнулась калитка родного дома; еще громче зарыдала она, когда с лязгом распахнулись тяжелые купцовы ворота. Старухи помогли девушке сойти с верблюда и отвели ее на женскую половину.

Бахты-Гюль осталась одна в чужом доме. Она дрожала от страха и вдруг услышала ласковый шепот:

— Я здесь, Гюль! Не бойся!

— Ой, Ярты! Как ты сюда попал? — чуть не вскрикнула от радости девушка, но Ярты вовремя прикрыл ей руками рот:

— Тише, тише! Еще дома я спрятался в твоих черных косах и так вместе с тобой пробрался в дом Мухаммеда. Не мог же я покинуть тебя в горе!

Купец Мухаммед-ага послал Бахты-Гюль богатые подарки и поручил стеречь девушку двум старым служанкам. С низкими поклонами подошли старухи к невесте. Они разложили перед ней нарядные платья и богатые украшения. Тут были и кольца, и бусы, и браслеты из чистого золота. Но красавица разбросала наряды, рассыпала по земле яркие бусы и стала молить служанок:

— Милые, пожалейте меня! Лучше я буду день и ночь толочь зерно в каменной ступке, прясть самую грубую шерсть, вертеть, словно ишак, скрипучее колесо колодца, чем соглашусь стать женой старого Мухаммеда!

Старые женщины засмеялись:

— Неразумная! И без тебя найдутся в этом доме служанки для черной работы. Таких женщин у нашего хозяина

сколько угодно. Но нашего господина грызет злая скука, и прогнать ее могут только твоя красота и твои песни.

— Пускай же скука загрызет его до смерти, я не стану лечить его от этой болезни! — смело ответила девушка и так разрыдалась, что старухи отступились от нее. Они испугались, что красавица испортит свое лицо слезами, и принялись забавлять ее: они стали петь, шутить и хлопать в ладоши, но красавица была безутешна. Тогда старухи стали плясать, но и это не помогло.

Наконец старухи выбились из сил и сказали:

— Пускай эта девчонка лопнет от слез, больше мы к ней не подойдем!

Они сели в сторонке, ворча и глубоко вздыхая. Они так измучились, забавляя девушку, что вскоре заснули. Этого только и ждал Ярты-гулак. Он незаметно подкрался к плачущей Бахты-Гюль и осторожно шепнул ей на ухо:

— Не пора ли приниматься за дело, дочь соседа?

Девушка рассердилась:

— Не болтай пустого, малыш! Ворота закрыты на все засовы. Никогда мне не выйти из этого дома!

Но Ярты был настойчив:

— Молчи! Слушай меня во всем, и ты сегодня же будешь дома.

Гюль не поверила малышу, но промолчала. А кто молчит, тот согласен. Ярты принялся за работу.

Он разыскал ножницы и бесшумно подкрался к служанкам. Он стащил с них головные платки и быстро обрезал старухам косы. Он сделал это так ловко, что они ничего не слышали. Но самое главное было еще впереди. Ярты-гулак притащил два бурдюка с простоквашей, вылил простоквашу в большую глиняную чашку, потом подумал немножко и надел бурдюки старухам на затылки. Они опять ничего не слышали. Теперь оставалось самое трудное. Ярты растрепал косы служанок и стал приклеивать их простоквашей к щекам и подбородку своей подруги.

— Оставь меня! Уходи! — в испуге зашептала красавица.

Но Ярты-гулак хитро подмигнул подруге:

— Ни слова! Уж не хочешь ли ты навсегда остаться в страшном купцовом доме?

И девушка покорилась.

Ярты приклеил последнюю прядь волос к лицу девушки и даже залюбовался своей работой! у красавицы Бахты-Гюль выросла длинная-предлинная борода, а над верхней губой стали торчком жесткие седые усы. День был жаркий, и простокваша мгновенно пристала к лицу красавицы. Ярты по-

дергал подругу за бороду и убедился, что оторвать ее невозможно. Ярты очень обрадовался.

— Крепко сделано! Посмотрим теперь, понравится ли жениху невеста с седой бородой?

Так сказал Ярты. Он схватил соломинку, и подбежав к одной из старух, стал щекотать у нее в носу. Старуха чихнула и проснулась. Она чихнула так громко, что разбудила свою соседку. Служанки разом зевнули и замотали головами: тяжелые бурдюки крепко сидели на их затылках. Они принялись бегать по кибитке, но никак не могли их стряхнуть. Когда же, наконец, женщины освободились от мешков и взглянули друг на друга, они так закричали, что верблюды во дворе оборвали поводья и убежали в пески.

— Вах, горе! Вах, беда! — визжали старухи. — Злой джин подшутил над нами и украл наши чудесные косы! Наши головы, бедные наши головы облысели!

Все это видела Бахты-Гюль и с трудом удерживалась от смеха.

— Что с вами, женщины?! — воскликнула она наконец.

Служанки взглянули на девушку и окаменели от ужаса: у красавицы выросла борода! Они решили, что в дом забралась нечистая сила, и с криком бросились бежать из кибитки. Они кричали так громко, что тотчас же прибежал сам хозяин дома. Увидев невесту с длинной седой бородой, купец схватился за сердце и упал на ковер, как мертвый. Тогда сбежался весь дом. Служанки облили купца холодной водой, и он очнулся.

— Гоните вон это чудовище! — завопил купец, сам не свой от страха. — И позовите скорее моего друга муллу, чтобы он день и ночь читал очистительные молитвы до тех пор, пока не изгонит из моего дома коварных джинов!

Старухи, долго не раздумывая, подхватили девушку под руки и вытолкнули за ворота.

Теперь забудь про купца и слушай про девушку.

Очень обрадовалась Бахты-Гюль, оказавшись за воротами купцова дома. Быстрее ветра помчалась она к родной кибитке. Ярты сидел у нее на плече и громко смеялся. Он смеялся над купцом и его служанками. Так добежали они до большого арыка с прохладной и чистой водой. Гюль зачерпнула воды и принялась смывать с лица волосы. Но простокваша так крепко схватила их, что бороду и усы можно было оторвать только вместе с кожей.

— Не спеши! Спокойнее, Гюль! — кричал ей малыш, но красавица не слушала его. Она упала на землю и громко запричитала:

— Как я буду жить с такой бородой! Ишаки и те станут надо мной смеяться!

Ярты ответил:

— Успокойся! Если тебе не нравится твоя борода, пойдем скорее в дом моей матери. Там я развею твою горе, как ветер тучи.

Они пошли.

Когда старая мать Ярты-гулака увидела сына и с ним девушку с большой бородой, она вскрикнула и хотела разразиться слезами, но Ярты-гулак остановил ее:

— Эдже-джан, если ты закричишь, ты погубишь нас. Старый купец прибежит сюда и узнает то, чего ему не следует знать. Лучше согрей нам большой казан воды и помоги умыть дочь нашего соседа.

Так они и сделали.

На другой день Бахты-Гюль, цветок счастья, и проворный Ярты-гулак снова вместе встречали утро. Не для старого купца Мухаммеда, а для маленького друга распевала Гюль свою девичью песню:

Как лимон, сады желты,
С веток падают листья...

А Ярты-гулак подпевал ей тоненьким голоском:

Стал янтарным виноград,
Стал рубиновым гранат...

Так пели они и радовались жизни, а богатого купца по-прежнему грызла злая скука.

ЯРТЫ-ГУЛАК И КОЛДУН

Однажды утром мать и Ярты-гулак собрались идти в поле. Они выпили по полной пиале чая с чурек-ком, но на блюде оставалась еще одна лепешка и кусок овечьего сыру, и Ярты потянулся к блюду: чурек был пышный и теплый.

Ярты подумал: «Если чурек оставить к обеду, он зачерствеет и не будет уже таким вкусным. Лучше я его съем сейчас».

Мать положила мальчику на плечо руку и сказала:

— Отнесем, сынок, этот чурек и сыр отцу в поле. Он сегодня поднялся до свету и, наверно, проголодался.

И чурек остался лежать на блюде рядом с сыром.

Но в это время с улицы, из-за дувала, донесся протяжный вой: «Вур-ха-ха! Вур-ха-ха!..»

Мать услышала эти крики и побледнела. Вскочив с кошмы, она схватила сыр вместе с теплым чуреком и побежала к калитке.

— Эдже-джан! — ухватился мальчик за полу ее платья. — Зачем ты несешь на улицу последний чурек? Ты же хотела взять его в поле!

Но мать испуганно зашептала:

— Молчи, сынок. Это кричит сам порхан. Он святой, а святому все дают подаяние.

Но мальчик не отпускал ее:

— А разве порхан бедный?

— Что ты, что ты! Святые бедными не бывают!

— Значит, он старый?

— Нет, он совсем не старый.

— В таком случае — он больной?

— Как ты мог только подумать это, сынок? Святость хранит его от болезней!

Так ответила старуха и побежала к калитке. Но Ярты был проворен: он добежал до калитки первым, подпрыгнул и повис на щеколде, ухватившись за нее обеими руками.

— Эдже-джан! — запищал малыш. — Если порхан и здоров, и молод, зачем же ты отдаешь ему последнюю лепешку? Он сильнее тебя, он моложе отца и богаче всех нас троих!

Старуха рассердилась:

— «В незрелом яблоке вкуса нет!» — так говорят люди. — Вот и ты таков, мой малыш: говоришь много, а знаешь мало! Не простой человек порхан: он — колдун! Нельзя его обижать: он рассердится и найдет на наш дом беду.

Мальчик не понял:

— Какую беду?

Старуха объяснила ему:

— Порхан все может: он скажет слово — и злые духи-джины поселятся в нашей кибитке, он скажет два — и мы умрем от болезней — и ты, и я, и старый отец. Он может поспорить нас со всеми соседями, и мы потеряем всех наших друзей в ауле. А что такое человек без друзей? Это — росток в пустыне: его сжигает жаркое солнце и никому его защитить от зноя!

Тут старуха плюнула на все четыре стороны, чтобы колдун не сглазил ее за такие слова, и выбежала из калитки.

Ярты-гулак тоже выбежал вслед за матерью. Он вскочил на дувал и стал смотреть, что происходит на улице.

По улице шла большая толпа. Впереди толпы шел здоровый чернобородый мужчина в длинном — до земли — балахоне из верблюжьей шерсти. На голове у него красовалась огромная чалма, а на поясе и на шее — всюду болтались пестрые амулеты — маленькие ковриковые мешочки с красными и синими кистями. Женщины и дети подбегали к колдуну и совали ему в руки подаяния — кто лепешку, кто связку сушеной дыни, кто курицу, кто кисть винограда.

Подняв к небу свою черную бороду, порхан тянул во весь голос:

— Эй... эй... эй! Я в небе считаю звезды, на земле изгоняю духов, под землей отыскиваю потерянное! Я — гадатель, и предсказатель, и целитель болезней!

Тут Ярты увидал, что и его лепешка исчезла в огромном мешке порхана. Он погрозил колдуну своим маленьким кулачком, спрыгнул с дувала и побежал вслед за толпой.

В самом конце улицы жил почтенный и трудолюбивый Бяшим-ага.

Колдун подошел к его дому и стал громко стучать в ворота своей длинной палкой:

— Э-эй, Бяшим-ага! Несчастье, как черный ворон, сидит на твоём дувале! Если ты не хочешь, чтобы оно вошло в твой дом, дай мне сейчас же трехнедельного ягненка и полмешка ячменя!

Ворота тотчас открылись, и сам хозяин вышел навстречу гостю. Он поклонился колдуну до самой земли и повел гостя во двор. Толпа повалила за ними, потому что каждому хотелось посмотреть, как святой порхан будет изгонять злых духов из Бяшимова дома. Ярты-гулак тоже был тут как тут.

Хозяин расстелил посреди двора свой самый лучший ковер. Колдун вскочил на него и стал махать руками и кружиться на месте. Он кричал изо всех своих сил, призывая на помощь добрых джинов:

— Вур-ха-ха-а! Духи мои, живущие в долинах! Пери мои, летающие в горах! Дэвы мои, скрывающиеся в недрах земли! Сюда! Ко мне!

Он кричал все громче и громче и кружился все быстрее и быстрее. Он так напугал людей своим криком, что многие убежали со двора, а те, кто остался, не могли шевельнуться от страха.

— На колени! — закричал колдун страшным голосом и поднял руки над головой. — Закройте глаза! Джины здесь! Я вижу их, они приближаются!

Люди упали на колени и зажмурились, но Ярты-гулак не зажмурился, он продолжал смотреть во все глаза, потому

что ему очень хотелось увидеть добрых джинов, которые сейчас будут драться со злыми духами, забравшимися без спроса в дом почтенного Бяшима.

— Ты здесь — предо мною, могучий всесильный джин! — кричал порхан на весь двор. — Одной рукой поднимаешь ты горы, одним пальцем убиваешь ты человека!

Люди лежали на земле, боясь поднять глаза на страшного джина, но Ярты-гулак, сколько ни смотрел, ничего не видел, хотя сидел уже на чалме самого порхана.

— Сейчас вы услышите... — продолжал порхан пугать народ, но в этот момент из огромной чалмы колдуна раздался тонкий пронзительный писк:

— Никакого джина тут нет! Не верьте наглому порхану! Он лжец и обманщик!

Все вскочили с колен и увидели, что и в самом деле никакого джина нет! А порхан испугался. Он так испугался, что, не сказав ни слова, подхватил свой мешок и опрометью бросился со двора.

Он бежал по улице, зажимая себе уши руками, но все-таки слышал, как народ кричал вслед ему:

— Он лжец и обманщик! Тут нет никакого джина!

Пускай народ кричит, а ты послушай, что было дальше с порханом!

Порхан ничего не мог понять. Если бы это кричал враг, он бы видел его. Но голос шел не со двора и не с улицы, а из собственной чалмы порхана.

Когда порхан был уже далеко от дома Бяшима-ага, он остановился, чтобы отдышаться от быстрого бега, но вдруг тот же голос раздался из его собственной бороды:

— Отдай, обманщик, все, что награбил!

Порхан подскочил, как укушенный скорпионом или ужаленный ядовитой змеей, и помчался к своему дому. Он вбежал в кибитку и без сил упал на ковер.

Но злодею и дома покоя нет. Подошло время обеда.

Жена поставила перед ним большую чашку жирного плова: поверх риса были уложены ломтики куриного мяса, а стрелки зеленого лука дразнили обоняние. Белые пышные чуреки блестели от масла. А такой шурпы — супа из молодого барашка — Ярты-гулак еще никогда не видел. Рядом с казаном супа — на блюде — лежали ломтики мяса, обложенные чесноком и морковью, а сверху блестели ягодки урюка.

Слюнки потекли у порхана.

Он с утра ничего не ел и очень проголодался, но не успел он захватить пальцами щепотку риса, как из-под скатерти раздался голос:

— Стой! Сейчас же отдай чужое добро, грабитель! Или кусок у тебя застрянет в горле!

Порхан оттолкнул от себя блюдо и бросился на постель. Но и сон не принес ему покоя. Не успел он закрыть глаза, как тот же голос назойливо зажужжал у него под самым ухом:

— Верни, верни, верни, сейчас же верни все, что награбил у добрых людей, бессовестный!

Колдун схватил одеяло и закрылся им с головой. Но и это не помогло: кто-то дернул его за бороду:

— Проснись! Если ты не вернешь награбленное, я так тебя разукрашу, что ты и глаз в аул не покажешь!

Порхан вскочил и хотел бежать из дома. Он схватился за сапоги, но сапог сам подпрыгнул и засмеялся. Он хотел накинуть халат, но халат пополз от него, как змея. Порхан заплакал.

— Плачь не плачь, а придется тебе раскаяться, или будет еще хуже! — раздался голос из-за пазухи колдуна. Колдун заткнул пальцами уши и выбежал во двор.

А во дворе у порхана работали крестьяне. Так уж было заведено в ауле, что сам порхан никакой работы не делал, а каждое утро приходили к нему помогать крестьяне. В этот день они раскладывали на крыше кишмиш для просушки. Увидев хозяина, они громко засмеялись.

— Негодные! Что смеетесь?! — рассердился порхан.

Но крестьяне засмеялись еще громче. Порхан начал их бранить. На шум выбежала жена и всплеснула руками:

— Не срами себя, хозяин! На что похожа твоя борода?!

Колдун схватил себя за бороду, но не нашел ее: полбороды было отрезано.

— Вах! — завыл колдун. — Всю свою жизнь я пугал крестьян злыми джинами, а сам в них никогда не верил. Но сегодня я вижу, что злые духи вселились в мой собственный дом!

Он упал на колени перед крестьянами и дал им слово никогда больше не обманывать народ и вернуть беднякам все, что он награбил за долгие годы, — лишь бы джины оставили его в покое.

Проворный Ярты незаметно выбрался со двора порхана и не спеша пошел к своему дому, напевая веселую песню:

Я мал, да удал,

Нет никого проворней меня!

Не успел он войти в свой двор и допеть свою песенку, как в калитку постучали.

Мать открыла калитку.

— Возьми, хозяйка, свой чурек обратно! — раздался из-за калитки жалобный голос: — Возьми ради всех духов, и злых, и добрых. Избавь меня от несносных джинов.

Так сказал порхан, потому что это был именно он, и отдал матери чурек вместе с сыром.

Мать удивилась.

Порхан ушел.

А Ярты-гулак весело засмеялся.

ЯРТЫ-ГУЛАК И РАЗБОЙНИКИ

Однажды к отцу Ярты-гулака пришел гость из далеких краев. Это был его старый друг — знаменитый караван-баши, проводник караванов. Отец Ярты-гулака расстелил посреди двора свою самую мягкую белую кошму и усадил на нее дорогого гостя.

Гость сказал:

— За долгие годы моих странствий я не накопил ни золота, ни имений. Есть у меня только одно богатство — мой белый ишак. Это мой друг и помощник. Вместе с ним я прошел все караванные тропы от славного Хорезма до древнего Хорасана, и он так хорошо их запомнил, что сам находит теперь пути среди песчаного моря пустыни. Накорми его досыта, хозяин, и привяжи на ночь в надежном месте.

Отец ответил:

— Будь спокоен. В нашем ауле никто не обидит твоего друга. Я привяжу ишака за дувалом и прикажу сторожить его своему единственному сыну.

Ярты-гулак стал сторожить белого ишака, а ишак стал щипать траву возле дувала.

Ярты-гулак был очень доволен, что ему доверили сторожить такое сокровище. Он важно уселся на высоком дувале и даже болтал ногами от гордости. К тому же было перед кем гордиться! Со всего аула сбежались ребята к дому Ярты-гулака. Они любовались бархатной попоной белого осла и не могли отвести глаз от нарядной уздечки с резными серебряными пряжками. Такие пряжки умели делать только славные мастера Ургенча.

Очень понравился ребятам осел. Они наперебой предлагали Ярты-гулаку постеречь осла вместе с ним,—но куда там! Ярты только покрикивал на ребят и ни с кем не хотел делиться своей честью:

— Эй, Дурды-клыч, куда лезешь! У тебя грязные руки, не тронь уздечки!

— Эй, Гюль-джамал! Не подходи близко к ослу—он лягнет тебя!

Долго стояли ребята на дороге, любуясь ослом. Но всему бывает конец: насмотрелись они и на уздечку, и на попону—и разошлись. Остался Ярты один караулить осла. Скоро ему стало скучно, а чтобы не скучать,—он знал верное средство—затянул песню. Что видел,—о том он и пел:

Вот пасется белый ишак.
Смотрите, какой ученый ишак,—
Он прошел много дорог,
Его караулит Ярты-гулак...

Так пел Ярты, а солнце садилось все ниже и ниже. Стало смеркаться, но Ярты и этого не испугался: он стал петь еще громче.

И вдруг—совсем близко—мальчик услышал нежный голос:

— Как сладко ты поешь! Не учился ли ты петь у соловья?

Ярты-гулак присмотрелся и увидел девушку, нарядную, как гвоздика, и прекрасную, как волшебница-пери. Никогда в жизни не видел Ярты такой красавицы. Но он не удивился: что странного в том, что сама дочь хана или даже шаха пришла полюбоваться на диковинного осла! Он поклонился девушке и сказал:

— Подойди поближе, не бойся: мой ишак не лягнется. Если хочешь, ты можешь его погладить.

Но девушка даже не взглянула на осла, она подбежала к Ярты-гулаку и ласково зашептала ему:

— Кто может сравниться с таким, как ты, стройным джигитом! Не про тебя ли поется в песне, что красота твоя подобно луне озаряет весь свет.

Первый раз слышал Ярты такие слова, но он не растерялся: он поправил свои косички и ответил девушке:

— Если ты называешь меня луной, то я назову тебя солнцем. Если же ты назовешь меня солнцем, я отвечу тебе, что у солнца только один глаз, а у тебя их два!—и Ярты засмеялся.

Девушка тоже засмеялась, а потом вынула из-за пояса

мешочек со сладостями и набила мальчику полный рот тягучей и сладкой халвы. А Ярты-гулак очень любил халву. Но не успел он ее проглотить, как красавица, прекрасная, как пери, и нарядная, как гвоздика, исчезла, а вместе с ней исчез и драгоценный осел!

Ярты хотел закричать, но рот у него был полон халвы.

Ярты хотел побежать вдогонку, но сорвался с дувала и так больно ушибся, что не мог даже встать.

Тогда он заплакал.

На плач прибежала мать, и все узнали о пропаже осла.

Старый караван-баши от горя не мог сказать ни слова. Он рвал свою бороду и стонал.

Отец утешал его:

— Успокойся. Я продам и верблюда и кибитку, но все равно расплачусь с тобой.

Мать тоже утешала гостя:

— Я буду ткать ковры с утра до ночи, но куплю тебе осла, и будет он лучше прежнего.

Но караван-баши был безутешен.

Ярты-гулак думал, что родители станут его бранить, но ни отец, ни мать не сказали ему ни слова. Они хорошо знали старую поговорку: «На своего ребенка кому пожалуешься?» Они молчали. И от этого мальчику было еще тяжелее.

Ярты заплакал:

«Если бы я не был таким гордым и не прогнал бы товарищей, они помогли бы мне караулить осла и до сих пор бы белый осел стоял за дувалом и спокойно щипал траву. Я сам во всем виноват».

Так подумал Ярты, вытер слезы и потихоньку выбрался из кибитки. Родители уже крепко спали, и его никто не заметил. Ярты решил разыскать осла.

Долго бродил Ярты по пескам пустыни. Он карабкался на крутые барханы, скатывался в сухие арыки. Он пробирался в зарослях колючей травы и проваливался в песок по пояс, но нигде не нашел осла.

Настала ночь, но луна еще не взошла. Ярты уже ничего не видел. Он стал звать осла. Он называл его ласковыми именами, но ишак не откликался. Мальчик выбился из сил. Он опустился на песчаный холмик и решил ждать рассвета. Очень хотелось ему вернуться домой, но он сказал сам себе:

— Лучше я погибну в пустыне от голода и жажды, чем вернусь домой с пустыми руками.

И вдруг по пустыне пронесся ветер. Он подхватил мальчика, как сухую травинку, и понес над землею. Ярты полетел. Он летел очень долго. Он стал уже думать, что никогда

не вернется на землю. Но всему бывает конец: малыш зацепился за ветку саксаула и повис на ней. Так он дождался рассвета.

Если бы мимо прошла девушка, она бы сказала: это птичка.

Если бы мимо прошел юноша, он сказал бы: это стрела какого-нибудь охотника.

Если бы мимо прошел старик, он посмотрел бы на дерево своими слепыми глазами и прошамкал: это сухой прошлогодний лист!

Но это была не птичка, не стрела и не лист. Это был Ярты-гулак, и ему было очень неудобно висеть на дереве вниз головой. Он стал барахтаться и упал на песок. Песок был такой мягкий, а Ярты-гулак так устал, что сейчас же заснул, как богач на пуховых подушках.

Сколько он спал мы не знаем, но его разбудил конский топот. Мальчик высунул голову из своей норки, прислушался и совсем близко услышал голоса. Он взобрался на ветку дерева и увидел, что на опушке саксауловой рощи собрались в кружок какие-то люди, а посередине, на богатом текинском ковре, сидит девушка — прекрасная, словно пери, и нарядная, как гвоздика. Ярты сразу узнал ее. Он понял, что эти люди — разбойники, а девушка — их атаман.

Ярты спрыгнул с ветки и стал подползать поближе, чтобы слышать, о чем говорят разбойники.

Девушка сказала:

— Какую вы мне принесли добычу?

Самый высокий разбойник вышел вперед и поклонился девушке. Он сказал:

— Я был на базаре. Старый купец задремал на пороге своей лавки, и я взял у него кусок самого лучшего бархата.

И разбойник положил бархат к ногам красавицы, а на смену ему вышел другой:

— Я был на площади. Сам великий визирь, окруженный блестящей свитой, шествовал во дворец. Я снял у него с пояса саблю, осыпанную алмазами.

И разбойник положил саблю к ногам красавицы. Но тут выступил вперед третий. Он с презрением взглянул на товарищей и хвастливо сказал:

— Поглядите, что я принес! Я побывал в ханском дворце. По веревочной лестнице я пробрался в окошко ханской бани и, пока хан мылся, унес у него чалму.

Так сказал третий разбойник и положил к ногам красавицы белую шелковую чалму, увитую жемчужными нитями. Таковую чалму мог носить только сам всесильный хан!

Разбойники молчали, пораженные дерзостью своего товарища, но красавица рассмеялась:

— Все трое вы не могли сделать того, что сделала я одна!

Разбойники удивились, а девушка продолжала:

— Сколько раз мы сбивались с пути в пустыне! Сколько из нас погибло, заблудившись в черных песках! Вот почему днем и ночью следила я за белым ослом старого караван-баши. Он знает все дороги пустыни, он идет впереди коней и верблюдов и всегда приводит путников к воде и прохладной тени деревьев. Я выследила его. Вот он!

Так сказала девушка-атаман и указала рукой на густые заросли саксаула.

Ярты вытянулся во весь свой маленький рост и увидел, что в зарослях, привязанный к дереву, стоит его драгоценный осел.

Он замер от удивления, а девушка громко засмеялась:

— Я обманула глупого мальчишку! Я обольстила его ласковыми словами! Из-под носа у дурачка увела я осла, равного которому нет от Хорезма до самого Хорасана!

Этого Ярты не мог вынести. Он вырвал из травы острую камышинку, подкрался к девушке и больно уколол ее в поясницу. Красавица взвизгнула и набросилась на разбойников:

— Дерзкие! — закричала она. — Кто посмел прикоснуться ко мне! Признавайтесь! Виновному не будет пощады!

Разбойники попадали перед ней на колени и стали молить:

— Смилуйся, ханум-джан — любезная госпожа! Никто из нас не прикасался к тебе. Это тебе показалось!

И вдруг самый высокий разбойник заревел, как взбесившийся верблюд. Он вскочил и наотмашь ударил своего соседа:

— Как ты смеешь колоть меня в спину?!

А Ярты не зевал: он уколол своей камышинкой и второго и третьего разбойника.

Разбойники набросились друг на друга, и завязалась такая драка, что песок закружился столбом, а земля задрожала.

Напрасно пыталась разнять их девушка, напрасно старалась перекричать: разбойники продолжали драться.

Как раз этого и добивался Ярты. Он отвязал осла, вскарабкался на его спину и погнал прочь от саксауловой рощи.

Как ветер, скакал осел, не чувствуя на себе тяжести седока, а Ярты-гулак все подгонял и подгонял его:

— Ио, ио! Прибавь рыси, дружок, или мы оба погибнем! — И осел мчался вперед и вперед, прижав уши и поднимая за собой целые тучи пыли.

Но вот Ярты услышал топот погони: как ни спешил осел, его настиг ахалтекинский скакун, черный, как вороненая сталь, и быстрый, как вихрь.

— Стой, упрямец! — закричала ослу разбойница. — Как ты смел отвязаться и уйти от своей хозяйки! — и она стала бранить осла. Не могла же она заметить Ярты-гулака: он был маленький и спрятался в бахrome попоны.

Разбойница привязала повод осла к своему седлу и погнала коня обратно к саксауловой роще, а Ярты выбрался из-под попоны и на всем скаку стал ползти по спине ишака: вот он уже на голове, он крепко ухватился за ослиное ухо. Рядом с собой, совсем близко, он видит круп лошади. Ярты изловчился и вырвал волос из пышного хвоста коня. Конь заржал от боли и поднялся на дыбы. Всадница пошатнулась и выпала из седла. А конь, осел и Ярты — все трое умчались вперед. Теперь осталось немного: когда скакун успокоился, Ярты вскочил ему на спину, звонко гикнул и помчался к родному аулу.

Верно говорят люди: «у смелого джигита и конь не хромает, и халат не изнашивается».

Был уже поздний вечер, когда Ярты-гулак вошел в свою кибитку.

На земле около очага, низко опустив головы, сидели отец и мать и старый караван-баши.

— Беда не приходит одна, — сказал отец: — сначала пропал ишак, а теперь пропал и Ярты-гулак!

— Я здесь! — закричал Ярты. Он подбежал к отцу и одним прыжком вскочил к нему на ладонь.

Мать хотела разбранить мальчишку за то, что он убежал без спроса и пропадал так долго, когда в поле столько работы, но в эту минуту на дворе закричал осел. Он закричал громко и протяжно. Мать вскрикнула и крепко прижала к сердцу Ярты-гулака, а отец и старый караван-баши радостно засмеялись.

А осел все кричал и кричал, он хрипел, как труба, но его хриплый рев казался людям слаще соловьиного пенья. Вот и вся сказка.

Теперь ты видишь, как плохо гордиться и отказываться от помощи друзей, когда они предлагают ее от чистого сердца. Теперь ты понял, что под красивым лицом не всегда скрывается доброе сердце. Теперь ты знаешь, что иногда и ослиный рев кажется нам прекраснее пенья соловья.

Так говорит старая сказка, а сказка всегда скажет правду. Не я ее сложил: я ее слышал от стариков, которые еще старше меня.

ЯРТЫ-ГУЛАК И ДЕРВИШИ

Солнце с утра палило землю. Птицы улетели к прохладным колодцам. Ящерицы и те попрятались под камнями. А дайхане никуда не попрятались: от зари до зари они гнули спины на своих полях, растрескавшихся от зноя.

Весь день Ярты со своим отцом поливал хлопковое поле и очень устал, потому что это была нелегкая работа. Недаром народ сложил пословицу: «Пошлешь на полив, узнаешь, кто ленив!»

Они трудились до позднего вечера; когда же солнце коснулось края земли, старик сказал:

— Довольно мы потрудились, сынок, пойдем домой и напьемся чаю.

Ярты вымыл руки в арыке, вскинул на плечо свой маленький кетмень и пошел вслед за отцом. Отец пел, а Ярты ему подпевал:

Снег на горных вершинах бел,
Хлопок еще белей,
Голубиный пух легок,
А хлопок еще легче.
Хлопок нас одевает,
Хлопок нас кормит,—
Слава тому,
Кто вырастил хлопок...

Песня кончилась, и дорога кончилась. Отец и сын пришли домой.

Мать вышла навстречу и сказала:

— Скорей садитесь. Ужин готов.

Старик и Ярты разостлали посреди двора кошму, покрыли ее белым платком и стали ждать, когда старуха подаст им кашу из тыквы. Но не кашу из тыквы, а жирный душистый плов приготовила в этот день на ужин старуха. С улыбкой поставила она перед хозяином полное блюдо риса, украшенного кусками жареной баранины, и ласково сказала:

— Кто потрудился, тот может и отдохнуть. Вы много работали сегодня и заслужили хороший ужин. Для вас выменяла я у соседки за моток шерсти кусок жирной баранины и наварила полный котел отличного плова.

Ярты с отцом, смеясь, засучили рукава, натерли чесноком хлебные лепешки и уже поднесли к губам первую горсть

желтого и прозрачного от жира риса, как вдруг за дувалом раздался жалобный крик:

— Во имя аллаха, отворите калитку и впустите в дом бедных путников, умирающих с голоду у вашего порога.

Конечно, старуха сейчас же встала, широко распахнула калитку и сказала, как велит обычай:

— Войдите, добрые люди. Ни один голодный еще не ушел из нашего дома без куска хлеба.

Путники вошли. Это были два толстых дервиша—два странствующих монаха. Они были одеты в рваные, засаленные халаты, подпоясанные веревками. Поклонившись хозяевам, дервиши принялись бормотать молитвы, а потом, не ожидая, что их пригласят, подсели поближе к блюду с пловом и очистили его так быстро, что Ярты даже не успел моргнуть глазом.

Старик посмотрел на грудку костей, оставшуюся от вкусного ужина, и вздохнул. Но пословица говорит: «Последний чай гостю отдай»! И хозяин отвязал от пояса маленький кожаный мешочек, в котором он хранил свой любимый зеленый чай, потому что гость имеет право на отдых и уважение.

Когда гости напились и наелись, хозяева уложили их спать в кибитке на своих одеялах, а сами легли во дворе под телегой и всю ночь дрожали от холода.

Наутро старик и Ярты' снова пошли работать на хлопковое поле, а старуха принялась стирать гостям рубахи и засаленные халаты.

Так было и на другой день, и на третий: Ярты с родителями трудился от восхода и до заката солнца, а два толстых дервиша только ели, пили и спали и ничего не делали. Когда же старуха жаловалась им на тяжелую крестьянскую долю, они ласково отвечали:

— Не грусти, хозяйка,—аллах подарит тебе счастье.

Они садились посреди двора на ковер и, раскачиваясь из стороны в сторону, принимались петь.

Так было и на четвертый и на пятый день.

Наконец Ярты сказал своей матери:

— Эдже-джан, отчего ты не прогонишь этих разбойников? Долго ли еще мы будем на них работать, а сами жить впроголодь?

— Что ты, сынок! —зашептала в ответ старуха.—Разве можно выгнать из дому гостей да еще дервишей! Этого никогда не простит нам мулла: ведь они святые!

А святые отъелись, стали еще более толстыми и румяными и на пятый день сказали хозяевам:

— Радуйтесь, правоверные! Сегодня мы молились всю ночь и узнали волю аллаха: он приказал нам остаться здесь навсегда, а поэтому дом ваш станет теперь благословенным домом,—каждое утро и каждый вечер мы будем читать молитвы за ваше здоровье из священной книги—Корана!

И дервиши остались жить в доме родителей Ярты-гулака. Старуха молчала. Старик тяжело вздыхал и шепотом говорил своему маленькому сыну:

— Что мы можем сделать, сынок? Такова участь дайханина: что не возьмет хан, отнимет бай. А что бай не отнимет,—вытянут у тебя святые слуги аллаха. Так жили наши отцы и деды. И мы с матерью так живем.

Ярты чуть не плакал—так жалко было ему старика-отца.

«Если дервиши проживут у нас до зимы, и отец и мать погибнут от голода и холодного ветра!»—так думал малыш и решил во что бы то ни стало прогнать незваных гостей из родного дома. Но не знал еще, как это сделать.

Долго думал Ярты. Он думал в поле, окапывая хлопок под палящими лучами солнца, думал дома, помогая отцу поить ишака и верблюда, думал ночью и придумал.

Однажды темной, безлунной ночью, когда дервиши, наевшись до отвала, громко храпели в теплой кибитке, Ярты выполз из-под телеги и потихоньку подкрался к спящим. «Святые» спали так крепко, что ничего не слышали. А Ярты взял бечевку и крепко-накрепко связал ею длинные бороды странствующих монахов.

— Погодите же, лежебоки! — погрозил им мальчик своим кулачком.—Я вас отучу есть чужой хлеб!

Так сказал Ярты и длинною камышинкой стал щекотать в носу у одного из дервишей. Толстый дервиш чихнул, повернулся на другой бок и опять захрапел. Тогда Ярты подкрался ко второму дервишу. Второй дервиш отмахнулся от камышинки, как от назойливой мухи, но Ярты настойчиво продолжал щекотать его и щекотал до тех пор, пока тот не проснулся. Дервиш открыл глаза, сел на подушках и стал зевать. Потом он откинул теплое одеяло и решил выйти из кибитки—взглянуть, не пора ли завтракать. Но стоило встать дервишу, как он почувствовал, что кто-то держит его за бороду. Дервиш рассердился и закричал на своего приятеля:

— Эй, старый верблюд,—пусти! Зачем ты держишь меня за бороду?

Приятель проснулся и тоже вскочил. И тотчас же, схватившись за бороду, завыл от боли:

— Несчастный! Ты вырвал мне полбороды, на каждом волоске которой качается ангел!

— Разбойник! — кричал первый дервиш. — Не я, а ты оборвал мне бороду! Я тебе этого никогда не прощу!

С этими словами он так сильно ударил приятеля в жирный бок, что оба повалились на одеяла. Они стали кататься по полу, изо всех сил избивая друг друга.

На шум прибежал старик. В темноте он не понял, что происходит, и подумал, что в кибитку забрались воры и напали на дорогих гостей. Старик схватил палку и принялся бить драчунов по широким спинам. Ярты тоже не остался без дела. Он вскочил на дувал и заорал во все горло:

— Эй, соседи! Скорее на помощь! В наш дом ворвались разбойники и убивают наших святых гостей! Если вы не придете, вы прогневите аллаха!

Он разбудил весь аул. Закричали верблюды, заревели ишаки, собаки подняли неистовый лай, и во двор стариков со всех сторон стали сбегаться соседи, вооруженные чем попало: кто — кетменем, кто — палкой, кто — ружьем.

Дервиши давно уже выбежали из кибитки и продолжали драку посреди двора. Всем аулом дайхане набросились на драчунов и так их отколотили, что дервиши, забыв про свою толщину, бросились прочь со двора и без оглядки помчались прямо в пески. А следом за ними бежали все собаки аула. Они грозно лаяли и хватали беглецов за самые пятки.

В этот день и отец, и мать, и Ярты-гулак наелись досыта плову, а когда наступила ночь, пошли спать в свою кибитку.

Ярты сказал отцу:

— Ата-джан, не кажется ли тебе, что теперь все дервиши за сто верст будут обходить наш дом?

Отец ответил:

— Пусть будут твои слова сказаны в добрый час. Добрый джин сжалился над нами и избавил нас от напасти.

Ярты-гулак сладко зевнул, натянул на себя теплое одеяло и радостно шепнул отцу:

— Ты прав, ата. Сегодня твой добрый джин будет спать на своей кошме и в своей кибитке.

Так ответил Ярты и крепко заснул.

Мать посмотрела на спящего сына и покачала головой, а старик засмеялся.

ЯРТЫ-ГУЛАК В ЧАЙХАНЕ

Когда наступила зима и холодные ветры стали носиться над песками, все чаще и чаще стали заходить дайхане в старую чайхану на краю аула. Смех и шутки раздавались там до позднего вечера. До позднего вечера вели старики беседу, подсев поближе к огню. О чем только не рассказывали эти люди, прошедшие сотни дорог за свою долгую жизнь! Каких только песен не пели юноши под звон сладкозвучного дутара! И чем прекраснее была песня, чем длиннее рассказ, тем дольше пылал в очаге огонь, и тем больше чаю просили гости.

И веселый чайханщик едва успевал разносить чайники с ароматным чаем и подносы, уставленные широкими пиалами. На дворе злился ветер, а на пиалах пылали маки и розы, нарисованные искусной рукой. Недаром говорит старинная мудрость: «Взгляни на цветок, и он согреет твое сердце!» А еще мудрость говорит: «Согревает руки огонь, а сердце — беседа». И не было никого, кто, проходя мимо чайханы, не зашел бы погреться у очага и выпить с друзьями по полной пиале душистого зеленого чая.

Заходил в чайхану и старый отец Ярты-гулака и частенько брал с собой своего маленького сыночка. Очень любил Ярты бывать в чайхане: заберется на высокий тельпек — баранью шапку своего отца — и слушает песни юношей и рассказы стариков. Но больше всего любил Ярты, когда в чайхане собирались прославленные острословы. Они приходили сюда со всех окрестных аулов и состязались в шутках и забавных рассказах. Тут было чего послушать! Зарывшись в теплый мех тельпека, малыш смеялся до слез над затеями шутников. А были среди них и такие мастера, что весь вечер могли говорить одними пословицами и поговорками.

Ой, как хотелось Ярты-гулаку испытать и свои силы в этом веселом споре! Но отец навсегда сказал мальчишке:

— Помни, сынок: слово — серебро, а молчание — алмаз! Если ты молод, слушай и не мешай старшим вести беседу. Будь благодарен уже и за то, что слышишь мудрые речи.

Так говорил отец, но не такой был парень Ярты, чтобы долго держать язык на привязи. За это однажды ему пришлось поплатиться.

Как-то раз, спасаясь от снежной бури, заехал в чайхану богатый купец со своими слугами. Он сел у самого очага,

разгладил свою рыжую, крашеную хной бороду и, усмехаясь в надушенные усы, стал слушать беседу дайхан. К своему удивлению, он скоро заметил, что в чайхане собрались люди, знающие цену хорошей шутке. Острые слова, словно птички, перелетали по чайхане, попадая не в бровь, а в глаз собеседнику. Скоро стали они задевать и купца с его крашеной бородой. Тогда купец решил показать себя, да так, чтобы надолго запомнили его в ауле. Он встал и сказал:

— Эй, дайхане! Клянусь, вы остры на язык и за словом в карман не полезете. Скажу без лести—такой острой беседой остался бы доволен даже Алдар-Косе—прославленный шутник и выдумщик. Но я бьюсь об заклад и ставлю десять золотых против одной медной таньга, что никто из вас не переспорит моего слугу Амана Веселого!

Все замолчали, потому что имя Амана Веселого было известно по всему Туркменистану—от садов Мерва до прозрачных вод Аральского моря. Это был такой говорун, что никто не мог его переговорить! Поэтому каждый боялся открыть рот и неосторожным словом уронить честь родного аула.

Увидев, что все молчат, рыжебородый купец стал насмехаться над дайханами:

— Что же вы попрятались, как цыплята от коршуна? Или мои слова прижгли вам языки?

Но и на эту дерзкую шутку никто не ответил. Тут уж Ярты не выдержал и решил выручить всех. Он подумал:

«Если я упущу этот случай, то мне долго придется ждать другого. А сегодня я могу прославиться на всю округу».

Он поднялся во весь рост на отцовской шапке и закричал во все горло:

— Если среди вас есть Аман Веселый, то в нашем ауле есть молодцы не скучнее вашего Амана! Если в вашем саду распустилась роза, то и в нашем саду цветут гвоздики!

Тогда высокий чернобородый Аман вышел вперед, упер руки в бока и с усмешкой бросил мальчишке:

— Колючки тоже считают себя садом!—И все засмеялись шутке.

— Солнце прогреет, и на колючках распустятся цветы!—крикнул в ответ Ярты, принимая бой.

— К солнцу для муравья дорога длинна!—отрезал Аман, намекая на маленький рост своего соперника.

Но Ярты в долгу не остался:

— К длинному ум приходит позже!—запищал малыш, и все собравшиеся разом захлопали в ладоши и так громко засмеялись, что Аман покраснел.

Но он не сдался:

— Эй, малыш! Побольше знай, поменьше болтай! — со злостью крикнул он мальчику.

Но Ярты в ответ так и сыпал пословицами:

— Слово не камень, а голову пробивает! Камыш тонок, а колет больно!

Аман не знал куда ему деться и только отмахивался от маленького острослова:

— Коза кричит, а вода — знай себе — бежит!

Но Ярты решил во что бы то ни стало добить своего противника:

— Ого! — запищал он на всю чайхану. — Змея не любит мяты, а мята растет у ее кибитки!

Но Аман уже пришел в себя и рассмеялся в ответ мальчишке:

— Глупец никогда не оценит чужой мудрости!

Это было уже слишком! Ярты не хотел оставаться в глупцах: последнее слово должно было быть за ним.

«Продавец лука знает цену чеснока!» — хотел он крикнуть в ответ, но вместо крика из его горла раздался лишь жалкий писк, похожий на писк маленького цыпленка: голос его иссяк, как вода в колодце. Он только открывал рот, но не мог произнести ни слова. Ярты понял, что он слишком много кричал и охрип от крика.

Аман рассмеялся:

— Плохи твои дела. Мои шутки занозили твоё горло!

И рыжий купец кромко захохотал, и вслед за ним захохотали его слуги. Бедный Ярты от стыда и горя схватился за свои черные косички и горько заплакал. Он был побежден.

Но в это время из далекого угла чайханы раздался голос одного из стариков:

— Кто рано торжествует победу, — проигрывает бой!

Сейчас же другой подхватил:

— Не хвали себя сам, пусть другие похвалят!

А третий поддержал:

— Не видя воды, не снимай сапоги!

Не смолчал и отец Ярты-гулака.

— Не смейся, когда сосед в беде, — придет очередь и тебе!

А толстый чайханщик, давась от смеха, закончил:

— Чем считать блох на чужой собаке, посчитай дыры на своем собственном халате!

Дайхане так разошлись, что и рта не давали открыть прославленному говоруну. Аман молчал. Купец пришел в ярость и на чем свет стоит стал бранить своего слугу, по-

сравнившего его при всем народе. Но что случилось,—того не вернешь: осмеянный острослов закрыл свое лицо шапкой и выбежал из чайханы. Купец бросился было за ним, но дайхане схватили его за полы бархатного халата:

— Стой, богач! — закричали они. — У обманщика борода вспыхнет! Не так ли говорит пословица? Отдай нам сперва обещанные десять монет, а потом можешь бежать на мороз, если тебе жарко у нашего очага.

Купец бросил на глиняный пол чайханы кошелек с деньгами и убежал вслед за слугой.

Дайхане пересчитали деньги и решили на десять золотых, полученных от купца, прорыть новый арык в ауле, чтобы каждый дайханин мог посадить два-три дерева у своего двала. Все были очень довольны этим решением и вскоре разошлись по домам.

Пошел домой и Ярты-гулак со своим старым отцом. В холодном небе сияла полная луна, и от ее синего света еще холоднее становилось на сердце Ярты-гулака. Отец молчал, и Ярты молчал. Он понимал, что отец разгневан.

Так молчали они до самого дома. А придя в кибитку, снял старик своего сына с мохнатой шапки, посадил к себе на ладонь, покачал головой и сказал:

— Ой, Ярты, Ярты! Много ты вспомнил сегодня пословиц и поговорок, а самую главную позабыл: старика украшает мудрость, а юношу — скромность. Завтра же ты пойдешь и поблагодаришь наших добрых соседей за то, что они выручили тебя из беды и не дали уронить чести аула в глазах надменного гостя. Так сказал отец, а Ярты ничего не сказал: сказать ему было нечего.

ГОВОРЯЩИЙ ВЕРБЛЮД

«Где вода, там и жизнь», — так говорит народ. Но если вода бьет тебя по плечам, стекает за ворот халата и, сбивая с ног, несется навстречу бурным потоком, — не рад будешь и воде.

Ярты был еще далеко в поле, когда небо закрыла большая черная туча. Мальчик заторопился к дому. Он изо всех сил погонял своего старого верблюда, но старый верблюд не умел скакать, и ливень застал малыша на дороге. Ударил гром, а степь превратилась в бурное море. Такого дождя Ярты никогда еще не видел. Он сразу промок до нитки и, вцепившись в спину верблюда, со страхом думал:

«Если дождь сбросит меня на землю, я утону в бурных потоках и никогда больше не увижу ни матери, ни отца».

Надо было спасаться. Ярты собрал все свои силы и пополз по длинной шее верблюда. Он знал, что делал: добравшись до головы животного, он спрятался на своем любимом месте — под мягким верблюжьим ухом. Тут ему было тепло, как в отцовской кибитке. Так доехал Ярты до аула. Дождь прошёл, но малышу не хотелось вылезать из своего укрытия: отсюда, как с башни высокого минарета, он видел все на много километров вокруг.

Навстречу бежал мальчишка. Это был незнакомый мальчишка из другого аула, и поэтому Ярты его не окликнул. Мальчик увидел, что верблюд идет один, без хозяина, и подумал: «Этот верблюд заблудился. Если я его поймаю и приведу к себе во двор, я приведу домой целое богатство».

Он подбежал к животному и ухватился за повод, но тотчас же из головы верблюда раздался таинственный голос: — Эй, ты, не тронь чужую скотину!

Мальчик так испугался говорящего верблюда, что поскользнулся и с размаху упал в жидкую грязь. Потом он вскочил и бросился бежать без оглядки.

Он бежал и кричал:

— Помогите! В верблюда вселились джины!

Эти крики услышал старый звездочет. Он слышал и голос Ярты-гулака и тоже подумал, что старый верблюд наделен волшебной силой. Он очень обрадовался, потому что давно уже искал какое-нибудь чудо, чтобы удивить им своего владыку — грозного хана. Звездочет схватил верблюда за повод и потащил прочь из аула.

Ярты испугался и закричал:

— Эй, дядя, оставь скотину! Не тронь того, что тебе не принадлежит!

Но он кричал напрасно: звездочет не слушал его, он даже радовался, что чудесный верблюд умеет не только разговаривать, но умеет и сердиться.

Последние годы звездочет не был в почете у хана. Был он лекарем и толкователем снов во дворце владыки, но от его лекарств хану становилось только хуже, а все его предсказания никогда не сбывались. В конце концов хан рассердился на звездочета и прогнал его из своего дворца. Он топнул ногой и сказал:

— Глупый колдун, уходи и не смей возвращаться, пока не покажешь мне настоящее чудо!

С тех пор прошло много лет, но сколько старик ни искал чуда, нигде не находил. Он исхудал, халат его износил-

ся, а чалма стала похожа на старое решето. Вот почему так обрадовался ханский колдун, встретив говорящего верблюда. Он так обрадовался, что даже не шел, а бежал, шлепая по грязи босыми ногами, чтобы скорее порадовать своего владыку и снова войти к нему в милость.

— О великий хан! — кричал звездочет на всю пустыню. — Ты будешь доволен своим слугой! — и он скакал, как резвый козел, по скользкой, грязной дороге.

— О грозный хан! С утра и до ночи ты будешь беседовать с говорящим верблюдом, а я, твой старый звездочет, буду опять лежать на мягких подушках и кушать жирный плов обеими руками!

Так рассуждал колдун сам с собою, и Ярты слышал каждое его слово. Мальчик не на шутку перепугался: ему вовсе не хотелось попасть во дворец грозного хана, но не мог же он убежать и оставить своего верблюда в руках чужого человека!

«Будь, что будет! — подумал малыш. — Чтобы сохранить верблюда, придется мне познакомиться с самим ханом. Настоящий богатырь не то что от хана, из-под земли выйдет на свободу!»

Так они подошли к высокой глинобитной стене, окружавшей ханский дворец. Стены были украшены башнями, а на башнях стояли ханские воины и во все глаза смотрели на дорогу. Но звездочет даже не взглянул на них. Он гордо поднял голову, и ворота дворца раскрылись перед ним.

Звездочет вошел в первый двор. Здесь у коновязи стояли ханские красавцы-кони, а вокруг коней суетились разодетые слуги. Но и на них не посмотрел гордый звездочет. Он еще выше поднял голову и вторые, серебряные, ворота распахнулись перед ним.

Он вошел во второй двор. Посреди двора бил высокий фонтан. В самые знойные дни здесь царила прохлада. В этом дворе сидели советники хана и играли в кости, ожидая приказаний владыки. Они с удивлением посмотрели сперва на звездочета, а потом на его верблюда, но старик не удостоил их даже взглядом. Тогда два черных раба подбежали к старику и закричали:

— Почтенный ходжа и великий мудрец! Одежда твоя покрыта грязью, а твой верблюд, — не убежал ли он с животерни? Как предстанешь ты в таком виде пред светлые очи хана?

Но звездочет оттолкнул рабов. Он подошел к третьим, золотым, воротам, ударил в них своей палкой, и третьи, золотые, ворота широко распахнулись.

Он вступил в ханский сад. Сад был украшен цветами, беседками и фонтанами. Посреди сада, на лужайке, окруженной тремя арыками, под тенью виноградных листьев, на высоких, шитых золотом подушках сидел грозный хан — владыка и повелитель, милующий и карающий. Хан беседовал со своими приближенными, и знатные визири слушали его, разинув рты и боясь пропустить хотя бы одно ханское слово. Так они трепетали перед ним.

Конечно, старый колдун не осмелился нарушить эту беседу. Он стал в стороне со своим чудесным верблюдом, ожидая, пока многомудрый владыка кинет на него свой благосклонный взгляд. Конечно, тут же был и Ярты-гулак: он выглядывал из верблюжьего уха и с любопытством рассматривал хана. А так как ему было нечего делать, он стал слушать, о чем они говорят.

Самый старший визирь поклонился хану и сказал:

— Светоч милости, бездна добродетели и мудрейший из людей, умудренный самой мудростью! Приклони свое ухо к словам преданного слуги. Весной тает снег на горных вершинах, он наполняет водой все реки, а последний дождь сделал нашу реку еще полноводней. А вода — ты знаешь: вода — это золото! Она даже дороже золота! Зачем же она течет на поле дайхан? Вели преградить реку высокой плотиной, отведи воду, и золото потечет в твои сундуки!

Ярты-гулак испугался, услышав о злом замысле старшего визиря. Он понимал, что без воды не вырастут у отца на поле ни пшеница, ни хлопок: он понял, что за горсть воды дайхане станут рабами жестокого хана. Хан же был очень доволен и воскликнул:

— Эй, мой визирь! Сегодня ты сказал мудрое слово. Я соберу в мою сокровищницу все богатства моей страны и богатства соседних стран. Пусть будет по-твоему: созови всех рабов и пленников и прикажи им день и ночь строить плотину на нашей реке.— И хан от радости так ударил в ладоши, что все сорок колец на его руках зазвенели, как колокольчики.

Визирь поклонился хану в землю и бегом бросился исполнять его приказание.

И вдруг верблюд закричал:

— Остановись, визирь-ага! Остановись сейчас же, или произойдет большое несчастье!

И визирь в изумлении остановился, а хан чуть не упал с парчевых подушек. Его приближенные схватились за бороды и застонали, качая головами:

— Вах, вах, уж не джин ли забрался во дворец великого хана?!

Но старый звездочет вышел вперед, поцеловал землю у ног владыки и торжественно произнес:

— О величайший из великих и мудрейший из мудрых! Я исполнил твое желание и привел к тебе на поводу настоящее чудо. Вот мой говорящий верблюд, равного которому нет под солнцем!

Но хан не сразу поверил звездочету. Тогда старый колдун прибавил:

— Поговори сам с этим мудрым животным, и ты убедишься, что в моих словах нет ни тени лжи!

И хан благосклонно кивнул головой. Но он не знал, с чего начать беседу: каждый день говорил он с советниками и мудрецами, но разговаривать с верблюдом ему еще ни разу не приходилось. Наконец он робко сказал:

— О умнейший из верблюдов, подойди поближе и дай нам насладиться твоей мудрой беседой.

Но верблюд не подошел, он издали поклонился хану и учтиво промолвил:

— Эй, мой хан, ты одет в шелк, а твои советники — в бархат. Недостоин я подойти к тебе без попоны.

Тогда хан еще больше удивился и велел покрыть верблюда своим самым лучшим парчевым халатом. Учтивый верблюд ответил:

— Благодарю тебя, щедрый хан! Теперь, когда мое исхудалое тело покрыто попоной, я могу приблизиться к тебе и сказать, что я не тот, за кого меня принимают, а ты говоришь не с тем, кого видишь, смотришь не на того, кто с тобой говорит!

Хан ничего не понял из того, что ответил ему верблюд, но, пораженный мудростью животного, воскликнул:

— Но кто же ты?

Ярты не растерялся и ответил за верблюда:

— Я — знаменитый ученый, математик, строитель дворцов и целитель болезней! Знания мои я получил от отца моего отца, а отец моего отца получил их от отца своего отца, а отец отца его отца... — верблюд говорил очень долго, так долго, что хан даже задремал, но он не посмел перебить хотя бы словом поток красноречия ученого верблюда. Когда же верблюд закончил свою речь, хан воскликнул:

— О премудрый! Я не знаю, кто был твой отец и отец твоего отца и отец отца твоего отца, но я вижу, что все они были великими мудрецами. Почему же ты стал верблюдом?

И верблюд ответил:

— Повесть моей жизни длинна и печальна, как дорога пустыни. Тысячу лет назад я строил хрустальный мост от земли до неба. Я строил его для злой и коварной волшеб-

ницы-пери. Но однажды я поссорился с ней, и она превратила меня в верблюда. Однако я сумел сохранить все свои знания и свою мудрость и сейчас, грозный хан, хочу предостеречь тебя от больших несчастий!

Так сказал верблюд, и хан затрясся от страха. Он вскочил с парчевых подушек и закричал:

— Говори, мудрейший, всю правду и ничего не бойся!

Верблюд ответил:

— Не строй плотины, как советует тебе коварный визирь! Помни: прежде чем войти в твое ханство, твоя река протекает через много земель и царств и повсюду теряет воду. Не в твоих землях надо строить плотину,—ее надо строить там, где снега питают реку,—на вершинах высоких гор. Вот тогда ты завладеешь всей водой под солнцем и, не вынимая меча из ножен, победишь всех владык вселенной!

Верблюд кончил и поклонился хану, а хан обнял его колючую шею и поцеловал верблюда прямо в губы. Однако премудрому верблуду такой поцелуй пришелся не по вкусу: он закричал, замотал головой и хотел уже брыкнуться, но Ярты вовремя крикнул ему:

— Хык-чек!—и премудрый верблюд опустился на колени перед растроганным ханом.

— Да будет так!—сказал владыка земли. Но тут поднялся старший визирь. Он испугался, что у хана появился новый любимец, и зашипел, как ядовитая змея:

— Позволь же спросить тебя, о чужеземный мудрец, кто, кроме орлов, может подняться к снежным вершинам,—туда, где наша река берет свое начало?

— Я,—спокойно ответил верблюд.—Я, который построил хрустальный мост для пери, дворец из птичьих косточек—для добрых джинов, беседку из огненных языков—для царя шайтанов! Я построю плотину в высоких горах и всю воду отведу во владения великого хана.

Визирь замолчал, а хан за такую услугу стал предлагать премудрому верблуду несметные сокровища. Но верблюд гордо ответил:

— Мудрецы не нуждаются в подарках. Оставь свои сокровища при себе, я и без них построю плотину. Дай мне на дорогу только мешок рису и бурдюк масла и жди моего возвращения тридцать три года и тридцать три дня. Я вернусь в пятницу после большого дождя.

— Да будет так!—сказал благодарный хан, и тотчас же слуги нагрозили верблюда рисом и маслом и даже повесили ему на шею золотой колокольчик, хотя ученый верблюд упорно отказывался от такого подарка.

Потом хан и все его визири и приближенные проводили говорящего верблюда за ворота и, вернувшись во дворец, стали ждать обещанной пятницы после большого дождя. Но дожди над песками выпадают редко и даже очень редко, и поэтому долго и очень долго пришлось ждать хану возвращения говорящего верблюда.

А вода по-прежнему текла к бедным аулам. Она журчала в быстрых прозрачных арыках, и каждую весну зеленели на полях пшеница и хлопок. Зеленели, потому что там, где вода,—там и жизнь,—как говорит старинная мудрость.

Так я сказал, а что не сказал,—другие придут и скажут.

СЕРЕБРЯНАЯ ТЮБЕТЕЙКА

Было ли это или не было,—жил старый падишах — властелин земли и воды, повелитель народов и городов, хозяин дворцов и несметных сокровищ. Но дороже всех сокровищ была для него дочь — Хан-Салтан, прекрасная, как ветвь цветущего миндаля. Не чаял в ней души падишах, но люди знали, что красавица зла и упряма. С малых лет ее окружали тысячи слуг, и достаточно было сказать ей слово, как все бросались исполнять ее желание. И даже воля самого падишаха не была для нее законом.

Падишах сказал своей дочери:

— О Хан-Салтан! Я уже стар и сед. Не пора ли тебе избрать жениха по сердцу, чтобы я мог при жизни порадоваться твоему счастью и, умирая, передать свое богатое царство в надежные руки?

Но красавица сказала:

— Нет, не пора.

Тогда падишах нахмурил брови и воскликнул:

— Не о себе думай — думай о царстве! Мало ли в наших землях отважных джигитов и прославленных доблестью палванов. Мало ли юношей прекрасных, как молодой месяц, и мудрых своей ученостью. Тебе остается только выбрать. Такова моя воля. Ты завтра же назовешь своего избранника.

Красавица упала на ковер и зарыдала, а падишах удалился.

На другой день злая красавица вошла в покои отца-падишаха, села на шелковую подушку и, опустив глаза, сказала:

— Я согласна, отец.

— Кто же избранник?— воскликнул падишах.— Кто будет властелином земли и воды, повелителем народов и городов, хозяином дворцов и несметных сокровищ? Назови его!

— Он сам назовет себя,— отвечала красавица. Но отец не понял ее ответа. Тогда красавица рассмеялась и, сняв с головы нарядную, вышитую серебром, тюбетейку, сказала:

— Ты видишь эту тюбетейку, отец? Второй такой нет во всем нашем царстве. Я прикажу слугам повесить ее на вершине самого высокого минарета. И тот, кто снимет ее оттуда,— будет моим мужем.

Так сказала красавица и убежала. Тотчас же сотни слуг поспешили к мечети, по крутой лестнице вскарабкались они на кровлю самой высокой башни, на верхушке которой блеснул позолоченный полумесяц, и на верхний острый рог полумесяца повесили тюбетейку дочери падишаха. А двери башни забили листами кованой меди, чтобы никто не мог взойти наверх по ступеням.

Затрубили в трубы карнайчи—глашатаи, объявляя людям волю гордой красавицы, и молодые бесстрашные джигиты стали стекаться со всей страны к столице царства, где на площади, перед дворцом падишаха, возвышался стройный, как пальма, и гладкий, как слоновою кость, минарет главной мечети.

Отважные на могучих конях пытались доскочить до вершины башни, но падали вниз и разбивались насмерть, так и не достав серебряной тюбетейки. Осторожные упорно карабкались вверх по гладким стенам, но и осторожных постигала та же участь. А злая царевна смотрела из окна своей спальни и смеялась. Ни жалость, ни участие ни разу не постукали в ее злое сердце. И так было каждый день.

Ни в стране падишаха, ни в соседних странах не было дома, где не оплакивали бы гибель сына, брата или племянника. Скоро весть о серебряной тюбетейке дошла и до того аула, где жил со своим отцом Ярты-гулак. Конечно, самые лучшие юноши тоже захотели показать свою удаль. Они стали собираться в дорогу. Напрасно плакали матери и сестры, напрасно они умоляли юношей остаться дома. Отважные джигиты молча продолжали седлать своих коней. Тогда прибежал Ярты-гулак и стал кричать:

— Эй, джигиты, слава и честь аула! Я думал, что вы мудрее мудрых, а вы не можете отличить овцы от шакала! Не верьте этой злючке. Она хочет известить всех вас!

Но молодость и благоразумие не живут в одном доме.

Юноши сели на своих коней и ускакали. Только пыль столбом поднялась в пустыне.

Ярты посмотрел им вслед и сказал своей матери:

— Эдже-джан, мне не нужна красавица, но я поеду в город и попробую снять с минарета серебряную тюбетейку дочери падишаха. Разве не должен я выручить таких отважных джигитов, как наши парни?

Так сказал Ярты и стал седлать своего старого ишака.

Мать заплакала и принялась уговаривать сына не ездить ко двору падишаха.

Она сказала:

— Не пущу я тебя, дорогой сыночек, подобный бутону мака, лепестку гвоздики и золотому семечку яблока. И тебя погубит злая красавица. И для тебя, малыш, не найдется жалости в ее каменном сердце.

Отец стонал и просил:

— Образумься, Ярты! Ты опозоришь мою седую бороду и погибнешь сам. Не тебе, маленькому, словно муравей, совершить подвиг, который не по силам и прославленным паванам.

Проворный Ярты обнял отца и мать и ответил им:

— Не плачьте. Где не пройдет верблюд, без труда проскочит маленькая мышка.

Он подпоясал свой праздничный халат пестрым кушаком, сел на осла и уехал.

Долго, ой, долго ехал Ярты по пескам пустыни, подгоняя неторопливого ишака. Наконец он увидел город. Это была столица старого падишаха. Над высокими городскими стенами развевались зеленые шелковые знамена с вышитыми на них драконами, а на угловых башнях-бойницах стояли красавцы великаны-карнайчи и трубили в длинные, в рост человека, трубы-карнаи, созывая охотников потягаться силой и ловкостью за высокую честь стать мужем дочери падишаха.

Они громко трубили и кричали:

— Слушайте, люди! Кто сорвет с минарета городской мечети серебряную тюбетейку красавицы Хан-Салтан, тот станет ее мужем и наследником падишаха — властелином земли и воды, повелителем народов и городов и хозяином дворцов и несметных сокровищ!

Толпы народа спешили к городским воротам. Ярты привязал своего ишака за городской стеной в тени высокого карагача и вместе с толпой поспешил на главную городскую площадь.

Посмотрел Ярты на минарет — высоко, голова кружится. Потрогал он стенку башни — гладкая — не за что зацепиться. Подбежал к двери — нет ли щелочки, чтобы прошмыгнуть и взобраться наверх по лестнице? Но двери были так плотно

забиты листами меди, что не осталось даже маленькой лазейки, а у дверей стояла вооруженная стража. Грустно стало Ярты-гулаку. Он сел посреди площади и задумался, глядя на верхушку башни. Вдруг он увидел стаю голубей. Белые птицы, словно комочки хлопка, кружились над минаретом.

— Эй, Хан-Салтан, злая пери!—воскликнул малыш и даже заплясал от радости.—Теперь ты у меня в руках!

Он порылся в карманах и нашел там крошки чурека, который мать дала ему в дорогу. Он разбросал крошки у подножья минарета, спрятался за каменным порогом и стал ждать. Голуби покружились, покружились вокруг минарета и спустились на землю. С тихим воркованьем они принялись подбирать крошки. Тогда Ярты осторожно выполз из засады и стал подбираться к самой большой голубке. Одним прыжком он схватил ее за хвост, и голубка забилась у него в руках, а Ярты закричал как только мог громко:

— Эй, эй, кш, кш! Летите голуби выше, несите меня на башню!

Конечно, голуби не поняли слов Ярты-гулака, но они испугались крика, поднялись в воздух и полетели.

Ой, как высоко летел Ярты над столицею падишаха! Он видел сверху дворцы и кривые улицы, видел базары и шумные площади, видел поля, изрезанные арыками, но он не видел минарета мечети. Голуби несли его совсем в другую сторону! Малыш испугался. Руки его ослабели. Из последних сил уцепился он за хвост голубки и зажмурился. Однако и голуби стали уставать. Они повернули к дому и вскоре уселись на резном карнизе минарета. Ярты открыл глаза и обрадовался.

«Дело сделано!»—подумал малыш и собирался уже снять с башни серебряную тюбетейку, но не тут-то было! Перед ним возвышалась крутая кровля, над кровлею—золотой полумесяц, а еще выше чуть виднелась в сверкающем небе усыпанная драгоценными камешками тюбетейка дочери падишаха.

Но возвращаться назад было уже поздно. Да и не такой был парень Ярты, чтобы, начав дело, бросить его на полдороге. Он стал карабкаться вверх по скользким изразцам кровли. Он срывался и начинал карабкаться снова. Вот он уже зацепился за золотой рог полумесяца. Еще усилие—и он держит в руках драгоценную тюбетейку дочери падишаха. Но разве просто распутать сорок петель и сорок узлов на шелковых шнурках, которыми привязана тюбетейка, да еще на такой высоте! Левой рукой он держался за полумесяц, и только правая рука была у него свободна. А много ли на-

работаешь одной рукой? Но терпеливый и на ветру раздует огонь. Ярты, когда нужно, умел быть настойчивым и терпеливым. Еще не спустился за край пустыни красный шар солнца, а шапочка Хан-Салтан была уже в руках Ярты!

Мальчик обрадовался. Но тот неблагоразумен, кто радуется раньше времени. Ярты глянул вниз, и сердце его остановилось: под ним была пропасть, на дне которой, как муравьи, ползали маленькие человечки, а дворец падишаха казался сверху не больше отцовской кибитки. От страха кровля заходила под ногами у малыша. Как же теперь спуститься вниз?

В это время снизу раздались три звонких удара гонга. Это закрывался базар. И сразу же на всех соседних минаретах муэдзины затянули свою вечернюю молитву.

Приближалась ночь.

«Эй, Ярты,—сказал сам себе малыш.—Долго ли ты будешь качаться под самым небом? Надо торопиться на землю. В полдень пустыня дышит зноем, а в полночь — холодом. Если я останусь на башне, то замерзну, как путник на вершине снежной горы».

Так подумал Ярты и стал искать глазами голубей. Но птицы давно уже спали. И сколько Ярты ни думал,—ничего придумать не мог.

Но вот над песками пронесся первый порыв вечернего ветра. Он залетел за городские стены, поднял пыль на узких кривых улицах, зашумел листьями в садах падишаха, поднялся выше, прошумел по кровлям и вихрем налетел на башню минарета, где сидел Ярты со своей серебряной тубетейкой. Как пушинку подхватил ветер шапочку дочери падишаха. Но не мог же Ярты выпустить из рук драгоценность, за которой карабкался целый день, рискуя жизнью? Тубетейка взлетела на воздух, вместе с ней взлетел и проворный Ярты.

Долго играл вечерний ветер с нарядной шапочкой дочери падишаха, долго он носил Ярты по потемневшему ночному небу, но к полуночи стал стихать. И серебряная тубетейка плавно опустилась на розовый куст перед самым дворцом падишаха. Ярты прыгнул и сказал:

— Ну вот, я уже на земле! Пойду посмотрю, что делает мой ишак. Пора его покормить свежей травой.

Он подтянул кушак и, прижав к сердцу серебряную тубетейку, зашагал к городским воротам.

Теперь оставь Ярты-гулака и войди во дворец падишаха. Красавица Хан-Салтан еще не проснулась, когда в спальню вбежали ее подруги.

Они откинули кисею, которой дочь падишаха была укутана от комаров и москитов, и стали будить красавицу. Они закричали:

— О радость! О счастье! Проснись, прекрасная Хан-Салтан! Какой-то смелый джигит снял тюбетейку с высокого минарета! Отдай ему свое сердце, и мы будем веселиться на твоей свадьбе!

Как ужаленная змеей, вскочила красавица со своей постели, она разбросала шелковые подушки и затопала на подруг ногами:

— Молчите! Кто позволил вам надо мной смеяться!

Она распахнула окошко спальни и увидела, что тюбетейки на башне не было. А в двери входил уже отец-падишах со свитой: они пришли поздравить красавицу.

Ровно в полдень снова запели на башнях трубы-карнаи, зарокотали бубны и засвистели дудки, созывая народ на площадь. Двери дворца распахнулись, и сам падишах со своей дочерью появился перед толпой. Властитель земли и воды, повелитель народов и городов и хозяин дворцов и несметных сокровищ поднялся на помост под ковровым навесом и сел на вытканые золотом подушки, а рядом с ним села красавица Хан-Салтан. И тотчас же их окружили рабы с опахалами и воины в сверкающих на солнце доспехах.

Падишах сказал:

— Приведите сюда богатыря-пальвана, отважнейшего из отважных и бесстрашнейшего из бесстрашных — того, кто достал с высокого минарета серебряную тюбетейку. Пускай он при всем народе получит из наших рук обещанную награду!

Царедворцы бросились исполнять волю своего владыки, но вернулись в страшном смущении. Они молча упали перед падишахом.

— Лентяи! Где мой жених?! — вскричала красавица Хан-Салтан.

Но царедворцы молчали. Никто из них даже не шевельнулся.

— Отчего вы молчите? — сказал падишах чуть слышно, но каждое его слово слышали на другом краю площади, — так стало тихо.

Но царедворцы опять не сказали ни слова. Тогда самый старый визирь, такой старый, что никто уже не помнил, когда появился он в стране падишаха, поднялся с земли и, подойдя к красавице, взял свою бороду в руки в знак покорности и печали.

Он сказал:

— О прекраснейшая из прекрасных и мудрейшая из мудрых! О дочь звезды и сестра розы, приготовься увидеть то, чего ты никогда не видала, и услышать то, чего никогда не слыхала.

Так он сказал и взмахнул рукой. Тотчас толпа расступилась и первые визири царства, одетые в тканые золотом шелковые халаты, приблизились к падишаху. В руках они несли медное блюдо тончайшей чеканки, а на блюде, весело улыбаясь, стоял мальчик, ростом в половину верблюжьего уха, и держал серебряную тубетейку.

Красавица глянула на крошечного мальчишку, ударила себя по коленям и взвизгнула на всю площадь:

— Негодные! Кто сыграл со мной злую шутку? Это ли отважнейший из отважных и бесстрашнейший из бесстрашных! Да его можно всего с головой запрятать в скорлупу от ореха!

Но Ярты не смутился. Он ответил:

— Не по росту цени, цени по делу!

И, увидев, что красавица залилась слезами, прибавил:

— Было бы из-за чего плакать! Не для того я лазил на башню, чтобы стать твоим мужем и повелителем царства. Ты вовсе мне не нужна. Слыхала, что говорят в народе: «Брыкливого ишака и бархатная попона не украсит!» Не для тебя я старался, я хотел поберечь лихих джигитов, что, как бабочки на огонь, летели на твой зов. А теперь — зови не зови — никто не придет к тебе, хоть развесь ты свои шапки на всех минаретах! А из этой серебряной тубетейки я сошью отличный налобник для своего старого ишака: он у меня не брыкливый!

Так сказал Ярты, и толпа засмеялась.

— Слуги, воины, рабы! — закричала дочь падишаха. — Отрубите голову дерзкому мальчишке!

Слуги бросились выполнять ее приказание, но Ярты как сквозь землю провалился. Сколько его ни искали, — найти не могли. Не так-то легко найти иголку в стоге сена!

А Ярты был уже далеко — за городской стеною. Он отвязал своего верного ишака, вскарабкался к нему на спину и, не спеша, потрусил к своему аулу.

— Ио, ио! — подгонял мальчик осла. — Скачи проворней, если можешь. На нашем хлопковом поле куда привольней, чем в городе падишаха!

Так он ехал, беседуя со своим серым другом. Яркое светило солнце, а впереди расстилалась длинная, как сама жизнь, дорога пустыни.

ЯРТЫ-ГУЛАК ОТПРАВЛЯЕТСЯ В ПУТЬ

линна дорога пустыни, но и пустыне бывает конец. Долго рассказывать сказку, но и сказка когда-нибудь кончится.

Было ли это, или не было,—недалеко от аула, где жил Ярты, среди песков находился древний колодец. А рядом с колодцем росли три высоких тутовых дерева.

На всю пустыню славился этот колодец своей чистой и прозрачной водой. Поэтому часто в тени деревьев останавливались на отдых караваны, чтобы и люди, и кони, и ослы, и двугорбые верблюды могли утолить свою жажду прохладной водой.

Недаром прозвали путники этот колодец «Ак-су», что значит «белая вода»—вода, чище которой нет и слаще которой нет.

Очень часто бегал Ярты к колодцу.

Он любил смотреть, как, мерно покачиваясь на ходу, подходили к колодцу верблюды. Медленно опускались они на колени, а погонщики с криком и веселыми шутками снимали у них со спины тяжелые вьюки.

Он любил смотреть, как, забыв про усталость, люди раскладывали в прохладной тени кошмы и цветистые ковры. Они разводили костры и усаживались вокруг больших казанов, собираясь сытно поесть после долгого утомительного пути. Кричали верблюды, ревели ослы, ржали красавцы-кони у водопоя, а деревянное колесо колодца все скрипело и скрипело, поднимая из глубины большие кожаные ведра, и прозрачная, как стекло, вода, журча наполняла кувшины и бурдюки.

Многое можно было увидеть у старого колодца, но больше всего любил Ярты слушать рассказы путников про далекие страны.

Он любил слушать о жарких краях, где бродят в лесах стада диких слонов, где в пальмовых рощах от зари до зари кричат и скачут проворные обезьяны, а на отмелях великих рек дремлют ленивые носороги.

Он любил слушать о больших древних городах, где живут искусные мастера, умеющие делать бумагу, закалять сталь в огне, строить прекрасные здания и мосты и обжигать прозрачный фарфор, равного которому нет на свете.

Он любил слушать о далеких морях — то синих под ярким солнцем, то черных в час непогоды. О высоких горах, на вершинах которых гнездятся орлы и грифы. О равнинах, покрытых глубоким снегом. Об охотниках страны холода, добывающих мех лисицы и горноста.

Слышал не раз Ярты и рассказы путников об ученых людях полуночных стран, следящих за движением звезд и исцеляющих все болезни.

Слышал он о богатых базарах Куня-Ургенча и Бухары, о красавицах Индии и мудрецах Китая.

Многое слышал Ярты у старого колодца, и хотелось ему самому побывать повсюду, посмотреть, что хорошо и что плохо в соседних странах: поучиться у мудрецов — мудрости, у ученых — учености, у мастеров — мастерству, у охотников — смелости и отваге.

Но отец сказал Ярты-гулаку:

— Ягненок мой, и отец твой, и дед, и прадед прожили долгую жизнь, но знали только одну дорогу — от своей кибитки до хлопкового поля. В далекие страны ездит тот, у кого много денег, а с одной медной таньга не уйдешь дальше своего дувала.

Так говорил отец, так говорила нужда. Но не так думал Ярты-гулак. Он непременно хотел и себя показать, и весь свет посмотреть. Он давно бы ушел в далекие страны, но не хотел причинить горе своим родителям.

Однажды Ярты пришел к колодцу и увидел, что в тени деревьев расположился большой караван для ночлега. Было в нем триста верблюдов, и, как разузнал Ярты, направлялся он из Хивы в далекий Коканд.

Прыгая через тюки, через бочки с хлопковым маслом, проползая между ковровых хурджунов и пестрых чувалов с товарами, Ярты пробрался к колодцу, где стояла толпа погонщиков и купцов. А посреди толпы, на богатом ковре, сидел седобородый старик в высокой бараньей шапке и пел песни под звон дутара. Ярты очень любил песни. Часто встречал он разных певцов у старого колодца, но этого седобородого старика никогда не видал и никогда еще не слышал таких чудесных песен.

Он спросил знакомого погонщика верблюдов:

— Дурды-джан, скажи мне, кто этот старик, который поет, словно соловей в ночную пору?

Погонщик ответил:

— Соловей поет хорошо, но тот, кто когда-нибудь слышал, как поет седобородый Салих, не захочет слушать и соловья!

Узнав, что незнакомый певец не кто иной, как знаменитый бахши Салих, Ярты очень обрадовался. Много раз слышал он это имя от своего старого отца, но еще ни разу не приходилось ему послушать, как он поет.

Ярты вскарабкался на высокую грудку мягких тюков хлопка, чтобы не пропустить ни одной песни, и принялся слушать.

Медленно наступала ночь. Ярче запылали костры во мраке, где-то вдали в песках затаивались шакалы, золотой месяц, словно лодка-каюк, поплыл по темному небу, а бахши все пел и пел, и одна песня была лучше другой.

Забрезжило утро. Легкий ветерок пробежал по равнине, петухи пропели в далеком ауле, и яркие звезды стали гаснуть, а бахши пел, забыв о времени и усталости. Люди слушали и не могли наслушаться, потому что песня подобна большой реке, которая утоляет жажду каждого, кто к ней приблизится.

Вместе со всеми слушал «туркменского соловья» и проворный Ярты-гулак. Он плакал, если песня была печальной, и от души смеялся веселым шуткам. Он так удобно устроился на мягких тюках хлопка, что даже прилег, слушая песни и глядя в бездонное небо пустыни.

С раннего утра в этот день Ярты работал в поле, до позднего вечера бегал он с мальчишками по аулу и очень устал. А к усталому человеку быстро приходит сон. Голова мальчика опустилась на грудь, щеточки черных ресниц сомкнулись и Ярты крепко заснул, зарывшись в мягкую грудку хлопка. Его убаюкала песня.

Долго ли спал Ярты,—никто не может сказать, но проснулся он оттого, что кто-то качал его, будто в колыбели. Мальчик открыл глаза и ничего не увидел—так было темно. Он хотел потянуться, но руки его запутались в каких-то шелковистых волокнах. Ярты испугался и закричал, но его никто не слышал. Тогда малыш собрал все свои силы и пополз, раздвигая руками цепкие волокна. Он долго полз во мраке, кашляя и задыхаясь от пыли, и, наконец, увидел солнце. Солнце стояло высоко и беспощадно сжигало землю. Ярты глянул вперед и увидел бескрайнее море черных песков. Только крутые барханы, как грозные часовые, возвышались над песками пустыни. Тогда Ярты понял, что с ним случилось, и горько заплакал. Заснув, он провалился в тюк с хлопком, а погонщики не заметили малыша, навьючили тюки на своих верблюдов и увезли Ярты-гулака вместе с хлопком в далекие страны. Ярты плакал, а верблюды все шли и шли, позвякивая колокольчиками. Они шли древним караванным путем—ша-ёлом—в далекий Коканд, унося мальчика все дальше и дальше от родного дома.

Наконец один из погонщиков услышал, что кто-то пищит у него на вьюке. Он оглянулся и увидел Ярты-гулака.

— Ты откуда, малыш?— закричал погонщик.— Зачем ты увязался с нами? Тебя птицы и те заклюют, а верблюды затопчут! Пропадешь ты без отца и без матери!

Ярты и сам понимал, что дела его плохи. Он хотел заплакать еще громче, но вдруг услышал ласковый голос:

— Я заменю малышу и отца и мать!— И сильная большая рука осторожно подняла мальчика.

Ярты глянул и увидел белую бороду — такую же белую, как борода его отца. Он увидел ласковые глаза — такие же ласковые, как глаза его матери. А от этих глаз, словно солнечные лучи, по всему лицу бежали мелкие добрые морщинки. Ярты сразу узнал бахши Салиха. Старик вынул из кармана халата красный шелковый платок, осторожно вытер мальчику слезы и сказал:

— Не плачь, милый. Плакать молодцу не к лицу. В моей сумке я устрою тебе кибитку, от жаркого солнца прикрою своей бородой, от холодного ветра спрячу в рукав моего ватного халата, а еды нам обоим много не нужно.

— Ах, дедушка Салих!— ответил Ярты старику.— Я знаю, что мне с тобой плохо не будет, но я плачу оттого, что уехал из дому, не попрощавшись ни с матерью, ни с отцом. Они будут горевать и считать меня погибшим, а если узнают, что я сам без спроса ушел в далекие страны — сочтут меня неблагодарным.

Старый бахши улыбнулся и ответил:

— Это очень хорошо, мой мальчик, что ты любишь своих родных и заботишься о них так же, как они заботятся о тебе. Но разве pomoжешь слезами горю? Не плачь, я знаю, как выручить тебя из беды. Скоро в пустыне поднимется ветер, шепни ему слово, пошли с ветром привет своему почтенному отцу и доброй матери, а ветер донесет твои слова до родного дома.

Так сказал старый бахши, а караван продолжал свой путь. Тихо позвякивали колокольчики, и шаг за шагом медленно выступали верблюды вслед за белым ишаком проводника — караван-баши...

Где был караван, там нет его. След ноги и тот замечает горячая пыль пустыни.

Печально встретили это утро старик и старуха.

Солнце взошло за полдень, а Ярты не возвращался.

Старуха пела:

Где ты, наш сынок,
Проворный сынок,
Подобный цветку и солнцу?

Старик вздыхал и тоже пел:

Где ты, сынок,
Подобный орлу и барсу?

Потом старуха заплакала:

— Верно говорят люди, что дитя слаще меда. Пропал наш Ярты, и жизнь потеряла для нас цену.

Старик ничего не сказал.

Он промолчал. Слова от горя не шли ему на язык.

Они взялись за руки и пошли в пустыню. Они стояли на краю аула и смотрели на бескрайнее море черных песков. Но никто не приходил. А солнце уже садилось.

Вдруг они услышали тихий свист. Это запели пески, отдавая свое тепло вечерней прохладе. И вместе с этим протяжным пением, словно далекий вздох, до них донеслось дуновение ветра. Он тронул бороду старика, поиграл концами платка старухи, и в песне пустыни отец и мать услышали знакомый голос:

— Ата-джан, эдже-джан! Ждите меня! Не горюйте! Я скоро вернусь. И привезу вам подарки. Тебе, отец,—шелковый халат из Коканда, тебе, мать,—расписную индийскую шаль. Я только немножечко посмотрю, что творится на белом свете...

Так прошелестел ветер и улетел в пески Каракумов, а вместе с ним растаял вдали и голос Ярты-гулака.

Старик и старуха уже не плакали.

Улыбаясь, пошли они к своему дому и стали ждать, когда вернется Ярты, вернется умелым и сильным, ученым и умудренным жизнью.

Старуха сказала:

— Конечно, мальчик вернется. Много прекрасных земель на свете, много богатых стран, но нет для человека края дороже, чем та земля, на которой он родился.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
«Сам ниже горшка, борода — два вершка». Перевод О. Эрберга	7
Сто золотых. Перевод О. Эрберга	12
Гюльнар-джан. Перевод О. Эрберга	18
Дэв и три девушки. Перевод О. Эрберга	22
Кривой ворон. Перевод О. Эрберга	27
Юноша и разбойники. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	31
Шазада и жеребенок. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	33
Ахмед. Перевод О. Эрберга	37
Счастье и гелин. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	40
Умный юноша. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	42
Визирь и дети. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	44
Ак-Памык. Перевод О. Эрберга	46
Бай стоит ишана. Перевод О. Эрберга	56
Бай и батраки. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	59
Падишах Харун Рашид. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	62
Падчерица. Перевод О. Эрберга	65
Гульджахан. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	72
Сын вора. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	80
Овез Ялта. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	82
Бедняк и жадный ишан. Перевод О. Эрберга	88
Бяхлили Дана. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	95
Керем. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	97
Карамерген. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	105
Сын чабана. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	107
Советы старого отца. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	111
Выкуп дочери падишаха. Перевод О. Эрберга	115
Щедрость и хвастовство. Перевод О. Эрберга	120
Добрый дайханин. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	126
Сыновья падишаха и рабыни. Перевод О. Лозинской и О. Довлетовой	129
Женщина на троне. Перевод О. Эрберга	150
Ковродел. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	159
Сахатдурды. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	161
Мамед-джан. Перевод О. Эрберга	174
За собственные ноги. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	187
Трус Худайберды и лисица. Перевод О. Эрберга	189
Подарок. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	195
Чабан. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	199
Хорезмин. Перевод М. Злобиной и О. Довлетовой	207
Находчивый бедняк. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	213
Сын вдовы. Перевод М. Злобиной и О. Довлетовой	215
Добро и зло. Перевод В. Чулкова и О. Довлетовой	221
Как Ярты-гулак нашел отца и мать	224

1р. 05 к.